

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№11 (103) 2023

ISSN 2412-8953

<https://scipress.ru/philology/>

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №11 (103). 193 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Кокова Л.Д. Ономастические особенности ранних произведений А.Н.Рыбакова	7
Линтруп Н.О., Таскаева А.А., Зарубин А.М., Субботин Я.А., Латышева М.А. История русского языка в международных отношениях и дипломатии.....	17
Линтруп Н.О., Таскаева А.А., Субботин Я.А., Зарубин А.М., Латышева М.А. Лексические ошибки в речи современных носителей русского языка и пути их исправления	24
Языки народов Российской Федерации	31
Дядюн С.Д. Морально-этические характеристики женских персонажей в хантыйских сказках: на примере Мощ и Пор.....	31
Харабаева В.И. Сравнительные конструкции с глаголами действия в якутском языке.....	38
Германские языки	46
Бедарева А.В. Специфика перевода политического дискурса (на материале выступлений канцлера Германии Олафа Шольца).....	46
Максимова В.В. Ключевые слова в контексте немецких мемуаров Второй мировой войны	54
Погосян В.М., Бедарева А.В. Способы обогащения медицинской терминологии немецкого языка.....	64
Чеботарева В.В. Трудности перевода и интерпретации эвфемизмов.	69
Теория языка	73
Arabaji K. D., Sofina I. I., Ulzhabayeva A. G. The nature of the mythological cultural code as a special type of the second reality	73
Дионк К.М. Восточная лексика в сказке М.Ю. Лермонтова «Ашик киреб»	86
Камрыш О.В. On the question of the universality and specificity of intonational characteristics in French special questions	96
Кондрашова В.Н., Шустрова Е.Н. Функционирование прецедентных топонимов в англоязычном юмористическом дискурсе	102
Ощепкова Н. А., Комарова П. Е. Способы перевода культурологических реалий в англоязычном политическом тексте	110
Шеремета Е.И. Взаимосвязь философии с лингвистикой	118
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	124
Ханхашанова А.Т., Дашибалова Д.Б. Лексико-семантический анализ прилагательных со значениями «толстый» и «тонкий» в бурятском и корейском языках	124

Черникова Е.О., Львова Н.И. Многозначность в составе русско- и англоязычной терминологии бизнес-логистики	132
Черникова Е.О. Специфика интернациональных терминологических единиц подотрасли «воздушный транспорт» в русском и английском языках.....	138
Русская литература	144
Безруков А.Н., Безрукова А.А. «Я – поэт. Этим и интересен»: к 130-летию Владимира Маяковского	144
Литература народов стран зарубежья	150
Бутымова А.В. Традиции жанра семейной хроники в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка»	150
Куркова Д.И. Концепт «Бренд» в романе Лорен Вайсбергер «Дьявол носит Prada»	155
Мельникова Л.А. Тема служения искусству в новелле Т. Манна «Тяжелый час» .	164
Журналистика	169
Янь Я. Анализ текущей ситуации с медийной критикой в новых медиа КНР	169
Лингвокультурология	176
Дзкуя В.Р. Технология позиционирования бренда в сфере телевидения	176
Кичеева К.В. Представления хакасов о времени и пространстве: вербализация знаний в паремиях	181
Семухина Е.А. Грех или прегрешение? Концепт французской культуры «чревоугодие» через призму медиадискурса	188

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81

Кокова Л.Д. Ономастические особенности ранних произведений А.Н.Рыбакова

Кокова Лейла Джамалдиновна

канд. фил. наук, зав. лабораторией ономастики и социально-политических исследований Кабардино-Балкарского госуниверситета им. Х.М.Бербекова
РФ, г. Нальчик
kokovaleila@yandex.ru

Onomastic features of the early works of A.N.Rybakov

Kokova Leila Jamaldinovna

Candidate of Phil. sciences, head. Laboratory of Onomastics m of socio-political studies of Kabardino–Balkarian State University named after H.M.Berbekov
Russian Federation, Nalchik

Аннотация. **Актуальность** исследования связана с отсутствием работ, посвященных ономастическим особенностям именно ранних произведений А.Н.Рыбакова, поскольку имеющиеся исследования по данной тематике в основном затрагивают более поздние произведения автора, в частности «Дети Арбата». Произведения Рыбакова, несомненно, заслуживают ономастического анализа, поскольку они присутствуют в них не формально, а являются «героями» произведений, создавая неповторимую атмосферу и помогая в создании образов. **Предметом** исследования являются богатейшее ономастическое пространство произведений А.Н.Рыбакова для детей и юношества: трилогия «Кортик», «Бронзовая птица» и «Выстрел», с которой началось творчество автора, а также повести о Кроше: «Приключения Кроша», «Каникулы Кроша», «Неизвестный солдат». Произведения автора обогащены топонимами, антропонимами, урбанонимами, ономастическими легендами. Они являются важнейшей составляющей произведений, а иногда и «героями», как Москва. Особое внимание обращено на объекты микротопонимики, имеющие богатую историю, описанную еще в древнерусских письменных памятниках, а также истории названий не только крупных городов, но и небольших населенных пунктов. История гидронимов в произведениях не менее богата и информативна, поскольку многие топонимы в повестях имеют отгидронимическое происхождение. **Результатами** исследования являются анализ и систематизация, по возможности, полной ономастической картины произведений, разделенной на анализ топонимов, гидронимов, антропонимов и ономастической легенды. **Область применения** результатов связана с дополнением уже имеющихся материалов по литературной ономастике в целом и в произведениях А.Н.Рыбакова в частности. Результаты исследования помогают также дополнить сведения о переименовании населенных пунктов, связанные с историческими событиями.

Ключевые слова: Антропоним, гидроним, история, кличка, легенда, прозвище, топоним, урбаноним.

Abstract. The relevance of the research is connected with the analysis of the onomastic features of the early works of A.N.Rybakov, since the available research on this topic mainly affects the later works of the author, in particular "Children of the Arbat". Rybakov's works undoubtedly deserve onomastic analysis because theonyms are not formally present in them, but are the "heroes" of the works, creating a unique atmosphere and helping to create images. The subject of the study is the richest onomastic space of A.N.Rybakov's works for children and youth: the trilogy "Dirk", "Bronze Bird" and "Shot", with which the author's work began, as well as the stories about Krosh "Adventures of Krosh", "Holidays of Krosh", "Unknown Soldier". The author's works are enriched with toponyms, anthroponyms, urbanonyms, onomastic legends. They are the most important component of the works, and sometimes "heroes", like Moscow. Special attention is paid to the objects of microtoponymy, which have a rich history, described in ancient Russian written monuments, as well as the history of the names of not only large cities, but also small settlements. The history of hydronyms in the works is no less rich and informative, since many toponyms in the stories have a hydronymic origin. The results of the study are the presentation, if possible, of a complete onomastic picture of the works, divided into the analysis of toponyms, hydronyms, anthroponyms and onomastic legend. The scope of application of the results is connected with the addition of already available materials on literary onomastics in general and in the works of A.N.Rybakov in particular. The results of the study also help to supplement information about the renaming of settlements related to historical events.

Keywords: Anthroponym, hydronym, history, nickname, legend, nickname, toponym, urbanonym.

Литературная или поэтическая ономастика является одной из самых интересных и наименее изученных отраслей этой науки. Изучению этого раздела ономастических исследований посвящены труды В.А.Никонова, М.В.Горбаневского, Ю.А.Карпенко, Э.Б.Магазаника и др. исследователей. Ономастическим анализом охвачены произведения А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, М.Ю.Лермонтова, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова, И.А.Бунина, М.А.Булгакова и других классиков русской и советской литературы.

В богатом творческом наследии А.Н.Рыбакова повести для детей и юношества известны нескольким поколениям читателей. С них начался творческий путь писателя.

В ранних повестях А.Рыбакова топонимы и гидронимы присутствуют не формально, как название того или иного населенного пункта или водного объекта, а как средство выразительности, помогающее читателю почувствовать время и место, где разворачиваются события. Топонимы, урбанонимы, антропонимы, гидронимы, легенды, сказания, древняя тайнопись - это канва, на которой автором умело вышит сюжет произведений.

«Рыбакову приходится писать, как мы уже видели и увидим, о городе и о деревне, о столице и о провинции. Но особенно легко и просто чувствуют себя его

герои на московских улицах. Во все времена герой Рыбакова – свой на этих шумных проспектах и в этих тихих переулках, он так хорошо понимает меняющиеся нравы и законы этих улиц, хорошо помнит их текучую топографию, любит их грохоты и звоны...» [1, с.43].

Трилогия для детей А.Рыбакова «Кортик», «Бронзовая птица» и «Выстрел», с которой и началась его писательская деятельность автора, «Приключения Кроша», «Каникулы Кроша» и «Неизвестный солдат», несомненно, представляют интерес для ономастического анализа.

Главным топонимом произведений А.Рыбакова является Москва.

Хотя события, описанные в «Кортике» и «Бронзовой птице», «Выстреле», трилогии о Кроше происходят не только в Москве, ее присутствие в повестях ощущается постоянно. Арбат, Смоленский рынок, Дорогомиловская застава, Проточный рынок, Замоскворечье, школа в Кривоарбатском переулке (в которой учился сам автор), Большой Савинский переулок, в котором был основан пионерский отряд – «полноправные герои» повестей Рыбакова.

Арбат является любимым «героем» практически всех произведений Рыбакова. Из одного произведения в другое Москва, ее урбанонимы переходят, практически не меняя названий, но придавая произведению новые краски. Топонимика Москвы у Рыбакова многогранна: от маленьких переулочков и тупичков до центральных улиц. Если в первых повестях автора «Кортик», «Бронзовая птица» описан центр Москвы 20-х годов XXв., в «Выстреле» - Москва времен НЭП, «Московской Саге» - столица на протяжении нескольких десятилетий, то в повестях о Кроше - это динамично развивающаяся одна из столиц мира .Е Старикова так описывает Москву конца 50-х годов XX в. уже в повестях А.Рыбакова о Кроше : «...рядом со светлыми новостройками еще соседствуют старые деревни, незасыпанные овраги, сохранившиеся остатки леса, где счастливые... жители так гордятся удивительным «микроклиматом» своего района, а вероятно, попросту свежим воздухом лесов и полей, который сюда легко доносится. Другая эпоха, другие краски. [1, с.30].

Замоскворечье, также, как и г.Москва, Московская область и др. относится к вторичным топонимам. Первичным в данном случае является гидроним Москва-река [2, с.24]. Примеров именованя города по названию реки много: Вязьма, Таруса и под. Москва, как гидроним имеет множество попыток толкования. Но, ни одна из версий на сегодняшний день не является абсолютно прозрачной.

«Как известно, Москва впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г. Владимиро-Суздальский князь Юрий Долгорукий пригласил в Москву князя

Святослава: «И шедь Святославъ и взя люди голядь верхъ Поротве. И тако ополонишася дружина Святославля и прислав Гюргии (Юрий) рече: приди ко мнѣ брате в Московъ». [3, с.81].

По одной из версий, Арбат происходит от арабского рабад. Это арабское слово было занесено в Москву восточными гостями, видимо через татарское посредничество. Топоним известен по летописям с 1493 года. [4, с.166].

Существуют и другие попытки толкования арабского рабат. В таджикском и некоторых тюркских языках термин толкуется, как «городские стены и поселения с внешней их стороны, т. е. предместья». [4, с.211]. Само слово Арбат появилось после Золотой Орды в период Крымского ханства и указывает на проникновение названия от крымских татар.

«Как странно видеть Арбат безлюдным!» - думал Миша. Он совсем маленький, узкий и тихий. Только теперь по-настоящему видны его здания. Миша оглянулся. Вон кино «Карнавал». За ним здание военного трибунала. А вот дом, где жил Александр Сергеевич Пушкин. Обыкновенный двухэтажный дом, ничем не примечательный. Даже странно, что в нем жил Пушкин. Пушкин, конечно, ходил по Арбату, как все люди и никто этому не удивлялся. А появись теперь Пушкин на Арбате – вот бы суматоха поднялась! Вся бы Москва сбежалась!» -, вот только одно упоминание о Арбате в «Кортике» [5, с. 108].

Кривоарбатский переулок, где находилась школа в «Кортике», получил свое название по близкому расположению к Арбату и кривой конфигурации улицы. Дорогомиловская застава также интересный топоним, значение которого до конца не изучено. Самые распространенные версии – это связь названия с выражениями ямщиков «дорогая милая» или «дорогая миля».

Смоленский рынок получил название от одного из древнейших славянских топонимов Смоленск. Г.П.Смолицкая и М.В. Горбаневский в своих исследованиях по топонимике Москвы склоняются к тому, что именно на Смоленской дороге было становище, которому крымские татары дали название Арбат.

Первое упоминание о Смоленске – 863 г. Вероятнее, первичность наименования жителей, т.е. смоляне + ск. В основе предполагают славянское смола (по занятию жителей), но название племен на –ане преимущественно даны по характеру местности или названию реки. [6, с.387].

Смолницы, как народный географический термин, объясняется Э.М.Мурзаевым как «глинистые почвы сухих и жарки областей... Названы так по

черному цвету. Распространены, главным образом, на балканском полуострове. Топонимы Смольня, Смольняя, Смолка, Смоловка, Смолянка, Смоленск» [2, с.510].

Действие повести «Кортик» происходит в небольшом городе Ревске, хотя главные герои повести - москвичи. Название, безусловно, связано с Октябрьской революцией 1917 года. Многие топонимы, связанные с революцией, имели как отапеллятивное происхождение (Ревск, Комсомольск и под.), так и отантропонимическое (Ленинград, Щорс, Фрунзе, и под.). Только топонимов со словом октябрь (октябрьский (-ая) в России и странах бывшего СССР около 230.

Ревск в повести Рыбакова - это Сновск, который в 1924 году стал городом. До 19 в. он назывался Коржовск, а уже в 1935 г был переименован в Щорс в честь героя гражданской войны Щорса. Это название город носил до 2016 г., пока не получил прежнее название Сновск. Аналогично были переименованы Орджоникидзе, Ворошиловоград, Сталинобад, Ульяновск, Беднодемьяновск и под. В более позднее время Брежнев, Андропов, Черненко и под.

Сновск имеет древнюю историю. Старославянское написание Сновескъ. Сведения о нем встречаются в «Повести временных лет» (1068 г.), Киевской летописи (1149 г.) и Галицкой летописи (1234г.). Город в виде Сновской тысячи, а затем и города входил в состав Черниговского княжества.

Топоним Сновск, возможно, произошел от гидронима. «Снов – правый приток Десны в бассейне Днепра. В древнеиндийском, иранском и других языках *снаути* и др. формы означают «сочиться, течь»; параллели в форме Снова подтверждают, что повторяющаяся в гидронимии основа могла быть нарицательным в значении «текучая вода» [6, с. 387].

В настоящее время Сновск, стоящий на реке Сновь, притоке Десны, в виде городища входит в состав поселка Седнев Черниговской области.

Город упоминается Рыбаковым не только в «Кортике», но и в романе «Тяжелый песок», но уже под собственным названием Сновск.

Даже прозвища и клички, без которых не обходится ни одно ономастическое исследование, упоминаются в «Кортике». Один из героев Слава Эльдаров выступает против прозвищ: «Учащиеся нашего класса любят наделять друг друга, а также преподавателей кличками. Пора оставить этот пережиток старой школы. Кличка унижает достоинство человека и низводит его до степени животного» [5, с.168]. Речь идет о прозвищах Кит, Бяшка и Жила, которыми наделили ребята своих друзей. Первый получил прозвище по фамилии Китов, но мог и за неумеренность в еде. Вову Баранова в повестях звали Бяшка. Происхождение второго прозвища может быть

связано со значением слова «бляшка» в некоторых языках ...Бляшка, согласно Толковому словарю Д.Н.Ушакова, является уменьшительной формой от бляка – «овца», «овечка», «барашек». Согласно словарю В.И.Даля, слово «блякать» среди прочих значений имеет и «блякать по овечьи», «кричать бе бе». [3, с.159].

Один из героев повести «Бронзовая птица» носил прозвище Жердьяй. Согласно Словарю В.И.Даля, «жердь, жердина жен. же(о)рдка или жердочка; жердинка, жердиночка, сравнительно тонкий и длинный шест, тоньше и длиннее следи; срубленное целиком и очищенное деревцо, особ. хвойное, рослое и тонкое». Жердило и Жердьяй «долговязый человѣк, оглобля, верста, особ. поджарый» [7, с.534].

Ономастические легенды, приведенные А.Рыбаковым в повести «Бронзовая птица», заслуживают отдельного исследования, поскольку описанные автором события действительно происходили в истории России. Одна из них - история рода Карагаевых и бронзовой птицы – одного из его символов.

Топонимика произведения весьма разнообразна. Главные герои повести, известные читателям по повести «Кортик», организуют летний лагерь в Подмосковье, деревне Карагаево. Топоним этот вымышленный и связан с фамилией графского рода Карагаевы. Фамилия также придумана автором, о чем будет сказано ниже. Место детского лагеря, описанное Рыбаковым, находится в Рязанской губернии, но и от Москвы недалеко, автором упоминается и река Утча, которая протекает к северо – востоку от Москвы.

«Их лагерь размещен в бывшей помещичьей усадьбе Карагаево. Правда, это Рязанская губерния, но и от Москвы недалеко. Усадьба пуста. В огромном помещичьем доме никто не живет», - так описывается автором место, где происходят основные события повести [5, с.357].

Фамилия Карагаевы, которую в повести носил графский род, имела удивительную историю. В разговоре с Мишей Поляковым земский доктор открывает завесу родовой тайны: «Надо тебе сказать, что графы Карагаевы - старинный, но захудалый род. Дерево свое будто бы ведут от татарского мурзы, выехавшего в Россию из Золотой Орды...». [5, с. 402].

Доктор также упоминает о женитьбе одного из Карагаевых на дочери Демидова и получении демидовских рудников на Урале. Один из них – Инзерский рудник находился рядом с деревней Карагаево. Вероятно, этот топоним и стал основой фамилии Карагаевы в повести. После этого узнать прототипа Карагаева в повести несложно. Им был Сергей Павлович фон Дервиз (1863-1943), эмигрировавший из России после революции. Именно его усадьба Кирицы (архитектор Федор Шехтель) с

очень необычной архитектурой подробно описано в «Бронзовой птице». А графов Карагаевых в истории России не было.

Этимология слова *карагай* весьма обширна. *Карагай* — тюркское слово, лежащее в основе фамилии, в переводе с башкирского и татарского означает ‘сосна’, ‘сосновый бор’, ‘сосняк’.

Слово представлено и в топонимике: «Карагай, Карагаево – название нескольких селений в Башкирии и Пермской обл. Из башкирского *карагай* ‘сосна’ [6, с.176]. М.Фасмером приводит следующую этимологию: «*Караган* имеет значение ‘степная лисица’, а также ‘низкий кустарник, напр. жимолость, крестовник, шиповник’; ‘дикая акация’ [8, с. 190].

От апеллятива *карагай* также образованы и другие топонимы: с.Карагай на р.Обве, д.Карагай в Актюбинской обл. Казахстана, Караган – морская пристань в Гурьевской области. Существует также географический термин *карагайник* ‘невысокий лес, растущий на болоте, кочковатое место со мхом’ [2, с. 256]. Среди русских прозвищ Новгородской губернии (области) есть и *караган* (неодобрительное). «Прозвище человека небольшого роста» [9, с. 260].

Примечательно то, что сегодня носители фамилии Карагаевы, в основном, проживают на территориях, которые описаны автором в легендах о графском роде Карагаевых, в частности на Урале, где они владели рудниками и в соседних областях (Пермь, Екатеринбург, Туринск, Нижний Тагил, Нефтеюганск, Новосибирск, Иркутск, Северобайкальск). Карагаевы живут также в Москве, Нижнем Новгороде, Енотаевке, Павлодаре, Краснодаре, Алматы и в других населенных пунктах.

Голыгинская гать, упоминаемая автором в связи с легендой о князьях Хованских, очевидно, связана с деревней Голыгино, находящейся в Сергиево-Посадском районе Московской области. Название деревни Голыгино имеет древнюю историю, как и многие топонимы у Рыбакова. Прежде деревня называлась Игнатовская (упоминается в документах в 1868 г.). название, видимо, отантропонимическое, от собственного имени Игнат. Далее в ходу были оба названия: Игнатовская и Голыгино (1887г.). В XX вв. название Голыгино окончательно закрепилось и имеет также отантропонимическое происхождение (от личного имени или прозвища Голыга или фамилии Голыгин).

Последняя книга трилогии о московских ребятах – «Выстрел». Здесь перед читателями Москва уже нэпманского времени. Сюжет повести, как и в «Кортике» и «Бронзовой птице», автор дополнил уже известными читателям названиями улиц и прозвищами. Москва в «Выстреле» уже другая: «Вечером Миша пошел в ресторан

«Эрмитаж», к Славке. Бульвары Садового кольца были пустынные, редкие фонари тускло светили на углах центральных улиц» [10, с.374]. Прозвища героев повести Шныра, Фургон, Белка, Паштет, Альфонс Доде принадлежат уже не подросткам-пионерам, а хулиганам, с восторгом принявшим политику НЭП: «-Витька буров, он же Альфонс Доде, гроза Арбата, - объяснил Юра, - и его банда: Шныра, Паштет, Белка и Фургон. Паштет и Белка – бывшие беспризорные, а сейчас безнадзорные ... «- Какой действительно толстый мальчик мальчик Фургон, - согласился Валентин Валентинович, - перекормлен.

- Его настоящее имя Андрей, фамилия Зимин, отец – инженер на фабрике - ...
А почему Альфонс Доде?

- Может быть, он чем-то напоминает Тартарена из Тараскона? Наверяд ли....
Почему, например, Паштет? Он паштета в глаза не видел. Все потенциальные уголовники, начиная с кличек» [10, с. 365-366].

Особенностью топонимики произведений А.Рыбакова является обращение не только к названиям больших городов, как Москва, но и к топонимике и гидронимике маленьких городов, поселков с богатейшей историей. Они описаны автором настолько точно, живо, что действительно являются «героями» его произведений.

Герой трилогии А.Рыбакова Крош в одной из повестей «Неизвестный солдат», не поступив в ВУЗ, отправляется к деду в Корюков и сообщает ему о желании поработать.

« - Рабочие кругом требуются, - согласился дедушка, - вон дорогу строят , автомагистраль Москва-Поронск. Знаешь Поронск? -Слыхал.

- Старинный город, церкви, соборы.....ну, а в Поронске этой старины на каждом шагу...» [11, с.582].

«В детстве каждое лето я ездил в маленький городок Корюков к дедушке. Мы ходили с ним купаться на Корюковку, неширокую, быструю и глубокую речку, в трех километрах от города [11, с.577].

Корюков очень любим главным героем, как старый верный друг: «Я шел по ночным, темным улочкам Корюкова, по узенькому-узенькому асфальтовому тротуару, недавно проложенному, пять лет назад здесь были деревянные тротуары. Фонари не горели, только в редких окнах горел мелькал свет.

Есть что-то особенное в маленьком ночном городишке, в спящих деревянных домиках, в этой темноте и безлюдности, какая-то таинственность и первозданность мира.

Такой же темной ночью здесь спрятались наши солдаты, а потом вышли на эту улицу, к этой школе, там размещался немецкий штаб, и гранатами разгромили его, и их убили, закопали в землю, и никто не знает их фамилий, никто не знал бы даже об их могиле, если бы бульдозер Андрея случайно не наткнулся на нее...

Все это совершилось здесь, драма войны, не оставившая следов, кроме могилы Неизвестного солдата, а может быть, и других таких, никому не ведомых могил» [11, с. 609].

В повести Рыбакова город называется Корюков. На самом деле его название Корюковка по одноименной реке и расположен город на реке Бреч, притоке реки Снов и расположен он недалеко от города Сновск, описанного Рыбаковым в «Кортике» и «Тяжелом песке».

Бречь (укр. *Бреч*) — левый приток Снова, протекающий по Сосницкому, Корюковскому и Сновскому районах (Черниговская область, Украина). В верхнем течении (выше Корюковки) называется ручей Бречица.

Топоним Корюков имеет прозрачную этимологию. В 1657 году село основано казаком Емельяном Карукой и названо Карюковкой. Есть и другое толкование, не исключющее, а дополняющее первое. Это версия – отапеллятивная, а не отантропонимическая, как первая. Карукой называлось орудие заготовителей дубовой коры и антропоним Карука также связан с этим промыслом.

Пронск, описанный автором в «Неизвестном солдате» город в Рязанской области, на р. Проня. Основан в 1186 году. Назв. из гидронима [6, с.343]. Проня, река, правый приток Оки, в Рязанской области [2, с. 346]. Пронск - один из древнейших российских городов. В прошлом был столицей Пронского княжества. До начала XIII в. город назывался Прыньскъ, затем Проньскъ. Топоним имеет отгидронимическое происхождение (река Проня).

Существует несколько версий происхождения гидронима Проня:

Согласно В. Н. Топорову и О. Н. Трубачёву, название реки Проня имеет балтское происхождение. Предполагается, что этот гидроним претерпел такую эволюцию: **Pirēn-* (балтск.) — **Пърена* — **Прёна* — *Проня*. Гидроним следует соотносить с названиями рек *Перанка*, *Перенка*, *Перинка*, *Пирянка*, которые расположены в бассейне Сожа рядом с Проней. Соответствия — литовское *Pirėnai* или древнепрусское *Piranen*, *Piron*. [12, с.202-203].

Здесь мы встречаемся еще с одним переименованием, точнее, функционированием одновременно двух названий и отгидронимическим топонимом. Вместе с гидронимом Проня использовалось название Пропой, Прупой,

указывающее на быстрое течение реки и давнее название городу Пропойск. Водоворот образовывался при слиянии рек Проня и Сож. Рядом находилось поселение Прупой. Пропойск (бел. Прапойск) был переименован в Славгород (бел. Слаўгарад) в 1945 году. Сегодня Славгород – административный центр Славгородского района Могилевской области Белоруссии.

Заключение

Ономастический анализ ранних произведений А.Н.Рыбакова является попыткой исследования лишь части богатого наследия автора.

Ранние произведения А.Н.Рыбакова сложно представить без богатой палитры онимов: топонимов, гидронимов и урбанонимов. Анализ многих из них уводит читателей в историю Древней Руси, некоторые меняли свои названия вместе с историческими вехами страны. Среди них нет ни одного случайного. Названия московских улиц, на которых подрастают главные герои, заслуживает отдельного исследования.

Ономастика произведений А. Рыбакова многогранна. Ее особенность в том, что богатство определяется не только великолепием московских улиц, но и маленьких провинциальных городов, описанных еще в древнерусских письменных памятниках. Прозвища в повестях придают особый колорит героям. Все это делает произведения автора незабываемыми.

Список литературы

1. Старикова Е.А. Анатолий Рыбаков. Очерк творчества. Москва. Детская литература, 1977. – 112 с.
2. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Москва. «Мысль», 1984. 653 с.
3. Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.) (под руководством Р.М.Цейтлин). Москва, Русский язык. 1999.-842 с.
4. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. Москва. Издательство «Мысль», 1974 , 383 с.
5. Рыбаков А.Н. Кортик. Бронзовая птица. Москва. «Радио и связь».1983. -448 с.
6. Никонов В.А.Краткий топонимический словарь. Москва. «Мысль», 1966.-509 с.
7. Даль Владимир Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. Москва. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.- 700 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. Москва, Идательство «Прогресс».1971.-828 с.
9. Вальтер В., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. Москва. ОЛМА Медиа Групп. 2007.-704 с.
10. Рыбаков А.Н. Выстрел Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1.Москва. Советская Россия, 1981. – 528 с.
11. Рыбаков А.Н. Неизвестный солдат. Приключения Кроша. Каникулы Кроша. Водители. Екатерина Воронина. Советский писатель. Москва .1971.-704 с.
12. Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т 4. –М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.-696 с. – (Opera etimologica.Звук и смысл).

УДК 811.161.1:327.82

**Линтрон Н.О., Таскаева А.А., Зарубин А.М., Субботин Я.А., Латышева М.А.
История русского языка в международных отношениях и дипломатии**

Линтрон Никита Олегович

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
nikita2996380@gmail.com,

Таскаева Александра Алексеевна

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
graduseloh@gmail.com,

Зарубин Александр Михайлович

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
zarubin1000gmail.com,

Субботин Ярослав Александрович

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
yaroslav.subbotin1412@yandex.ru,

Научный руководитель Латышева Мария Александровна

кандидат филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград

The history of the Russian language in international relations and diplomacy

Lintrop Nikita Olegovich

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Taskaeva Alexandra Alekseevna

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Zarubin Alexander Mikhailovich

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Subbotin Yaroslav Alexandrovich

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Scientific adviser Latysheva Maria Alexandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor, Undergraduate student, Volgograd State
Technical University, Volgograd

Аннотация В данной статье рассматривается история становления и развития русского языка в сфере международных отношений и дипломатии. Дается характеристика основным видам дипломатических документов, выделяются основные языковые особенности составления документов дипломатического характера. Структура статьи состоит из введения, исследовательской цели, методов исследования, результатов исследования, заключения, списка литературы. Во введении представлена общая характеристика изучаемой в работе проблемы. Перечислены цели и методы проведенного исследования. В разделе «результаты исследования» описаны этапы исследования исторических периодов, оказавших значительное влияние на развитие и обогащение русского языка в сфере дипломатии. В заключении на основе полученных результатов исследования сформулированы выводы.

Ключевые слова: история языка русской дипломатии, дипломатическая терминология, дипломатический документ, международные отношения.

Abstract. This article examines the history of the formation and development of the Russian language in the field of international relations and diplomacy. The main types of diplomatic documents are characterized, the main linguistic features of the preparation of documents of a diplomatic nature are highlighted. The structure of the article consists of an introduction, a research goal, research methods, research results, conclusions, and a list of references. The introduction presents a general description of the problem studied in the work. The objectives and methods of the conducted research are listed. The section "research results" describes the stages of research of historical periods that had a significant impact on the development and enrichment of the Russian language in the field of diplomacy. In conclusion, based on the results of the study, conclusions are formulated.

Keywords: history of the language of Russian diplomacy, diplomatic terminology, diplomatic document, international relations.

Введение

Дипломатический язык представляет собой совокупность специфических терминов, которыми, с одной стороны, оперируют дипломаты в рамках дипломатических переговоров и совещаний, и к которым, с другой стороны, прибегают государства для защиты своих суверенных прав и интересов.

На современном этапе развития мирового сообщества международные контакты стали его неотъемлемой частью. Наблюдается стремление людей к более частому общению на международном уровне с представителями других стран, к пониманию своего языка и его традиций через коммуникации с носителями других языков и культур. Таким образом, новая глобальная действительность вносит в сферу частного и дипломатического общения свои коррективы.

Цель исследования

Целью данной статьи является описание важнейших этапов в истории русского языка в международной и дипломатической сферах.

Методы исследования

В работе над данной статьёй использовались следующие методы:

- 1) описательный метод;
- 2) сравнительно-сопоставительный метод;
- 3) лингвистический метод.

Результаты исследования

Тема истории русского языка в международных отношениях и дипломатии освещалась в ряде работ таких современных отечественных лингвистов, как М.Н. Ламрауи (2018), В.И. Попов (2010), Ф.И. Сергеев и др. Так, М.Н. Ламрауи в своей статье «Особенности языка русской дипломатии» (2018) пишет об основных исторических этапах, оказавших существенное влияние на развитие русского дипломатического языка. В.И. Попов (2010), Ф.И. Сергеев (2010) и др. подробно останавливаются на выявлении терминологических особенностей русского языка в дипломатической сфере.

Тем не менее, данная тема остается до конца неизученной в современном языкознании, что обуславливает актуальность и новизну нашего исследования.

Сегодня русский язык традиционно включен в группу рабочих языков, если в переговорах на международном уровне участвует Российская Федерация.

Изучение формирования языка русской дипломатии указывает на то, что начало становления дипломатических отношений на Руси с другими государствами приходится на IX век, то есть, на период усиления противоборств славян с византийцами.

В XV–XVII веках в России постепенно учреждались дипломатические службы разного направления, совершенствовалась дипломатическая терминология, а в XVIII веке, в период царствования Петра Первого, была осуществлена систематизация документов, на основе которых в России могла устанавливаться дипломатическая служба.

XVIII век представляет собой яркую страницу в истории бурного развития русской дипломатической деятельности. Большую ценность для лингвистики представляют памятники письменности данного исторического периода, связанные со становлением и развитием дипломатических отношений России с иностранными государствами. В XVIII веке в системе русского языка имелся значительный запас различных лексико-идиоматических средств, с помощью которых выражались понятия в дипломатической области. Определенным количеством таких лексических

средств дипломатическая практика оперировала еще в более ранние эпохи, например (как указано в летописях XIV–XVII веков): *переговоры, договоры, посольство, посланники, пакт* и др. [5]. В XVIII веке появилось еще больше лексических единиц в сфере дипломатии и дипломатических отношений (*чрезвычайный и полномочный посол, консульство, независимость, конвенция, нейтральность* и т.д.) [5]. Дополнительно расширение дипломатического лексикона осуществлялось за счет формирования терминированной семантики у некоторых слов книжного и других стилей речи. Специфическое значение в подобных лексемах можно обнаружить в контекстах, указывающих на дипломатическую тематику.

Следует также отметить, что систематизации дипломатического языка и сферы дипломатии в России в целом в XVIII веке существенно способствовала Италия, являющаяся, по мнению многих исследователей, родиной дипломатии. На этом этапе своего исторического развития русская дипломатия до некоторой степени отличалась от международных дипломатических форм своей национальной спецификой.

Во второй половине XX столетия (18 апреля 1961 года), после подписания Венской конвенции о дипломатических сношениях, была проведена кардинальная реорганизация большинства документов, номинаций, обращений, приемов, органов, ведомств и служб русской дипломатической сферы, что в конечном итоге «привело ее к полному соответствию с нормами и формами международной дипломатии» [3, с. 16].

В настоящее время русский язык в дипломатической области отличает специфическая терминосистема, «которая, в свою очередь, характеризуется неоднородностью дипломатических терминов» [3, с. 16]. Данный вопрос, с одной стороны, указывает на невозможность признания языка дипломатии таковым, пока в нем отсутствует универсальная система терминов; с другой стороны, терминологическая неоднородность русского дипломатического языка способствует значительному пополнению дипломатического лексикона, поскольку недостаток необходимых терминов и номинаций вынуждает специалистов обращаться к формированию неологизмов, к иноязычным заимствованиям (прежде всего, из английского языка). В результате среди иноязычных заимствований в русском дипломатическом словаре присутствует большое количество слов – интернационализмов [2].

Помимо этого, дипломатическая терминология иногда, при необходимости, предполагает возможность латинского написания [4]. Система исконных русских терминов дипломатической сферы применима лишь к терминологическим

наименованиям, обозначающим национально-культурные реалии России, которые составляют в рамках ее традиций особые референции к тем или иным значимым страницам истории российского государства.

Изучение языка русской дипломатии выявило необходимость придерживаться принятых норм речевого этикета в коммуникативном процессе, то есть, соблюдать принятые в плане этикета местные и международные традиции. В ходе официальных переговоров и подписания важных дипломатических соглашений, в первую очередь, необходимо владеть языком партнера, что поможет завоевать его доверие и, таким образом, обеспечить успех дипломатической миссии в целом [4].

Правильность оформления дипломатических документов должна касаться всех уровней языка: грамматического, лексического, синтаксического, семантического и др., а также «требуется соблюдение корректности написания Ф.И.О и титула адресата» [4, с. 157].

К жестким правилам речевого этикета относится также тщательность проверки написания сложных имен и фамилий, сокращение которых, согласно указанным правилам, а также нормам составления русских дипломатических документов, не допускается.

Как отмечает М.Н. Ламрауи, составление дипломатического документа должно сопровождаться, прежде всего, «антиципацией тех контраргументов, которые может привести партнер в ходе дипломатических переговоров с целью защиты интересов своего государства» [3, с. 17].

К основным дипломатическим документам, требующим тщательного лексического и терминологического подхода, относятся нота (официальное правительственное обращение), частные письма без фиксированного официального оформления, памятные записки, меморандум, послания членов правительства (декларации), коммюнике.

Структура дипломатической ноты состоит из обращения, основной части документа, заключения. Особое внимание при написании данного вида дипломатического документа уделяется соблюдению формы, а также корректному написанию фамилии и титула лица, получающего ноту [4].

Стиль и формулировки частных писем, имеющих целью расширение межправительственных и межгосударственных связей, не ограничены строгими рамками, они могут носить свободный характер, особенно это касается вступительного обращения и заключения.

Памятная записка, как правило, составляется с целью дополнительно подчеркнуть важность достигнутых в ходе дипломатической беседы договоренностей, или пояснить какой-либо пункт сделанного в ходе встреч дипломатов заявления. Основными формальными характеристиками памятной записки являются следующие:

- 1) Безличная форма, без обращений и заключительных комплиментарных слов;
- 2) Отсутствие адреса /номера;
- 3) Использование в тексте 3-го лица ед./мн. числа;
- 4) Использование безличных конструкций, напр.: *дается пояснение, информируется, подтверждается* и др.

Оформление меморандума имеет большое сходство с формой памятной записки, однако следует подчеркнуть, что в практики дипломатии этот вид документа используется реже [4].

Послания членов правительства (декларации) (президента, премьер-министра, министра иностранных дел и др.) представляют собой специфический вид документов дипломатической сферы. Традиционно в правительственных посланиях освещаются наиболее злободневные вопросы международного характера, касающиеся двусторонних / многосторонних отношений, рассматриваются наиболее важные проблемы, поднимаемые лидерами государств в своих речах в ходе выступлений, например, на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН [4].

Особенность коммюнике, как еще одного вида дипломатических документов, заключается в том, что оно носит многосторонний, в отличие от других документов, характер. Обычно коммюнике представляет собой подписанное участниками официальной встречи резюмирующее сообщение, в котором подводятся итоги состоявшихся в ходе встречи переговоров.

Лексическое и синтаксическое построение фраз в перечисленных выше видах дипломатических документов характеризуется следующими особенностями:

- 1) преобладание длинных конструкций, в которые включены сложные причастные обороты и однородные члены предложения;
- 2) использование конструкций сложноподчиненного типа, с рядом придаточных предложений;
- 3) употребление конструкций условно-уступительно типа, в которых представлена модальность долженствования в ее ослабленном виде;

4) наличие повелительного наклонение, императивных конструкций (в очень редких случаях, при предъявлении ультиматума и др.).

Заключение

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сделать вывод, что определенные исторические периоды взаимоотношений русской дипломатии с другими государствами оказали существенное влияние на формирование терминологии русского языка в дипломатической сфере.

Русский язык в области международных отношений и дипломатии на протяжении многих веков своего формирования создавал и укреплял собственную лексическую базу, что в результате способствовало созданию богатого дипломатического словаря и выработке дипломатического речевого этикета.

Список литературы

1. Беляков М. В. Терминология дипломатии: лексикографические проблемы // Вестник РУДН. 2012. № 2. С. 83–92.
2. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2007. 432 с.
3. Ламрауи М. Н. Особенности языка русской дипломатии // Вестник магистратуры. 2018. № 3–1(78). С. 15–18.
4. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия наука и искусство: Курс лекций. М.: Международные отношения, 2010. 576 с.
5. Сергеев Ф. П. Явление синонимии в дипломатическом языке XIII – XVII вв. // Известия ВГПУ. 2010. № 3. С. 95–99.

УДК 811.161.1

**Линтрон Н.О., Таскаева А.А., Субботин Я.А., Зарубин А.М., Латышева М.А.
Лексические ошибки в речи современных носителей русского языка и пути
их исправления**

Линтрон Никита Олегович

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
nikita2996380@gmail.com,

Таскаева Александра Алексеевна

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
graduseloh@gmail.com,

Субботин Ярослав Александрович

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
yaroslav.subbotin1412@yandex.ru,

Зарубин Александр Михайлович

Студент бакалавриата, группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
zarubin1000gmail.com

Научный руководитель Латышева Мария Александровна

кандидат филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград

**Lexical errors in the speech of modern native speakers of the Russian language
and ways to correct them**

Lintrop Nikita Olegovich

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Taskaeva Alexandra Alekseevna

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Subbotin Yaroslav Alexandrovich

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Zarubin Alexander Mikhailovich

Undergraduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd

Scientific adviser Latysheva Maria Alexandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor, Undergraduate student
Volgograd State Technical University, Volgograd

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема использования в речи современных носителей русского языка распространенных лексических ошибок, основу которых составляет нарушение норм лексической сочетаемости. В качестве типичных лексических погрешностей, допускаемых современными носителями русского языка, выделяются, например, алогизмы (подмена понятия, расширение понятия, сужение понятия и т.д.), плеоназм (дублирование значения одного слова другим, сочетание однородных понятий, синонимов и т.д.), тавтология (неоднократное повторение однородных слов), анахронизмы. В работе также даются рекомендации по исправлению данных ошибок. Необходимо подчеркнуть, что данное исследование следует рассматривать в качестве попытки автора выявить и классифицировать наиболее типичные нарушения норм лексической сочетаемости, допускаемые в речи современные российскими гражданами. Лингвометодическая проблема, освещенная в данной статье, является достаточно объемной требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: лексическая ошибка, речевая ошибка, семантика, алогизм, плеоназм, тавтология, анахронизм.

Abstract. This article examines the problem of using common lexical errors in the speech of modern native speakers of the Russian language, the basis of which is a violation of the norms of lexical compatibility. Typical lexical errors allowed by modern native speakers of the Russian language include, for example, alogisms (substitution of a concept, expansion of a concept, narrowing of a concept, etc.), pleonasm (duplication of the meaning of one word by another, combination of homogeneous concepts, synonyms, etc.), tautology (repeated repetition of homogeneous words), anachronisms. The paper also provides recommendations for correcting these errors. It should be emphasized that this study should be considered as an attempt by the author to identify and classify the most typical violations of the norms of lexical compatibility allowed in speech by modern Russian citizens. The linguistic methodological problem highlighted in this article is quite voluminous and requires further study.

Keywords: lexical error, speech error, semantics, alogism, pleonasm, tautology, anachronism.

Введение

Под лексическими ошибками подразумевается нарушение правил лексической сочетаемости слов. Существует два аспекта допущения лексических ошибок. Если подобные ошибки допускает в речи, в общении частное лицо, то, как правило, во-первых, это будет внушать недоверие его собеседнику, а, во-вторых, данное обстоятельство может оказать существенное влияние на формирование негативного впечатления о такой личности в целом. Если же низкую культуру речи демонстрирует специалист, то это может сказаться отрицательным образом на той организации, учреждении, ведомстве, представителем которых он является.

Изучению проблемы допущения людьми в речи лексических ошибок посвящены работы таких современных ученых, как М.Р. Апаева (2020), В.В. Зорина (2021), В.В. Акимова (2023) и др. Эти и другие отечественные лингвисты описывают нарушения лексических норм, допускаемых людьми, принадлежащими к различным

профессиям и социальным группам. Тем не менее, изучаемая тема остается до конца не раскрытой в лингвистике на современном этапе, что обуславливает актуальность нашего исследования.

Цель исследования

Целью данной статьи является изучение проблемы использования в речи современными носителями русского языка распространенных лексических ошибок, в основе которых лежит нарушение норм лексической сочетаемости. В статье также указываются способы исправления указанных речевых ошибок и повышения общей речевой культуры человека.

Методы исследования

В процессе исследования применялись следующие методы:

- 1) описательный метод;
- 2) сравнительно-сопоставительный метод;
- 3) метод сплошной выборки;
- 3) лингвистический метод.

Результаты исследования

Материалом исследования послужили примеры речевых ошибок, отобранные с помощью метода сплошной выборки на различных онлайн-ресурсах и в современных отечественных СМИ. Было изучено около 70 примеров речевых ошибок, наиболее типичные из них рассматриваются ниже.

Ниже представлен анализ наиболее часто встречающихся видов речевых ошибок.

1. Алогизм

Допущение лексического алогизма (от греч. слов а – не, без + logismos – размышление, рассуждение) в речи связано, как правило, с подменой понятий, которая состоит в необоснованной замене говорящим одного понятия другим [1].

а) Подмена понятия

Призерам необходимо явиться для награждения. Владельцы, пришедшие без намордников, к награждению допущены не будут.

В данном случае наблюдается такая речевая лексическая ошибка, как подмена понятия, возникшая в результате низкого уровня речи говорящего либо по причине

случайного пропуска им необходимого слова: *пришедшие с собаками без намордников.*

б) Расширение понятия

Нам продемонстрировали репродукции творчества великого художника.

Здесь нелогичность речи связана с необоснованным расширением понятия творческих достижений человека. Правильно фраза звучит так: *Нам продемонстрировали репродукции картин великого художника.*

в) Сужение понятия

Ребята больше любят играть в компьютерные игры, чем учиться математике.

На самом деле, дети могут не любить не только математику, но и другие предметы, поэтому, корректнее было бы сказать так: *Ребята больше любят играть в компьютерные игры, чем **учиться.***

г) Необоснованная замена видового понятия родовым

Проходите, снимайте Ваш головной убор и верхнюю одежду.

В данном примере наблюдается использование говорящим необоснованной замены видовых понятий *шапка* и *пальто* общим родовым понятием *головной убор* и *верхняя одежда*, что придает речи неоправданно-официальный тон и противоречит непринужденной, как можно понять из контекста, обстановке общения.

2. Плеоназм (речевая избыточность)

Термин *плеоназм* (от греч. слова *pleonasmos* – излишество) обозначает излишнее употребление слов или ряда слов, тождественных или сходных друг другу по смыслу, «что создает эффект необоснованного многословия» [2, с. 25].

а) Дублирование значения одного слова другим (прилагательное + существительное)

Наступил светлый рассвет.

В данном предложении прилагательное *светлый* представляет собой плеоназм, поскольку его значение (*свет, светлый*) уже заключено в определяемом им существительном.

б) Комбинация однородных понятий, воспринимаемых говорящим как разных

Послышались мелодия и музыка.

В этом примере также наблюдается использование плеоназма, для корректного в плане семантики употребления фразы какое-то из двух существительных нужно убрать, например: *Послышалась музыка.*

в) Комбинация синонимов

Он жил в верхней мансарде.

В этом примере прилагательное *верхняя* представляет собой плеоназм, поскольку заимствованное из французского языка слово *мансарда* (фр. mansarde), уже имеет значение *помещения чердачного типа на последнем этаже здания*.

г) Комбинация глаголов-синонимов

Мы все дальше уходили и удалялись.

Здесь оба употребленных глагола означают одно и то же действие *ухода* (с определенной локацией), поэтому один из них для корректного построения данного предложения необходимо удалить, например: *Мы уходили все дальше.*

В целом по семантике плеоназмы подразделяются на две основные смысловые модели, в рамках которых в той или иной степени совпадают значения:

1) Полное совпадение значений

Резюме вкратце.

2) Частичное совпадение значений (уточнение, расширение смысла определяемого слова)

Полный аншлаг; полное фиаско.

3. Тавтология

Еще одной достаточно распространенной речевой ошибкой современных носителей русского языка является тавтология. О тавтологии (от греч. слова *tauto* – то же самое, *logos* – слово), как о лексической ошибке в речи, необходимо говорить в случае необоснованного повторения говорящим однокоренных лексических единиц (*просить просьбу, спросить вопрос*), а также при комбинации русского и иноязычного семантического эквивалентов (*маленький вундеркинд, первый дебют*) [3]. Во втором случае тавтологическая ошибка может свидетельствовать о недостаточном понимании говорящим употребленного им заимствованного слова.

4. Анахронизмы

Такая распространенная лексическая ошибка в речи современных носителей русского языка, как анахронизм (от греч. слова *ana* – против, и *chronos* – время), представляет собой нарушение говорящим хронологической точности при использовании лексики, связанной с конкретной эпохой в истории той или иной страны [4]. Примеры анахронизмов приведены ниже.

1) *В XIX веке в Ленинграде еще не было газа.*

Анахронизм здесь заключается в том, что в 19-ом веке указанный город носил название *Санкт-Петербург*. Следовательно, предложение должно быть построено так: *В XIX веке в Санкт-Петербурге еще не было газа.*

2) *В Древнем Риме женщины были домработницами.*

Понятие *домработница* появилось в России после Октябрьского переворота, в 20-е годы XX века, поэтому, соответственно, оно является анахронизмом в связи с упоминаемой говорящим исторической эпохой. Здесь более корректными будут такие выражения, как: *обслуживали дом, работали по дому.*

3) *В IV–VII веках в Европу хлынул поток мигрантов.*

Слово *мигранты* в данном примере является анахронизмом, поскольку понятие и словосочетание *миграция населения* появились в русском языке только в конце XIX столетия. Поэтому, слово *мигранты* здесь следует заменить на слово *переселенцы*.

Выше были рассмотрены наиболее распространенные лексические ошибки, допускаемые современными людьми в России в устной и письменной речи. Для коррекции такого рода ошибок, недопущения их в речи в будущем, а также для повышения собственной культуры речи в целом необходимо предпринять следующее:

- посвящать больше времени чтению, поскольку данный процесс способствует развитию оперативной памяти и формированию литературного вкуса;
- выписывать в тетрадь или блокнот необычные, по мнению читающего, незнакомые слова и словосочетания, их значение, что будет способствовать более углубленному восприятию данной лексики и более эффективному запоминанию ее смысла;
- периодически обращаться к словарям и справочникам (толковым, фразеологическим словарям, словарям синонимов, антонимов, паронимов и др.), как с целью поиска значения какого-либо конкретного слова, так и для расширения собственного словарного запаса в целом.

Заключение

Таким образом, на основе всего вышеизложенного следует сделать вывод, что основной причиной допущения в речи лексических ошибок говорящим являются его недостаточно высокий уровень лингвистической компетенции, а также ограниченный словарный запас. Данные недостатки могут быть устранены либо значительно сокращены с помощью самообразования и обращения к различным источникам, перечисленным выше.

Список литературы

1. Акимова В. В. О частотных случаях нарушения лексических норм в современной русской речи // Современное педагогическое образование. 2023. № 6. С. 176–178.
2. Мистюк Т. Л. Нарушение лексических норм русского языка и их отражение в материалах судебной лингвистической экспертизы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 3. С. 139–142.
3. Кузьминых Т. А. Нарушение языковых норм в вузовских изданиях: статистический аспект. Екатеринбург: изд-во УФУ, 2018. 200 с.
4. Зорина В. В. Типичные нарушения лексических норм сотрудниками правоохранительных органов как предмет исследования // Modern high technologies. 2021. № 8. С. 186–190.
5. Апаева М. Р. Реевые ошибки учащихся и пути их устранения. Саратов: изд-во СНИГУ, 2020. 20 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 81

Дядюн С.Д. Морально-этические характеристики женских персонажей в хантыйских сказках: на примере Мощ и Пор

Дядюн Светлана Даниловна

старший научный сотрудник фольклорного центра
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск
ernihova@mail.ru

Moral and ethical characteristics of female characters in Khanty fairy tales: on the topic of Mosch and Por

Dyadyun Svetlana Danilovna

senior researcher folklore center, Ob-Ugric Institute of applied research and development
Khanty-Mansiysk

Аннотация. Статья посвящена исследованию сказочных персонажей Мощ и Пор, так как между ними фигурирует сюжет о противостоянии. Стоит отметить, что особое место в языковой культуре хантов занимает женщина. В традиционной жизни она была хранительницей домашнего очага, и именно на ее плечи ложилась забота о близких. Мощ и Пор в хантыйском мировоззрении являются обитателями Среднего мира. Мощ необычайно умна, добра, отзывчива, а Пор – обманчива, эгоистична и корыстна.

Ключевые слова: хантыйская сказка, женщина, Мощ и Пор, черты характера, противостояние.

Abstract. The article is devoted to the study of the fairy-tale characters Mosch and Por, since they always act as antagonists. It is worth noting that women occupy a special place in the linguistic culture of the Khanty. In traditional life, she was the keeper of the home, and it was on her shoulders that the care of loved ones fell. Mosch and Por in the Khanty worldview are inhabitants of the Middle World. Mosch is unusually smart, kind, and sympathetic, while Por is deceptive, selfish, and selfish.

Keywords: Khanty fairy tale, woman, Mosch and Por, character traits, confrontation.

Все сказки нравственны и поучительны. Герои переходят из сказки в сказку, сохраняя при этом основные качества, поведение, черты характера. Дочь карася превратится в красивую девушку; мальчик-сирота, пройдя определенные испытания, будет защищать свой народ от врагов, а отрицательные женские персонажи получат по заслугам.

Женщина в сказках народа ханты выступает в роли матери, спутницы жизни, героини, которая жертвует всем ради своей семьи. «Хантыйская женщина не отличается от женщин других народов, хотя некоторые различия при более подробном изучении могут быть выявлены» [1, 175].

Женские персонажи *Моц* и *Пор* в устном народном творчестве народа ханты обозначают мифических предков. Они делятся на два различных рода: род *Моц* и род *Пор*. Еще в XVII веке исследователи хантыйского фольклора не всегда определяли точно их верное значение.

Исследователи В. Н. Чернецов [2, 20], А. М. Золотарев [3, 222] и другие делят остяков и вогулов на две экзогамные группы или фратрии *Пор* и *Моц*, в которые входят кланы и роды. Те, кто принадлежал к одной половине, не должны были вступать в брак друг с другом, а только с теми, кто принадлежал к другой половине, потомкам *Моц хум*. Благодаря усилиям В. Н. Чернецова мы можем лучше понять эту важную общественную систему угров в ее основных чертах. Автор не предложил своего термина для обозначения фратрии. Он нашел название для этого понятия – *махум*, что означает «люди места». Он считал *махум* более поздним образованием, относящимся к эпохе распада древних союзов кланов [2, 20]. «В сказках особенно часто выступают семь каменноглазых женщин *Пор* и *Моц*. Эти два класса занимают разные позиции и враждуют друг с другом. Люди *Пор* считаются глупыми, грубыми и плохими, а люди *Моц* – умными, культурными и хорошими. Они также всегда выступают в роли антагонистов [4, 45]».

Более точное происхождение фратриальной организации и модели мира в этиологических мифах обских угров рассмотрел Петер Вереш, он противопоставляет «сыромясной народ» «вареномясному народу», что «это символизирует, прежде всего, обрядовое различие этих дуально-тотемических экзогамных групп обских угров. Исследователь различает два главных вида жертвоприношений: так называемое «кровавое»: *iri* (сырое) и «бескровное»: *rog* (вареное). Последнее называется «пори» или «пури» (*pori, puri*). В этой связи венгерский исследователь обращает внимание на следующее интересное обстоятельство, где фратрия обских угров *Пор* именуется в мифе не только «вареномясным народом», но ее наименование этимологически близко к слову бескровное (т.е. вареное) жертвоприношение» (пори, пури), а также близко к хантыйскому слову «пепел» (*rog*), которое обособляется с венгерским глаголом «варить» (*forgalni*) и с отрицательным женским мифологическим персонажем *Пор не* (женщина *Пор*), относящимся к нижнему миру. Из фольклорных и этносемических работ известно, что в мифологии разных народов имена отрицательных женских образов в качестве типологического изоморфизма иногда интересным образом совпадают со словом «пепел». Автор не исключает, что у обских угров может встречаться такое же явление» [5, 48].

Н. В. Лукина под фратриями обозначает «две группы, на которые делились северные ханты и манси – Мось и Пор, характерной особенностью которых был запрет на заключение брака внутри группы» [6, 12]. Автор обращает внимание на оппозицию, принятой у обских угров: «*Моц-нэ* – очень умная и хитрая женщина, *Пор-нэ* глупее» [Там же].

Возвращаясь к сказкам, проиллюстрируем примерами образы сказочных персонажей, которые наиболее полно отражают культуру, образ жизни и менталитет народа ханты.

Положительные герои в сказках необычайно умны, добры, отзывчивы, а в отрицательных – обманчивы, эгоистичны, корыстны, двуличны, лживы, высокомерны, жадны и льстивы. «Само исходное пространство скреплено наличием пола, среды обитания, способностью давать жизнь, материнских признаков, присущих обоим ментальным образованиям» [7, 88].

Зачин в сказке указывает на пространство, в котором находятся героини в данный период: *Атэлт ләнх йўх авэтән, атэлт кълт йўх авэтән Ай Моцнэнийэ вөл* ‘В одиноком селении среди деревьев с духами, в одинокой избушке среди деревьев с божествами жила-была Моцнэ’ [8, 29].

До настоящего времени в этноязыковой картине мира народа ханты существовало три временных периода: время существования богов; время появления и становления духов-покровителей и время человеческой эпохи. Моц и Пор появляются во время появления людей.

Описание дома Порнэ в текстах встречается позже, когда Моцнэ ударяет по берёзовому трухлявому пню, из которого идёт дым: *Вантлэлэ, йа, мултсэр сўмэт йўх аңкльйэ эвалт пөсэң кавэрэл* ‘Видит, надо же, с какого-то березового пенечка дым идет’; *Увэсэн, тәңха, хулты вөсэт ланэт Пурне, мяттырән* ‘Где-то на Севере, видимо, жили семь сестер Порне’; *Лунас ай хөтыйэ эвалт тўт посэң кавэрэл* ‘Из маленького лабаза дым из трубы идет’ [12, 149].

Самый распространённый сюжет сказки следующий: Жили-были зайчиха и лисица. Лисица заманивает зайчиху кататься с горки, затем катится с горы за зайчихой, переезжает через неё, и та погибает. Лисица несёт её домой. Дочь зайчихи, не дождавшись матери, подкрадывается к жилищу лисицы, и с трубы подслушивает разговор домочадцев, где лисица обещает с утра детям принести на завтрак зайчат. Дети зайчихи убегают из дома. По пути брат проваливается в болото. Оплакивая брата, Моцнэ идёт туда, куда глаза глядят. Увидев трухлявый берёзовый пенёк, девушка ударяет по нему. Оттуда выходит Порнэ, и напрашивается в приятельницы.

По дороге Порнэ предлагает искупаться: *Па нык ци керлэс пэвалты. Сухлал еңхас, пэвалты нык ци вохса. Йэша пэвалсэңэн. Ин утэл вўты хөхлемас. Ин неңэл ләмәтсүх лўв ләмтәмсэллэ, актәмсэллэ. Ин неңийэ вўты йухтас, кўш лупэл: «Мәнем пэвалты хўцсэн, ләмәтсүхлам нәң ләмәтсэллан, ма, – лупэл, – Һарән хөн вөлләм. Щәци, – лупэл, – сәх хирән лойийәл ай хирыйә, тыв вуцкә». Ин ай хир вуцкәслә. Па йәм ләмәтсүх ләмтас, па йәм ухшам пунәс. Йа ци, канңши ци шөшәмсәңэн* ‘Пошла [Мощнэ] купаться. Одежду сняла. Тем временем Порнэ выскакивает на берег, и надевает на себя одежду Мощнэ. Когда Мощнэ вышла на берег, говорит приятельнице: «Уговорила меня искупаться, надела на себя мою одежду, я, – говорит, – раздетой, ведь, не буду. Бабушка, – говорит, – там за меховым мешком, висит маленький мешочек, кинь его сюда». Кинула Порнэ ей маленький мешок. Надела на себя Мощнэ ещё лучше одежду, накинула красивый платок. Пошли’ [9, 56].

Искупавшись в реке девушки прошли обряд очищения и готовы к замужеству, в маленьком мешочке женщины Мощ находилось приданое для невесты.

Порнэ выбирает себе самого лучшего жениха: *Мәңләмән, щәха кәт ики йәцәлт етләңән, итәл вух шаш йитәп хө, итәл ләл шаш йитәп хө, – лупэл. – Наң лөйңийә, щәха ләл шаш йитәп йуни хөйла нәпта, ма вух шаш йуни хөйла напәтләм* ‘Пойдём, скоро двое мужчин выйдут к нам навстречу, один с обычными коленями, второй с короткими коленями, – говорит. – Ты, подруга, к мужику с короткими коленями подойди, я же к мужику с обычными коленями из денег подойду’; *Итән хурамәң өхәл, ар, вўлең кәлләл хурамәңәт. Э, Пурнәңән хөхәлман мәнәл: «Ма, мәта өхәл, тәм өхлә, ма тәм өхләң хөйәна мәңләм, тәм өхәләңн омәсләм!»* ‘Одни нарты красивые, и олени, видно, красивые. Э, Пурнэ бегом побежала: «В какие сани? В эти сани... Я пойду замуж за этого человека, на эти сани сяду!’ [10, 49].

Таким образом, Пурнэ, опередив подругу, выбрала себе хорошие сани и обеспеченного жениха. В новой семье свекрови дают задание своим невесткам, девушкам необходимо показать себя в роли хозяйек: *Хот–хәры леваса йиңкән вуцльийемәсы, па ци. Ин ими немәлт ән па лупәс, что атма версәлэ* ‘Пурнэ размазала воду, как попало по полу, и всё. Хозяйка ничего не сказала, что та сделала всё плохо’; *Ай Моц–неңәлән сәхәл йәма йөнтәсы, хот–хәрәл иса тәса лўхитсы, сыстамам иса хотәл версы* ‘Ай Мощнэ заштопала аккуратно шубу, вымыла хорошо пол, прибралась в доме’; *Муй молупци, муй кўвәщ, мулты сўхәтән мәсийңән. Э, э, Пурнеңәл сора, сора тәңләмәл, тәңләмәл, верәс. А тум неңәл, вантә, муй тәңләсәл, муй пун верәс, муй верәл, ищи сора хөн верләлэ. Тўмән сухлал йетшәмсәт, ин ута,*

вөйэма өңх вүйты мәнэс. Шци сухлал ваньцемэслэ, йетшиэсэт. Йетшиэсэт айэмэн-утэн өңхэн лйп утэмсэллэ, шив хөн йонтлэлэ, лйв өңхэн, өңхэн айэмсэллэ, па шци йетшиэл, етшиэсэт. Тум неңэл па лупэл: «Хўлңа муй а́нта йэ́тшиэл» 'Или малицу, или гуся, какую-то шкуру дали. Э, э, Пурнэ быстро, быстро помяла шкуру, сделала. А та женщина [Мощнэ], смотри, то ли мнёт, то ли жилы готовит, что-то делает, не скоро же сделает. Та [Пурнэ] шкуры подготовила, да пошла в тальник, смолу собирать. Вещи скроила, закончила. Закончив кроить, сложила швы, склеила. Всё, закончила. А Мощнэ говорит: «Ещё не закончила»; *Моц неңийэл төса, йама йөнтэл, Пурнелэңки айэм вүймал па айэмэн шци хөнтлэллэ.... Йа, ин Пурнелэнкэл ики хятэмэс, па ин нухэс сухэл уса ара тохнемэс. Ин айэмэн хөнтэм сэхэл. Шовэрнеңийэн ики хятэтьлэс, сэхийэл уса а́нт па тохэс* 'Дочь зайчихи аккуратно, хорошо шьёт, а женщина Пур взяла клей и все полоски приклеила.... Муж женщины Пур покатылся, соболиная малица в клочья порвалась. Клееная малица. Дочери зайчихи муж покатылся, ею сшитая малица не порвалась' [11, 66].

Из приведенных выше текстов мы видим, что женщина Моц добра, терпелива, хорошая хозяйка, заботится о своих близких. Изучая фольклорные сборники обских угров о противостоянии Моц и Пор мы встретили лишь один текст, где появляется отрицательный образ матери Моц: *Ай мощнеңийэ атэлт лөңх йўх авэтэн, атэлт калт йўх авэтэн лйв шци вөл, шци холмал. Ыаврэмэл сема питэс па њаврэм сема питэм йўпийэн, њаврэмэл кйш тайсэллэ, хутащ њаврэмэл пела катлы йиты питэс. Ин товийэн йуханэл йеңкэл нопэтты шци питэс. Йеңкэл нопэтты питэм артэн, вўслэ па ин њаврэмэл йеңк пўл өхтыйа омсэлсэллэ, ин њаврэмэл шци увэса шци нопэтса* 'На одиноком священном мысу живёт-ночует женщина Ай Моц. Ребёнка на свет родила. Ребёнок родился; но после того, как появился, что-то нежеланным он стал.... Весной по реке уже лёд стало нести. В колыбель как следует, зашнуровала его, грудью накормила и на льдину посадила.... Ребёнка в сторону севера понесло течением' [12, 149]. Ханты осуждали матерей и их детей, родившихся вне брака. Считалось это позором для всей семьи. И оно являлось страшным испытанием не только для матери, но и для ребёнка. В данном тексте женщина решает оставить сына на льду, которого уносит течением реки к семи сестрам Пур. Вырастив мальчика, женщины заставляют его добывать для них пропитание.

В фольклоре манси имеется такой же текст: [Мосьнэ] с младшим братом вдвоём живут. Когда так поживали, брат её куда-то ушёл. Плесенью покрытая, мхом обросшая Поварёшка к ней приходит... Долго жила или коротко жила, родила мальчика. Начался ледоход, она думает: станут люди ездить, вот ведь скажут: «Вдвоём

с братиком живут, небось, от братика сына родила». В уши [сыну] серебряные серьги вдела и на лёд его посадила [13, 70-71].

Мальчик вырастает, становится настоящим охотником. Женщина Мощ обманным путем возвращает его. После того как сын наполняет мясом животных ее лабазы, женщина избавляется от юноши. Варианты этих сказок проливают свет на происхождение ребенка – связь старшей сестры с младшим братом.

А. А. Бурькин отмечает, что тексты, представляющие сказочную традицию обско-угорских народов и фиксирующие представления о том, какие союзы являются запрещёнными и наказуемыми в соответствии с брачными нормами, весьма важны не только и не столько для изучения самих норм, сколько для изучения распространённости мотивов о наказуемой связи брата и сестры среди народов Сибири [14, 18].

В хантыйской сказке ребенок обращается за помощью к Богу. В текстах о сиротах невидимыми помощниками являются высшие силы, которые находятся всегда рядом с детьми: *Щǎлта Төрэм вөн ащэл эвэлт пойкас: «Ин ищки ат хөйэл, Төрэм вөн ащем вөсән! Ма арем ки йэллы мǎнэл, ма моньщем ки йэллы мǎнэл, нǎң, Төрэм вөн ащи, мǎнем ищки вера!»*. *Йа щи, ищки ат верса* 'Великого Торума-отца попросил: «Великий Торум-отец, пусть сейчас холод ударит! Если моей песне дальше продолжаться, если моей сказке дальше продолжаться, ты, Великий Торум-отец, сделай мне холод!». Так холодную ночь ему сделали, и удачливым-то он оказался' [12, 149].

Рассмотрев подробно тексты о наивной, доброжелательной женщине Мощ, мы с уверенностью можем сказать, что и Пор не во всех сказках злая и коварная. Сказители также относятся снисходительно и к Порнэ, создавая для нее комической образ: *Пурнеңэл йиш: «Лар хўллам-йэв хуллэм, пир-пир-пир!» Ларэт-йэвэт нух кирмал. Ин йэв хўллал, лар хуллалн мулты утал кэвэт пелкэт, муй сухлал пунт пелкэт йаха лелмал па щитлалн щи төллэ: «Муй йл лўв па таласлэт?»* 'Бедняжка Пурнэ едет: «Рыбки-ерши, рыбки-окуни, пир-пир-пир!» Ершей-окуней запрягла. На сани, в которые запряжены окуни, ерши, каким-то образом загрузила железки, одежду, кастрюлю. И несет с этим: «Чего они еле-еле тащатся?» [11, 67].

В хантыйском фольклоре существует множество вариантов сказок о противостоянии Мощ и Пор. Пройдя определенные испытания, героини сказок достигают желанной цели. Об этом свидетельствуют концовки сказок. Л. П. Ковальчук считает, что в сказках «языковые средства ярко и лаконично иллюстрируют основную суть изображаемого текста. Часть из них проецируется из

исходного пространства, а остальные возникают в контексте повествования и носят чисто дискурсивный характер» [7, 88].

В финале сказки героиня Мощ, за свое терпение, доброту, отзывчивость становится духом-покровителем хантыйских женщин. А женщину Пор сказитель характеризует следующим образом: *Пухэл лыпэл хэлийэн на щэцэн т'ярматман т'й'лэллэ, ух путланэн, лыпэл – полты сөн, йошнэл – варэс н'үвэн, ньалмэл – ал вуциты вой, сот хэ, сот нэ лепалмал* 'Душа ее грязная, лживая, пакостливая, в голове у нее опилки из березовой трухи, руки, как прутья, язык, как вертлявый червяк, может запросто обмануть сто мужчин и сто женщин'.

Мы рассмотрели сказочные сюжеты, в которых *Мощ* и *Пор* играют ключевые роли. Мощ – добрая и отзывчивая, а Пор – хитрая и эгоистичная. В сказке они являются полными противоположностями, представляя собой концептуальную оппозицию «добро и зло».

Список литературы

1. Дядюн С. Д. Отражение концепта «женщина» в языке хантыйских народных сказок // Культура и цивилизация. – 2020. – Том 10. – № 5А. – С. 175-180.
2. Чернецов В. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. М. – Л., 1939. II. С. 20-40.
3. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М. Наука, 1964. 328с.
4. Хэкель Й. Почитание духов и дуальная система у угров / пер. с нем. и публикация докт. ист. наук Н. В. Лукиной. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 42-53.
5. Вереш П. Этиологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и модель мира / Труды Карельского научного центра РАН № 3. 2014. С. 43-53.
6. Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М. Наука. 1990. – 568с.
7. Ковальчук Л. П. Концептуальная интеграция смешанного пространства «женщина-лягушка» в русском сказочном дискурсе // Вестник Челябинского госуниверситета. – 2011. – № 25 (240) – С. 87-90.
8. Арэм-моньцем ел ки м'ан'ял... Если моя песня-сказка дальше пойдет... / Р. К. Слепенкова. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 234 с.
9. Сказки, песни хантов полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. – Ханты-Мансийск: Ижевск: Принт-2, 2016. – 344 с.
10. Сказки Вандымовой Татьяны Ксенофоновны / сост. С. Д. Дядюн / Под ред. В. Н. Соловар. – Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. – 94 с.
11. Сказки Иныревой Екатерины Григорьевны / сост. С. Д. Дядюн / Под ред. В. Н. Соловар. – Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2016. – 80 с.
12. Касум мув моньщат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской / С. С. Успенская. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 292 с.
13. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 475 с.
14. Бурькин А. А. Эдип в свете этнографии. Хантыйские сказки и древнегреческий миф // Вестник угроведения. – 2014. – № 3 (18). – С. 17–27.

УДК 811.512.157

Харабаева В.И. Сравнительные конструкции с глаголами действия в якутском языке

Харабаева Виктория Ивановна

к.филол.н., научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук, РФ, г. Якутск
Stabilo.83@mail.ru

Comparative constructions with action verbs in Yakut language

Kharabaeva Victoria Ivanovna

PhD in Philology, researcher Institute for Humanities Research and
Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Yakutsk

Аннотация. В статье выявляются особенности функционирования глаголов действия различных лексико-семантических групп в составе сравнительных конструкций на материале якутского языка. Рассмотрено употребление глаголов из лексико-семантических групп физического воздействия на объект и помещения. В результате определено, что глаголы из данных семантических групп, выступая в роли предиката зависимой части сложноподчиненных предложений, употребляются для сравнений, передающих состояние героев, различных психологических обстоятельств, а также описывающих природу и внешность человека.

Ключевые слова: сравнение, конструкция, эталон, лексико-семантические группы, глаголы действия, якутский язык.

Abstract. The article reveals the peculiarities of the functioning of action verbs of various lexical-semantic groups as part of comparative constructions based on the material of the Yakut language. The use of verbs from lexical-semantic groups of physical influence on an object and premises is considered. As a result, it was determined that verbs from these semantic groups, acting as a predicate of the dependent part of complex sentences, are used most characteristically for comparisons conveying the state of characters, various psychological circumstances, as well as describing the nature and appearance of a person.

Key words: comparison, construction, standard, lexical-semantic groups, action verbs, Yakut language.

Тематическая часть сравнения (то, что сравнивается) называет признак предмета, качество человека, действие, признак действия и состояние. Образ создается словами эталонной части сравнений. Эталонную часть сравнительной конструкции обычно представляет существительное, обозначающее человека, представителя животного или растительного мира, предмет или явление, с которым сравнивается то, что названо в тематической части. Однако нередко эталонами для сравнительных конструкций выступают глагольные формы различной семантики. В данной статье выявляются особенности функционирования глаголов действия из

разных лексико-семантических групп (далее – ЛСГ), выступающих в качестве компонента сравнительных конструкций. Источниками анализируемого материала послужили сравнительные конструкции с глагольными эталонами, выбранные из произведений писателей (около шестидесяти примеров). Лексикографической базой послужили «Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол» (2023) и «Толковый словарь якутского языка (2004-2019 гг.)».

Исследования, посвященные изучению глаголов по ЛСГ на материале русского и других языков активно проводились в 60-х годах XX в. и не потеряли актуальности до сих пор. За последние годы исследователи тюркских языков обращаются к данной теме, глаголы движения в татарском языке подразделяются на семантические группы [1], исследуются особенности подразделения глаголов ненаправленного и направленного движения [2], представлен опыт отображения глаголов физиологического действия и состояния татарского языка в лексикографической базе данных семантических классов, разрабатываемой в Институте прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан [3] и т.д. В якутском языкознании в монографии «Функционально-семантические категории в якутском языке: имя и глагол в системе функциональной грамматики» (2023) включены разделы, предметом которых является закономерность образования семантических типов конструкций от тех или иных лексико-семантических групп глаголов. Н.Н. Ефремовым были анализированы ЛСГ глаголов движения и перемещения в современном якутском языке в связи с установлением структурно-семантических моделей (двусторонних языковых знаков) пространственных предложений, формируемых глаголами поступательного движения [4]. Н.И.Даниловой глаголы действия исследуются с точки зрения установление закономерных связей между залоговыми формами и лексико-семантической принадлежностью глагольного предиката конструкций [5]. Харабаевой В.И. рассматривается функционирование глаголов действия в качестве эталонов сравнительных конструкций в якутском языке [6].

В якутском языке слово *хайааһын* означает 'действие' (БТСЯЯ, Т. 13, с. 188); слово *дьайьы* – '1. Проявление какой-л. энергии, деятельности, действия; влияние, воздействие; 2. Действие, оказываемое кем-чем л. на кого-чего л., воздействие' (БТСЯЯ, Т. 3, с. 290); слово *үлэ* – '1. Работа, труд, занятие, деятельность; 2. Нахождение в действии, функционирование; 3. Продукт труда, произведение' (БТСЯЯ, Т. 12, с. 460). В русском языке слово действие употребляется в значениях: '1. Проявление какой-н. энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность,

функционирование чего-л. 2. Результат проявления деятельности чего-н., влияние, воздействие' (Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка, 2014, с. 244). Слово деятельность имеет следующие основные значения: '1. Занятие, труд; 2. Работа каких-н. органов, сил природы' (Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка, 2014, с. 254). Таким образом, можно сказать, что слово действие определяется как энергия, направленная на проявление какой-л. деятельности, воздействие, функционирование. А слово деятельность часто заменяется словами работа, занятие, труд, процесс действия, произведение и т.д.

В работах исследователей глаголы действия и деятельности размещены в нескольких крупных группах, таких, как например, глаголы действия, глаголы движения, глаголы речи, глаголы интеллектуальной деятельности и т.п. Так как глаголы данных групп содержат общую семантику – понятие действия и деятельности, а также представляют собой действие и деятельность (работу) каких-то определенных органов человека (конечностей, тела, языка, мозга и т.п.), их объединяют под одним общим названием 'глаголы действия и деятельности' [7].

В якутском языке глаголы действия распределяются на основе классификации русских глаголов, предложенной в «Толковом словаре русских глаголов» (1999), также работ других исследователей (М.Г. Усмановой (2002) [7], Е.М. Копыриной (2012) [8]). Также мы основываемся на «Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол» (2023), теоретической базой которого послужили классификации, изложенные в коллективной монографии «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1989) и исследовании Л.М. Васильева «Семантика русского глагола» [9]. В данной статье мы рассмотрим эталоны сравнительных конструкций с глаголами ЛСГ глаголов собственно действия, т. е. не включая другие группы глаголов, обозначающих действие и деятельность. Так, глаголы, выражающие своим значением какое-либо действие или деятельность, распределяются на следующие крупные ЛСГ: 1. Глаголы физического воздействия на объект; 2. Глаголы помещения объекта; 3. Глаголы перемещения объекта; 4. Глаголы созидательной деятельности. Мы объединили в эти группы глаголы, обозначающие действие, направленное на достижение осознанной цели, заключающейся в каком-либо физическом воздействии на объект (изменение качественного и количественного признака объекта или изменение положения в пространстве объекта и т.д.).

Сравнительные конструкции с глаголами действия в якутском языке выступают в составе различных типов сложных конструкций:

1. Конструкции, где придаточное сравнительное соотносится не со всем главным предложением, а со словом-модулем, в роли которого выступает имя существительное. Данная конструкция имеет следующую формулу: **N-INS V-PTCP показатель сравнения N** (здесь и далее формулами дана сравнительная часть конструкций). Напр.:

Отон уутунан соппут курдук уурбут-туппут уоһун уураатарбыан (П.Ойуунускай, с. 133) 'Поцеловать бы мне ее красивые губы, словно покрытые соком ягоды' (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – В. Х.);

2. Конструкции, где в составе сложноподчиненного предложения сравнение выступает в роли обстоятельства образа действия: **N V-PTCP показатель сравнения V**. Напр.:

Надежда Алексеевна ... ааһа туруох курдук санаабыта да, атахтара, хам сааллыбыт кэриэтэ, харыс да сири халбарыйыах быһыылара суоҕа (Софрон Данилов, с. 333) 'Надежда Алексеевна... подумала, что пройдет мимо, но ее ноги, словно прибитые, не могли двигаться и на пядь';

3. Конструкции, где сравнение выступает как зависимая предикативная часть сложноподчиненного предложения, в котором связь между предикативными единицами осуществляется посредством примыкания (в предложениях, где сложное сказуемое зависимой части в якутском языке выражается причастной формой, послеложным показателем сравнения и деепричастием на *-ан* вспомогательного глагола *буол-*): **N PTCP показатель сравнения AUX-CVB-PAST**. Напр.:

Надежда Алексеевна сирэйэ чоххо баттаабыт курдук буолан, таһырдыа ыстанна (Софрон Данилов, с. 409) 'У Надежды Алексеевны лицо покраснело, словно придавленное к углям, и она быстро убежала на улицу';

4. Конструкции, где сравнительная зависимая часть имеет предикат, выражаемый причастиями на *-ар* и *-быт* с аффиксом *-лыы* (в якутском языке причастные формы, склоняясь по падежам, употребляются в функции сказуемого зависимой части сложноподчиненных предложений). Аффикс *-лыы* имеет широкое сравнительное значение и соответствует русским сравнительным союзам. Такие сравнительные конструкции имеют формулу: **(N-DAT (INS) V-PTCP-(CAUS)-COMP**. Напр.:

Луоһарда, ким эрэ кинини төбөҕө сырбаппытыныы, ныкыс гынна (И. Гоголев, с. 226] 'Лосарда, словно его кто-то ударил в голову, втянул голову в плечи'.

На психологизм сравнения исследователи обращают внимание, например, И. М. Сеченов пишет, что: «Все, что человек воспринимает органами чувств, и все, что

является результатом его мыслительной деятельности (от целостных картин мира до отдельных признаков и свойств, отвлеченных от реалий, до расчлененных конкретных впечатлений), способно соединяться в нашем сознании ассоциативно» [10, с. 190]. Таким образом, можно заключить, что развитие сравнений в языке напрямую связано с процессом восприятия человеком окружающего мира, его фиксации и оценки.

В якутском языке неприятная новость, сообщение или негативная критика, порицание сравниваются с физическим ударом. Для передачи таких состояний очень часто употребляются глаголы удара. Глаголы удара, например, *ас-* ‘ударить, воткнуть’ применяются в форме побудительного залога с аффиксом *-тар*. В подобных случаях аффикс побудительного залога не имеет своего изначального значения, заключающееся в обозначении действия, побуждаемое грамматическим субъектом со стороны другого действующего лица. Субъект скорее допускает поневоле или по недосмотру нежелательные для себя действия со стороны другого лица:

Иван Иванович, түөскэ астарбыт курдук, олоппоһугар сууллан түстэ (Софрон Данилов, с. 377) ‘Иван Иванович, словно ударенный в грудь, рухнул на стул’;

Манчаары сүрээбэ, сытыы үһүктээһинан дьөлө астарбыттыы, сытыытык ыалдьан ылла (И. Гоголев, с. 122) ‘Сердце Манчары пронзила острая боль, словно проткнутое чем-либо острым’.

Чувства внезапной досады, неловкости, сильного замешательства передаются глаголами из ЛСГ физического воздействия на объект, например, глаголами из подгрупп повреждения и давления:

Глаголы повреждения: *Бытааны кулгааҕа кыһыл чобунан хаарыйбыттыы, итийбэхтээн ылбыта* (И. Гоголев, с. 79) ‘У Бытаны погорячели уши, словно обожженные горячим углем’.

Глаголы давления: *Арамаан кинигэтин өлөксөөс илиитигэр туттарарыгар сирэйэ чоххо баттаабыт курдук кытар гына түстэ* (Барыта эн эбээт олох, с. 78) ‘У Романа лицо покраснело, словно придавленное к горячим углям, когда он вручал свою книгу Алексею’.

Глаголы обработки, обозначающие ‘обрабатывать что-л. при помощи (почву или какой-л. материал) при помощи специальных инструментов’ (Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 213) часто употребляются при описании внешности людей, в особенности, при описании различных признаков частей тела – лица и его отдельных черт, шеи, рук, ног. Например, глаголы *чочулаа-* ‘точить что-л.’, *чочуй-*

‘делать более совершенным, оттачивать, шлифовать что-л.’ (БТСЯЯ, Т. 14, с. 209) может обозначать красоту и утонченность конечностей человека:

Уу обуһун муоһун чочулаан кылбаппыт чочуонай көмүс атабын бишрдэ куустарбыан (П. Ойуунускай, с. 133) ‘Еще раз мне бы обнять ее стройные золотые ноги, словно точеные из мамонтовой кости’;

Чочуламмыт курдук көнө, уһун тарбахтарынан суоту тарда олоруон сөптөөх (Амма Аччыгыйа, с. 196) ‘Она своими длинными, стройными пальцами, словно точеными, может сидеть, считая на счётах’.

Отдельную многочисленную ЛСГ представляют **глаголы помещения** объектов. В якутском языке глагольные формы со значением помещения объекта в определенном месте каким-либо образом, например, лексемы *уур-* ‘класть, положить что-л., ставить что-л. на место’ (БТСЯЯ, Т. 12, с. 429), *тэлгэт-* ‘разложить, расстелить, раскинуть что-л. во всю ширь’ (БТСЯЯ, Т. 11, с. 496), *кэжкэлэт-* ‘образовывать ряд, расположить в ряд’ (БТСЯЯ, Т. 5, с. 502) и т.д. часто применяются при описании природных ландшафтов, рельефа местности:

Күн уота... хара быары хайа баттаан тэлгэтэ уурбут курдук кырыстаах, бааһырбас-быйһырбас уулаах хонуу сирдэри ититэн-сылтан куурбут-тонмут буордарын угуттаан, дыгданначчы сырдатта (П. Ойуунускай, с. 200) ‘Солнечный свет ... подогревая засохшую, примерзлую почву водянистых полей с дерном, похожим на разложенные куски печени, осветил так, что все плавно вздымалось’;

Мантан төрөөбүт алааһа ытыска уурбуттуу көстөр (И. Гоголев, с. 178) ‘С этого места его родной алас виден как на ладони’;

Солооһун аннынаабы ходуһаҕа кини ото үүнэн, араас күндү түүлээхтэр тириилэрин тэлгэппит курдук толбонноно долгуйара (Амма Аччыгыйа, с. 201) ‘Под расчищенным местом в лесу, на сенокосном лугу, его трава выросла, колыхалась, словно разложенные шкуры разных пушных зверей’;

Ту же функцию выполняют глаголы покрытия объекта, которые являются одной из подгрупп ЛСГ глаголов помещения:

Аллара улуу Туймаада бүрүллүбүт үт курдук тунааран көстөр (И. Гоголев, с. 96) ‘Внизу великая Туймада неясно белела, словно накрытое молоко’.

Итак, сравнительные конструкции с послелогом *курдук* ‘как будто, словно’ и с сравнительным аффиксом *-лыы* в сочетании с глаголами действия образуют типичные модели зависимой части сложноподчиненных предложений. Выявлено, что психические состояния часто сравниваются с чувством удара кулаком или проткновением чего-либо острого в тело человека. Такое чувство передается

употреблением в роли эталона в сравнительных конструкциях глаголов удара из ЛСГ глаголов физического воздействия на объект. В свою очередь, у глаголов помещения, обработки, покрытия в роли эталонов часто описательная функция. Можно сказать, что употребление глаголов действия обсуждаемых ЛСГ в составе сравнительных конструкций способствует более яркому описанию состояний героев, различных обстоятельств, внешнего вида человека и явлений окружающей среды.

Список литературы

1. Хуснутдинов Д.Х., Сагдиева Р.К., Сибгатуллина И.К. Глаголы движения в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 403-406.
2. Полякова Н.В. Глаголы направленного и ненаправленного движения в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017, №10 (187). С. 122-125.
3. Галиева А.М. Представление глаголов физиологического действия и состояния в лексикографической базе данных татарских глаголов // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2018, Т. 160, кн. 5. С. 1219–1234.
4. Ефремов Н.Н. Глаголы поступательного движения и формируемые ими модели предложений с пространственным значением // Функционально-семантические категории в якутском языке: имя и глагол в системе функциональной грамматики. Якутск, 2023. Рукопись.
5. Данилова Н.И. ЛСГ глагола в семантических зонах возвратности, взаимности и совместности действия // Функционально-семантические категории в якутском языке: имя и глагол в системе функциональной грамматики. Якутск, 2023. Рукопись.
6. Харабаева В.И. Эталоны сравнения с глаголами лексико-семантической группы отрицательного воздействия на объект в языке саха // Вестник НГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2022. Т. 20, № 2. С. 41–48.
7. Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка: дис. ... доктора филол. наук. Уфа, 2002. 429 с.
8. Копырина Е.М. Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2012. 163 с.
9. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
10. Сеченов И. М. Кому и как разрабатывать психологию. Психологические этюды. СПб.: Изд-во биол. и медиц. литературы, 1873. 305 с.

Список источников

Амма Аччыгыйа. Хоһооннор, кэпсээннэр, сэһэннэр. Дьокуускай: Бичик, 2006. 496 с.
Барыта эн эбээт, олох...: кэпсээннэр. Дьокуускай: Бичик, 2013. 320 с.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 3. (Буквы Г, Д, Дь, И): (Г, Д, Дь букубалар) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 841 с.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 5: (Буква К: күөлэһис гын - кээчэрэ): около 4000 слов и фразеологизмов / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 518 с.

Большой Толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XI: (Төтөллөөх – тээтэннээ): около 4000 слов и фразеологизмов / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. 527 с.

Большой Толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. 12. (Буквы У, Ү): около 3500 слов и фразеологизмов / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. 597 с.

Большой Толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х): около 4000 слов и фразеологизмов / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. 638 с.

Большой Толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы): около 4000 слов и фразеологизмов / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. 591с.

Гоголев И.М. – Кындыл. Манчаары. Дьокуускай: Бичик, 2001. 352 с.

Гоголев И. Хара кыталык. Книга I. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1977. 366 с.

Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник / Под ред. Т.В. Матвеевой. Свердловск: изд-во Урал. Ун-та, 1988. 153 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: ООО "Издательство "Мир и Образование", 2014. 1376 с.

Платон Ойуунускай. Талыллыбыт айымнылар. II том. Дьокуускай: Бичик, 1993. 444 с.

Сахалыы-нууччалыы бөлөбүнэн наардыыр тылдьыт: аат тыл, туохтуур=Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол / Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2023. 388. с.

Софрон Данилов. Сүрэх тэбэрин тухары. Якутск, Кн. изд-во, 1977. 612 с.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'25

Бедарева А.В. Специфика перевода политического дискурса (на материале выступлений канцлера Германии Олафа Шольца)

Бедарева Алиса Валериевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики, теории и практики перевода, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева
alissaval@yandex.ru

The specifics of political discourse's translation (based on the speeches of German chancellor Olaf Scholz)

Bedareva Alisa Valerievna

PhD in Pedagogics, Associate Professor at the Department of Linguistics, Theory and Practice of Translation, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Аннотация. Данная статья посвящена основным проблемам, которые могут возникнуть при переводе политического дискурса и предложены пути их решения. Кроме того, в статье рассмотрены такие понятия как «дискурс», «политический дискурс» и были проанализированы основные функции и жанры политического дискурса. Целью данной работы является определение основных проблем при переводе выступлений немецких политических деятелей. В качестве основных проблем в процессе перевода выступлений политических деятелей Германии автор обозначает перевод реалий и слов, у которых нет аналога в русском языке. В качестве практической значимости данной работы автор определяет возможность использования результатов исследования в процессе перевода как выступлений политических деятелей, так и при переводе публицистических статей политического характера.

Ключевые слова. Дискурс, политический дискурс, перевод, конкретизация, реалии.

Abstract. This article is devoted to the main problems that may arise when translating political discourse and suggests ways to solve them. In addition, the article considers such concepts as "discourse", "political discourse" and analyzes the main functions and genres of political discourse. The purpose of this work is to identify the main problems in the translation of speeches by German politicians. The author identifies the translation of realities and words that have no analogue in the Russian language as the main problems in the process of translating speeches of German politicians. As a practical significance of this work, the author determines the possibility of using the research results in the process of translating both speeches of political figures and in the translation of journalistic articles of a political nature.

Keywords: Discourse, political discourse, translation, concretization, realities.

На сегодняшний день политическая сфера жизни общества вызывает чрезвычайный интерес у общественности, так как в каждом высказывании политика или выступление на каком-либо мероприятии содержится информация о текущем положении дел, так и о будущих планах правительства на внутренней и международной арене. В этой связи отдельный интерес представляет Евросоюз, где после выхода Великобритании в 2020 году, Германия и Франция стали странами, определяющими политику ЕС. В этой связи стал активно востребован перевод выступлений политиков с немецкого и французского языков, а в особенности с немецкого, поскольку Германию и Россию долгое время объединяют тесные международные отношения. Однако перевод немецкого политического дискурса слабо освещён в лингвопереводческой сфере ввиду того, что долгое время в политическом пространстве главенствовал английский язык. Для того чтобы более подробно рассмотреть данную тему, мы обратились к понятиям «дискурс» и «политический дискурс».

Определение термина «дискурс» представляет на сегодняшний день значительные трудности в связи с тем, что данный термин появился на стыке многих научных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, литературоведение, социология, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная психология и многие другие. Тем не менее, можно сказать, что благодаря усилиям ученых из разных областей теория дискурса в настоящее время формируется как самостоятельная междисциплинарная область (новый междисциплинарный дискурс), что отражает общую тенденцию интеграции в развитие современной науки [1, с. 76]. В данной статье будет использовано определение дискурса, сформулированное И. Беллерт, согласно которому «дискурс»- связанный текст, который имеет чёткую грамматическую и семантическую последовательность предложений, высказываний или реплик, в письменной, устной, в виде монолога или диалога, обращённые к слушателю, читателю или наблюдателю и рефлектирующие полную речевую ситуацию, а также берущие во внимание экстралингвистические факторы всех участников [2, с. 79].

В свою очередь под политическим дискурсом Д. Джонсон и Р. Джонсон понимают непосредственный обмен мнениями касательно того, какой из предложенных политических курсов стоит принять, чтобы решить определённую социальную проблему. Кроме того, авторы считают, одной из задач политического дискурса является вовлечение как можно большего числа людей в политические дискуссии. Тем самым подчёркивается всеобъемлющий характер политического

дискурса, который распространяется на социально-политическую и публичную сферы жизни общества [3, с. 166].

Также нами были рассмотрены функции политического дискурса, к которым относятся:

1) функция социального контроля (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидов, т.е. манипуляция общественным сознанием);

2) функция легитимизации власти (объяснения и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);

3) функция воспроизводства власти (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов);

4) функция ориентации (посредством постановки целей и озвучивание проблем в сознании реципиента формируется необходимая политическая картина реальности);

5) функция социальной солидарности (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп);

6) функция социальной дифференциации (разграничивание социальных групп)

7) агональная функция (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей)

8) акциональная функция (проведение политики через мобилизацию или "наркотизацию" населения: суть мобилизации заключается в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпление бдительности) [31, с. 36].

Существуют также 2 вида политического дискурса: личностный и институциональный.

Под личностным дискурсом подразумевается повседневное общение людей, которые довольно хорошо знают друг друга. Цель данного дискурса заключается в общении и решении быденных проблем.

Институциональный дискурс определяют общение, в котором играет существенную роль статусно-ролевой аспект участников. Иными словами, это тип дискурса, в котором люди могут не знать друг друга, и их коммуникация строится на нормах и правилах, характерной для социальной группы [5, с. 35]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что ПД относится к институциональному типу дискурса.

Для рассмотрения основных проблем, возникающих при переводе политического дискурса, нами был выполнен комментированный перевод выступления канцлера Германии Олафа в бундестаге от 22 ноября 2022 года и предложены возможные варианты их решения.

Своё выступление канцлер Германии начал как всегда с критики оппозиции, но критика была подана необычным образом:

Verehrter Herr Merz, als ich Ihnen gerade zugehört habe, musste ich an „Alice im Wunderland“ denken. Was in Wahrheit groß ist, das reden Sie klein, und umgekehrt. Was eigentlich passiert ist und wer dafür verantwortlich war, das alles schwimmt. Und was zunächst logisch klingt, ist in Wahrheit blanker Unsinn. – *Господин Мерц, слушая Вас, мне вспомнилась сказка «Алиса в стране чудес». Серьёзные проблемы страны Ваша партия считает незначительными, и наоборот. Что на самом деле произошло и кто был ответственным за это, все это размыто. И то, что поначалу кажется логичным, на самом деле является полной чушью.*

Во вступлении Олаф Шольц высмеивает критику оппозиции, сравнивая членов партии с героями из сказки «Алиса в стране чудес» и это сравнение должно быть сохранено при переводе. Для того, чтобы перевод выглядел логично, необходимо преобразовать глагол denken перевести его как *приходить на ум*.

Во втором предложении необходимо использовать конкретизацию к местоимению was, поскольку под ним Олаф Шольц подразумевает проблемы страны, которые оппозиция считает за незначительные и наоборот. Таким образом, was может переводиться как *проблемы, groß- серьёзный, klein- незначительный*. Изменения при переводе в этом предложении претерпит и глагол reden- *считать*.

В последнем предложении можно заметить фразу blanker Unsinn, которая переводится как *полная чушь*. Конечно, данную фразу можно перевести более нейтрально, однако в выступлении канцлер использует это словосочетание, чтобы подчеркнуть, насколько абсурдна критика оппозиции в адрес правительства. По этой причине, следует использовать перевод *полная чушь*.

Во время выступления канцлер Германии продолжает подчёркивать успехи правительства на международной арене

Mit Frankreich und Spanien haben wir erst in der vergangenen Woche einen großen Knoten bei einem wichtigen, strategisch ganz zentralen Projekt für die Sicherheit und Souveränität Europas durchschlagen. Wir werden noch dieses Jahr die nächste Phase des europäischen Luftkampfsystems FCAS einleiten, nachdem das Projekt hier in Berlin lange Zeit eben nicht die nötige politische Aufmerksamkeit bekommen hat. – *На прошлой неделе*

мы с Францией и Испанией достигли прогресса в важном, стратегически важном проекте по обеспечению безопасности суверенитета Европы. Мы приступим к следующему этапу создания европейской системы воздушного боя FCAS (Future Combat Air System) в конце этого года, после того как этот проект долгое время не привлекал к себе должного политического внимания в Берлине.

Здесь Олаф Шольц говорит о достижении согласия с Испанией и Францией о создании военной программе по защите воздушного пространства Европы. В первом предложении проблемы в переводе может вызвать фразеологизм Knotendurchschlagen, который переводится как *разрубить Гордиев узел*. Но такой перевод может быть непонятен для реципиента, поскольку не все знакомы с мифологией. Таким образом, можно использовать синонимическую замену *добиться прогресса*.

В последнем предложении Шольц упоминает название программы FCAS (Future Combat Air System), которая будет развиваться в этом году. Так как российского аналога данной программе не существует, то при переводе следует оставить эту аббревиатуру без изменений, добавив расшифровку на английском в скобках. Также при переводе этого предложения следует опустить наречие hier, поскольку, так как по контексту понятно, что речь идёт про Берлин. В этом предложении канцлер говорит о том, что данный проект не получал должного политического внимания, явно намекая на неактивность прошлой правящей партии ХДС в этом направлении. В тоже время, однако, Олаф Шольц мог иметь ввиду и текущее правительство под своим руководством, поскольку в начале правления политическая активность Шольца в военной сфере была незначительной. Поскольку нельзя точно сказать, о ком именно говорил канцлер в своём выступлении, данное высказывание должно быть переведено дословно, чтобы избежать искажения информации.

Не обошёл стороной Шольц и модернизацию Германии, которую правительство Германии ставит своей главной задачей:

Und zugleich investiert diese Bundesregierung mit voller Kraft in moderne Infrastruktur und Digitalisierung, damit Deutschland nicht länger das Land der Funklöcher und der Schlaglöcher bleibt, das Land der kaputten Brücken und der verspäteten Züge. - *И в то же время это федеральное правительство в полную силу инвестирует в современную инфраструктуру и цифровизацию, чтобы Германия больше считалась страной плохого соединения, плохих дорог страной со слабо развитой системой общественного транспорта.*

Здесь интерес с точки зрения перевода представляют слова, которыми Олаф Шольц описывает текущее состояние в Германии. Так Funkloch можно перевести как *плохое соединение*, а Schlaglöcher - *плохие дороги*. Kaputte Brücke лучше убрать при переводе, поскольку имеется в виду значение, схожее с Schlaglöcher. Что касается verspätete Züge, то здесь можно использовать расширение, поскольку канцлер заложил в это словосочетание идею того, что сеть общественного транспорта в Германии развита довольно слабо.

Дальше Олаф Шольц значительную часть своего выступления уделит новому законопроекту - Bürgergeld. Сравнивая с российскими реалиями, это своего рода пособие по безработице. Выступая в защиту этого пособия, канцлер Германии также назвал и другие меры по поддержке населения:

Darin enthalten sind der vollständige Ausgleich der kalten Progression, aber auch deutlich spürbare Erhöhungen des Grundfreibetrags, des Sparerpauschbetrages, des Kindergeldes und des Kinderzuschlags. - *Данный пакет мер включает в себя полную компенсацию налогового обложения заработной платы, а также значительное увеличение размера общего дохода и суммы вклада, не облагающихся налогом, увеличение пособия на ребенка и формы денежной помощи на содержание ребёнка тем семьям, которые не нуждаются в пособии по безработице.*

Здесь можно заметить большое число экономических реалий, которые могут вызвать трудности при переводе. Под Darin имеется в виду, пакет мер по поддержке населения. Следующей проблемой будет перевод термина kalte Progression. Под этим термином понимается снижение покупательной способности населения вследствие повышения налогов и при ситуации, когда повышение заработной платы полностью сжирается инфляцией. Для реципиента такой термин будет слишком сложным для понимания, поэтому следует воспользоваться обобщением. Поскольку основная проблема kalte Progression заключается в быстром темпе повышения налогов, то наиболее подходящим может быть перевод *компенсация налогового обложения заработной платы*.

Термин Grundfreibetrag означает повышение общего дохода для всех жителей Германии, не облагающегося налогом. При переводе можно оставить данный вариант. Sparerpauschbetrag в свою очередь можно перевести как *сумма вклада, не облагаемая налогом*.

Аналог Kindergeld, есть у нас в России - пособие на ребёнка. Этот вариант можно использовать и при переводе. Kinderzuschlag также является пособием на ребёнка, но его могут получить лишь те родители, которые могут себя обеспечить, то есть те, кто

не нуждается в пособии по безработице. При переводе необходимо будет использовать расширение, чтобы объяснить разницу между Kindergeld и Kinderzuschlag.

Не упустил Олаф Шольц вновь сказать пару слов о наступлении новой эпохи:

Denn wenn die Zeitenwende – und ich bin Ihnen dankbar, Herr Merz, dass Sie meine Rede noch einmal aufgegriffen haben – und die globalen Krisen um uns herum uns eines gelehrt haben, dann doch dieses: Unser Land braucht Veränderung! Ein bloßes Weiter-so ist keine Option! Ich habe Sie absichtlich angeguckt. Die Partei des Weiter-sositztjetzt der Opposition, unddagehörtsieauchhin. - *Потому что если наступление новой эпохи- и я благодарен Вам, господин Мерц, за то, что Вы снова меня перебили- и глобальные кризисы вокруг и научили нас чему-то, так это одному: Нашей стране нужны перемены! Просто продолжать жить как раньше - это не вариант! Я специально посмотрел на Вас, господин Мерц. Партия, которая продолжает придерживаться старого курса, сейчас находится в оппозиции, где ей и место.*

Это высказывание не столько примечательно высказывания Шольца о новой эпохе в развитии Германии и Европы в целом, сколько то, как канцлер связал очередную критику в адрес оппозиции и наступление нового этапа в развитии мира. Примечательно здесь прямое обращение Олафа Шольца к Фридриху Мерцу, поскольку во время своего выступления лидер партии ХДС несколько раз перебивал Шольца. Правильным решением в этой ситуации перевести полностью этот момент, чтобы избежать недосказанности, а глагол angreifen перевести как *перебивать*. Также следует дать конкретизацию, к кому обращается Олаф Шольц в предложении „Ich habe Sie absichtlich angeguckt“, поскольку реципиент может не понять, что обращение было направлено к Фридриху Мерцу.

Кроме того, канцлер в своём выступлении использует слово *Weiter-so-продолжать в том же духе*. Однако в своём выступлении Олаф Шольц заложил в это слово другой смысл, а именно то, что партия ХДС несмотря на перемены в мире продолжает придерживаться старого курса. И в конце данной части выступления Шольц подчёркивает, что партиям с подобной идеологией место в оппозиции, используя фразу *dagehörtsieauchhin – где ей и место*.

Подводя итог данного исследования, можно сказать, что при переводе немецкого политического дискурса основную проблему вызывает перевод реалий и слов, у которых нет аналога в русском языке. Также сложности возникают при переводе фразеологизмов и слов, использующихся в переносном значении. Кроме того, необходимо в переводе сохранить манеру изречения политика и в некоторых

местах требуется конкретизация, ввиду возможного отсутствия у потенциального реципиента знаний о политической жизни Германии.

Список литературы

1. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «Дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. 2017. №1. С. 76-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-diskurs-i-ego-osnovnye-harakteristiki> (дата обращения: 21.11.2023).
2. Беллерт, И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. Лингвистика текста. – Москва: Прогресс, 1978. – С. 172–207.
3. Пырма Р. В., Белугина Н. Б. Политический дискурс: место и границы в системе научного знания // Власть. 2019. №5. С. 163-168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiykurs-mesto-i-granitsy-v-sisteme-nauchnogo-znaniya> (дата обращения: 21.11.2023).
4. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. - Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. - 367 с
5. Плахотная, Ю. И. Моделирование политического предвыборного дискурса: (когнитивно-прагматический аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 - теория языка Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2019. – 24с. – Место защиты: Челябинский государственный университет.
6. Rede von Bundeskanzler Olaf Scholz zum Haushaltsgesetz 2023 vor dem Deutschen Bundestag am 23. November 2022 in Berlin [Electronic resource]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzler-olaf-scholz-2144890>(дата обращения: 20.11.2023).

УДК 811.11-112

Максимова В.В. Ключевые слова в контексте немецких мемуаров Второй мировой войны

Максимова Виктория Вячеславовна

аспирант кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
st056775@student.spbu.ru

Keywords in the context of German memoirs of the Second World War

Maksimova Viktoria Vyacheslavovna

postgraduate of German Philology Department
Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные признаки ключевых слов и их употребление в контексте мемуаров немецких офицеров Второй мировой войны. Перед современной лингвистикой часто ставятся задачи по анализу объёмных текстов, и эту задачу может облегчить выделение ключевых слов, ведь, обладая мощным смысловым зарядом и информационной насыщенностью, а также являясь носителями основных мыслей и интенций автора, эти лексические единицы играют важную роль в анализе текста — выделенные с помощью корпусного анализа ключевые слова облегчают первичный лингвистический анализ. В качестве материала для исследования были выбраны мемуары двух немецких высокопоставленных офицеров Второй мировой войны — фельдмаршала Эриха фон Манштейна и гросс-адмирала Карла Дёница. С помощью корпусного анализа (программа *Scetch Engine*) из текстов были выделены ранжированные по частотности употребления ключевые слова. Основной целью исследования стали классификация характерных для мемуаров ключевых слов, а также сравнение полученных наборов, которое основывалось на том, что Эрих фон Манштейн и Карл Дёниц представляют разные рода войск — сухопутные войска и подводный флот. Соответственно, картины мира двух военачальников, построенные преимущественно с помощью ключевых слов, которые играют роль особого кода текста, будут разными, так как военные действия на суше и на море отличаются друг от друга характером проведения операций. Актуальность исследования заключается в его междисциплинарном характере, так как ключевые слова в качестве значимых лексических единиц были проанализированы с привлечением конкретного исторического контекста, что вносит определённый вклад в изучение лингводискурсивных особенностей военных мемуаров и позволяет выделить характерные для них лингвистические и экстралингвистические особенности.

Ключевые слова: ключевые слова, корпусный анализ, военные мемуары, Вторая мировая война

Abstract. This article deals with the main features of keywords and their use in the context of memoirs of German officers of the Second World War. Modern linguistics is often faced with the task of analysing voluminous texts, and this task can be facilitated by the identification of keywords, because having a powerful semantic charge and information saturation, these lexical units play an important role in the analysis of the text — the keywords identified by means of corpus analysis facilitate the primary linguistic analysis.

Memoirs of two German high-ranking officers — Field Marshal Manstein and Grand Admiral Dönitz — were chosen as the material for the study. Using corpus analysis, keywords were ranked by frequency of use and were extracted from the texts. The main goal of the study was to identify and classify keywords characteristic of the memoirs, as well as to compare the resulting sets, which was based on the fact that Manstein and Dönitz represent different branches of the armed forces — land forces and submarine fleet. Accordingly, the world pictures of the two commanders will be different, as military actions on land and at sea differ from each other by the nature of operations. The relevance of the research lies in its interdisciplinary nature, as the keywords were analysed with the involvement of a historical context, which makes a certain contribution to the study of linguodiscursive features of war memoirs and makes it possible to highlight the linguistic and extralinguistic features characteristic of them.

Keywords: keywords, corpus analysis, war memoirs, World War II

I. Теоретические основания исследования

Военные мемуары представляют собой, как правило, многогранные и объёмные произведения, поэтому для их анализа нужны особые подходы, с помощью которых можно выделить основные лингвистические и экстралингвистические черты. В рамках заявленной темы будет проведено исследование одного существенного лексического аспекта военных мемуаров — ключевых слов. По мнению Леонида Вольковича Сахарного, ключевые слова можно рассматривать в качестве «одного из самых примитивно организованных и потому базовых типа текста». Исследователь отмечал важность ключевых слов в информационно-поисковых системах, призванных облегчить поиск научно-технической информации, — в ходе анализа из первичного документа выделяется определённый набор ключевых слов, передающих его основное содержание [1, с. 34]. Такой подход не потерял актуальность и в наши дни [2, с. 56]. Один из самых часто используемых методов изучения ключевых слов в современной лингвистике — это корпусный анализ, позволяющий анализировать тексты большого объёма [3, с. 14], [4], [5, с. 91]. При таком подходе учитываются релевантные для этих лексических единиц характеристики: контекст, частотность употребления, коллокации [3, с. 13]. Для исследования ключевых слов была использована программа *Sketch Engine*, с помощью которой были проанализированы по частотности употребления ключевые слова из мемуаров двух немецких высокопоставленных офицеров — фельдмаршала Эриха фон Манштейна и гросс-адмирала Карла Дёница. Авторы, непосредственные участники событий, рассматривают ход военной кампании, анализируют отдельные операции и дают оценку действиям немецкой армии. Так как Манштейн и Дёниц представляют разные рода войск (сухопутные войска и подводный флот соответственно), помимо общего анализа характерных для выбранных мемуаров ключевых слов ставится задача по их сравнению.

В качестве особых лексических единиц, выражающих основное содержание и обладающих чётким и точным языковым обозначением, ключевые слова играют важную роль в коммуникации и имеют значительное воздействие на адресата [6, с. 54], [7 с. 99]. С помощью ключевых слов он может интерпретировать процесс коммуникации или описываемый исторический период, ведь в этих лексических единицах выражаются не только важные с точки зрения адресанта смысловые понятия, но и его чувства и идеи [8, с. 64]. Благодаря способности оказывать воздействие на реципиентов, ключевые слова часто фигурируют в политическом дискурсе [9]. Становясь лозунгами и приобретая положительные или отрицательные коннотации, они играют важную роль в политических дебатах и в предвыборных кампаниях [10, с. 86]. Влияние ключевых слов точно передаёт структура немецкого слова *Schlagwörter*, которое буквально переводится на русский язык как «ударные слова» [11, с. 183]. При этом отмечается свойство ключевых слов придавать коммуникации импульс, служить для неё «лексически выраженной отправной точкой» [12, с. 103]. Термин «ключевые слова» также чётко выражает основное предназначение этих лексических единиц — обладая коммуникативным и структурирующим потенциалом [13, с. 39], они словно дают реципиенту ключ к интерпретации текста, служат кодом текста, несущим в себе основные идеи и интенции автора [12, с. 415]. При этом риторический эффект ключевых слов заключается в том, что во взаимодействии они создают впечатление точного описания конкретного предмета или явления, что помогает разъяснить коммуникативные позиции автора [14, с. 415].

К основным отличительным чертам ключевых слов помимо прагматического потенциала относится их дискурсивный характер. В отношении данного свойства ключевых слов Дикман подчёркивает, что сама по себе лексическая единица не может считаться ключевым словом. Её принадлежность к данному классу лексики определяется только в контексте употребления [15, с. 147]. При этом ключевые слова структурируют актуальный для них дискурс, выражая идеи определенной группы или периода [13, с. 39]. В этом контексте интересна точка зрения Шрётер, которая выделяет способность ключевых слов структурировать дискурс и влиять на него, отмечая при этом, что их семантика детерминирована, в свою очередь, дискурсом [3, с. 4].

Ключевые слова наиболее значимы для интерпретации того или иного текста. Говоря иначе, без данного пласта лексики в целом невозможно его существование. Обладая информационной насыщенностью, ключевые слова отражают тему текста и

его основную характеристику [16]. Данные компоненты составляют основу авторской идеи и отличаются высокой частотностью употребления. Таким образом, основными признаками ключевых слов являются:

- коммуникативный и текстообразующий потенциал;
- когнитивная функция [17, с. 20];
- дискурсивный характер;
- частотность употребления [18, с. 268], [19, с. 225];
- информационная насыщенность;
- связь с определённой социальной группой, исторической эпохой, актуальными событиями [20, с. 16], [21, с. 49], [22, с. 414].

II. Корпусный анализ ключевых слов

В ходе исследования были выявлены ранжированные по частотности употребления ключевые слова, основную часть которых составляют военные термины. Как было отмечено выше, ключевым словам присуща информационная насыщенность — в них, как правило, заложен мощный смысловой заряд, поэтому в качестве ключевых слов часто выступают термины, которые маркируют тему текста, отражая его предметную область [16]. В лингвистической традиции пока не сложилось единого определения для понятия *термин* — существует много подходов и трактовок. В контексте данного исследования за основу было взято определение Лейчика, согласно которому термин — «это лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [23, с. 256]. В мемуарах Манштейна наиболее часто встречаются такие военные термины, как *Armee* «армия»; *Gegner* «противник»; *Kraft* «сила», «мощь»; *Heeresgruppe* «группа армий»; *Division* «дивизия»; *Lage* «положение»; *Front* «фронт».

Item	Frequency (focus)
armee	1 811
hitler	1 007
gegner	857
kraft	833
heeresgruppe	679
division	654
lage	584
front	568
kampf	487

Рисунок 1. Erich von Manstein Verlorene Siege

Дёниц чаще всего употребляет термины *U-Boot* «подводная лодка»; *Boot* «судно»; *Geleitzug* «конвой»; *Schiff* «корабль»; *Gegner* «противник»; *Angriff* «атака».

Item	Frequency (focus)
u-boot	1 428
boot	588
geleitzug	468
schiff	408
gegner	304
see	270
angriff	242
atlantik	223
kriegsmarine	217

Рисунок 2. Karl Dönitz Zehn Jahre und zwanzig Tage

Выявленные в ходе анализа термины обладают характерными свойствами, сформулированными Гринёвым-Гриневичем: соотнесённость термина со специальной областью употребления, однозначность, стилистическая нейтральность, номинативный характер (чаще всего терминами являются существительные) [24, с. 304]. Многие проанализированные термины представляют собой композиты. В мемуарах Манштейна, руководившего по большей части танковыми операциями [25, с. 32], чаще всего встречаются композиты, имеющие в своем составе слово *Panzer* «танк»: *Panzerarmee* «танковая армия»; *Panzerdivision* «танковая дивизия»; *Panzerkorps* «танковый корпус»; *Panzerkräfte* «танковые силы»; *Panzerangriff* «танковая атака». В мемуарах гросс-адмирала Дёница, который до 1943 года командовал подводным флотом Германии, часто фигурируют композиты с термином *U-Boot* «подводная лодка»: *U-Bootführung* «командование подводного флота»; *U-Bootkrieg* «подводная война»; *U-Bootwaffe* «подводный флот»; *U-Bootbau* «строительство подводных лодок»; *U-Bootgruppe* «группа подводных лодок».

В обоих произведениях в качестве ключевых слов встречаются аббревиатуры, что объясняется стремлением по-военному чётко и кратко обозначить предмет или явление. В мемуарах Манштейна фигурируют следующие аббревиатуры: *OKH* (*Oberkommando des Heeres*) «Верховное командование сухопутных войск»; *АОК* (*Artilleriekommandeur*) «командующий артиллерией»; *АК* (*Armeekorps*) «армейский корпус», гросс-адмирал Дёниц часто упоминает *BdU* (*Befehlshaber der U-Boote*)

«командующий подводным флотом» и *BRT (Bruttoregistertonne)* «брутто-регистрационная тонна».

Топонимы, названия географических объектов [30, с. 486], относящиеся к разным театрам военных действий, также становятся ключевыми словами для мемуаров. Разный характер ведения боевых действий на суше и на море отражается в наборе топонимов, которые упоминают авторы. Например, для Манштейна, командующего сухопутными войсками, предельно важно обозначить, где находилась линия фронта [25, с. 146]. Как правило, она проходила по определённым городам или посёлкам, а также вдоль рек, поэтому в мемуарах немецкого фельдмаршала часто встречаются подобные топонимы: *Don* «Дон»; *Dnjepr* «Днепр»; *Donezgebiet* «Донецкая область»; *Stalingrad* «Сталинград»; *Charkow* «Харьков»; *Sewastopol* «Севастополь». Морские военные операции отличаются непостоянной линией фронта, а зачастую она присутствует только на карте, ведь в море можно ориентироваться только по компасу, а ни одна позиция не может быть стационарной. По сути, основная задача немецких подводных лодок заключалась в том, чтобы уничтожить как можно больше вражеских судов, а не в том, чтобы «захватить океан» [26, с. 58]. Карл Дёниц был сторонником применения в Атлантике тактики «волчьих стай» — подводные лодки становились свободными охотниками, не зависящими от линии боевых действий [27, с. 11]. Поэтому в мемуарах гросс-адмирала не так много топонимов: *Biskaya* «Бискайский залив»; *Nordatlantik* «Северная Атлантика»; *Gibraltar* «Гибралтар». Зачастую автор обозначает радиус проведения военных операций такими ключевыми словами, как *Seeraum* и *Seegebiet* (оба термина можно перевести словом *акватория*).

Нередко в качестве ключевых слов выступают и имена собственные, слова, служащие индивидуальным обозначением лиц или животных [30, с. 119]. И Манштейн, и Дёниц упоминают Гитлера в связи с общим планированием войны, так как именно он являлся Верховным Главнокомандующим Германии. Помимо него акторами выступают фельдмаршалы и генералы, включённые в конкретный контекст и связанные с определёнными направлениями военных действий. Примечательно, что в мемуарах Манштейна часто встречается фамилия Сталина, так как большую часть времени фельдмаршал провёл на Восточном фронте [25, с. 138], а у Дёница фигурирует Черчилль — немецкие подводные лодки вели в Атлантике войну преимущественно против флота «владычицы морей».

III. Выводы

Таким образом, в ходе корпусного анализа были выявлены характерные для военных мемуаров ключевые слова, основу которых составляют, согласно статистике, военные термины (чаще всего композиты), топонимы и имена собственные. За основу для статистики взяты первые сто ключевых слов из ранжированных списков.

Рисунок 3. Ключевые слова. Статистика

Такой набор ключевых слов объясняется стремлением немецких военачальников представить читателю подробную картину событий с позиции профессионала: с помощью терминов и топонимов описать ход военной кампании, указывая при этом именами собственными, с какими высокопоставленными лицами и генералами они взаимодействовали, а также, кто отдавал приказы. Последний пункт приобретает особую значимость и одновременно спорность в связи с Нюрнбергским процессом, в ходе которого основным нарративом немецких военных стало указание на то, что они, «верные и дисциплинированные солдаты», выполняли свой долг, подчиняясь приказам Гитлера, как Верховного Главнокомандующего, поэтому *Гитлер* — важное ключевое слово для Манштейна и Дёница.

Как уже было отмечено выше, Эрих фон Манштейн руководил сухопутными операциями, часто планируя танковые прорывы, и для него было важно обозначить, где проходила линия фронта. Часто для наглядности автор прибегает в своем произведении к использованию карт [28, с. 120; с. 176; с. 236], поэтому для его мемуаров характерно большое число топонимов (названия городов и рек). Также Манштейн упоминает фамилии командиров, с которыми его соединения были «соседями» по линии фронта, что всегда играло важную роль в совместных наступательных или оборонительных действиях. В мемуарах Карла Дёница,

руководившего операциями подводного флота, значительно меньше топонимов, так как в море чаще всего отсутствуют линия фронта и стационарные позиции. При этом стоит отметить, что в мемуарах гросс-адмирала больше терминов — автор детально описывает устройство подводных лодок и, например, применение торпед с магнитными взрывателями [29, с. 90].

По итогам анализа военных мемуаров был сделан вывод о том, что с помощью ключевых слов можно получить код текста, где будут содержаться основные интенции автора, и проследить не только важные моменты военной кампании и связанные с ней различные коннотации, но и сделать вывод о роли автора мемуаров в военной парадигме и о его отношении к отражаемой в них реальности, конструируемой по большей части с помощью ключевых слов. Подобный анализ ключевых слов из мемуаров немецких военачальников Второй мировой войны может внести свой вклад не только в изучение лингвистических особенностей военных мемуаров, но и в междисциплинарные, в первую очередь, исторические исследования [3, с. 12].

Источники иллюстративного материала

I. Manstein E. Verlorene Siege // <https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2Fvvolodya1945%2Fmanstein> (дата обращения: 03.11. 2023)

II. Dönitz K. Zehn Jahre und zwanzig Tage // <https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2Fvvolodya1945%2Fdönitz> (дата обращения: 03.11.2023)

III. Ключевые слова. Статистика // <https://app.sketchengine.eu/#dashboard> (дата обращения: 03.11.2023)

Список литературы

1. Сахарный Л.В., Штерн А.С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь: Пермский политехнический ун-т, 1988. 34 с.
2. Морозов Д.А., Глазкова А.В., Тютюльников М.А., Иомдин Б.Л. Генерация ключевых слов для аннотаций русскоязычных научных статей // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 54–66.
3. Schroeter M. Besondere Wörter III: Schlagwörter in der öffentlich-politischen Auseinandersetzung // Handbücher Sprachwissen, 3. Berlin: De Gruyter, 2015. S. 394–412.
4. Езан И.Е., Ковтунова Е.А., Григорьева Л.Н. Лингводискурсивный корпусный анализ лексики пандемии коронавируса в онлайн-версии журнала Der Spiegel. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022, 19 (4): 760–779. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.407>
5. Копотев М.В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка // Филологический класс, vol. 26, no. 2, 2021, С. 90–102.
6. Езан И.Е. Лозунговые слова в политической коммуникации (на материале немецкого языка) // Материалы XL Международной филологической конференции. СПб., 2011. С. 54–60.

7. Ковтунова Е.А., Езан И.Е. Дискурс-анализ немецких ключевых слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018 № 4(82). Ч. 1. С. 99–105.
8. Liebert W. Das analytische Konzept «Schlüsselwort» in der linguistischen Tradition // Sonderforschungsbereich 245, Sprache und Situation. 1994. 64 S.
9. Серова С.А., Семишова Е.П. Ключевые слова текущего момента в медиаязыке периода специальной военной операции // МНКО. 2023. №2 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-slova-tekuschego-momenta-v-mediayazyke-perioda-spetsialnoy-voennoy-operatsii> (дата обращения: 11.11.2023).
10. Klein J. Politik und Rhetorik. Eine Einführung // Berlin: Springer VS, 2019. S. 86–89.
11. Wanzeck Ch. Lexikologie. Beschreibung von Wort und Wortschatz im Deutschen // Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH&Co, 2010. 183 S.
12. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 103 с.
13. Bückler J. Argumentationstheorie und interaktionale Linguistik // Studentische Arbeitspapiere zu Sprache und Interaktion. 2004. 39 S.
14. Nothdurft W. Schlüsselwörter. Zur rhetorischen Herstellung von Wirklichkeit // Gesprächsrhetorik. Rhetorische Verfahren im Gesprächsprozess. 1996. 415 S.
15. Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache // Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975. 147 S.
16. Моисеева И.Ю., Ноздрин Т.Г. Ключевые слова в зарубежной лингвистике: становление понятия и практика применения // МНИЖ. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-slova-v-zarubezhnoy-lingvistike-stanovlenie-ponyatiya-i-praktika-primeneniya> (дата обращения: 16.09.2023)
17. Felbick D. Schlagwörter der Nachkriegszeit // Berlin, New York, 2003. 20 S.
18. Езан И. Е., Ковтунова Е.А. Ключевое слово Einheit как маркер политического дискурса Германии // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2019. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevoe-slovo-einheit-kak-markep-politicheskogo-diskursa-germanii> (дата обращения: 09.11.2023).
19. Попова Л.А. Ключевые слова современности: особенности функционирования // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. No 1. С. 225–228.
20. Виданов Е.Ю. Деривационное изменение коронавируса (к вопросу о словообразовательном потенциале ключевого слова эпохи) // Лепта. Выпуск 5. Омский государственный педагогический университет. Омск, 2020. С. 15–19.
21. Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи эпидемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Выпуск 121. С. 48–57
22. Зуева В.В., Колоскова О.А. Языковая картина мира сквозь призму слов-символов 2020 года (на материале английского и русского языков) // Российский гуманитарный журнал. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-skvoz-prizmu-slov-simvolov-2020-goda-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 09.11.2023).
23. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Академия, 2007. 256 с.
24. Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
25. Карель П. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Изографус, Эксмо, 2004. С. 138–146.

26. Кох Л. Лис пустыни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 58 с.
27. Нагирняк В. Битва за Атлантику. Откуда пришли «волчьи стаи»? М.: Яузакаталог, 2020. 11 с.
28. Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания генерал-фельдмаршала вермахта. М.: Центрполиграф, 2021. 120с., 176 с., 236 с.
29. Дёниц К. Десять лет и двадцать дней, воспоминания главнокомандующего военно-морскими силами Германии 1935–1945. М.: Центрполиграф, 2023. 90 с.

Список источников

30. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.

УДК 81-26

Погосян В.М., Бедарева А.В. Способы обогащения медицинской терминологии немецкого языка

Погосян Виктория Миграновна

студент кафедры лингвистики, теории и практики перевода, Сибирский государственный университет науки и технологий им. Академика М.Ф. Решетнёва
v.pogosian4802@gmail.com

Бедарева Алиса Валериевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики, теории и практики перевода, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева
alissaval@yandex.ru

Ways of enriching German medical terminology

Pogosian Viktoria Migranovna

student of the Department of Linguistics, Theory and Practice of Translation
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russia, Krasnoyarsk

Bedareva Alisa Valerievna

PhD in Pedagogics, Associate Professor at the Department of Linguistics, Theory and Practice of Translation, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Аннотация. Стремительное развитие медицины становится причиной появления новой медицинской терминологии. Данным фактом объясняется необходимость номинации новых медицинских понятий, а также изучения источников и способов расширения современной медицинской терминологии. Данная статья рассматривает проблему пополнения и обогащения лексики немецкого языка, относящейся к сфере медицины и здравоохранения. Для изучения данной проблемы в статье рассматриваются немецкие медицинские термины и определяется их происхождение. Проанализированы наиболее распространенные способы обогащения медицинской лексики немецкого языка и обозначена связь способа образования терминологии с ее значением.

Ключевые слова: немецкий язык, медицина, заимствование, словообразование, терминология.

Abstract. Rapid development of medicine becomes the reason for the new medical terminology. This fact explains the necessity of nomination of new medical concepts, as well as the examination of sources and ways of expanding modern medical terminology. This article considers the problem of enrichment and supplementation of the German language vocabulary related to the sphere of medicine and health care. To study this problem, this article examines German medical terms and identifies their origins. This article analyzes the most common ways of enriching German medical vocabulary and identifies the connection between the way of terminology formation and its meaning.

Keywords: German, medicine, loanwords, word formation, terminology.

Медицина на сегодняшний день является одной из наиболее стремительно развивающихся областей науки. Труды ученых, работающих над развитием данной сферы, привели не только к медицинским открытиям, но также и к возникновению новых отраслей в медицине и, следовательно, к образованию и появлению новых лексических единиц - медицинских терминов [1].

З. Л. Колосова, изучающая проблему медицинской терминологии как части языковой культуры, утверждает, что если язык рассматривается как одна из сторон культуры, то язык медицины и медицинская терминология являются «органичной частью культуры, в широком понимании этого слова, включающей такую сферу деятельности человека, как наука, со всеми вытекающими особенностями ее вербального выражения» [2].

Согласно Новодрановой В.Ф. «в настоящее время медицинскую терминологию принято рассматривать в рамках «когнитивно-коммуникативной парадигмы», которая представляет собой «продукт когнитивной деятельности специалистов», направленной на интериоризацию профессиональных знаний» [3].

Современная медицинская терминология имеет быстрый темп развития, что объясняется постоянным появлением необходимости номинации и объяснения новых медицинских открытий. В условиях глобализации медицинские знания широко распространяются по миру и проникают во все новые языки, что делает перевод медицинских терминов одним из наиболее сложных, требуя от переводчика специальной квалификации при работе с текстами медицинской тематики [4]. В связи с быстрым темпом развития медицины и постоянным появлением новых медицинских терминов появляется необходимость в изучении источников и способов расширения современной медицинской терминологии.

Целью нашего исследования является анализ медицинской лексики в немецком языке и выявление основных способов возникновения медицинских терминов. Для достижения данной цели были решены следующие задачи:

- выявлены способы образования медицинской терминологии;
- определен язык-донор, из которого перешла в немецкий язык та или иная лексическая единица, если она является заимствованной;
- проанализированы полученные результаты и обозначены наиболее распространенные способы и характерные черты обогащения медицинской лексики;
- обозначена связь способа образования терминологии с ее значением.

Методология исследования заключается в следующем. Методом случайной выборки был отобран список медицинских терминов из словаря медицинских терминов

немецкого языка [8]. Было определено происхождение данных терминов и обозначен способ их образования при использовании этимологических словарей ([10], [11]).

Основными методами обогащения медицинской терминологии немецкого языка являются такие способы, как заимствование и словообразование [1].

Заимствование, согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Медицинская терминология любого языка основывается на заимствованиях из латыни. Так, в немецком языке многие медицинские термины латинского происхождения [5].

Рассмотрим некоторые примеры медицинских терминов в немецком языке, которые были образованы путем заимствования (табл. 1).

Таблица 1. Медицинские термины, образованные путем заимствования

Немецкий термин	Лексема, от которой произошел термин	Русский эквивалент
Anämie	αναμία (древнегреческий)	анемия
Arteriosklerose	ἀρτηρία (arteria), ἡσκληρώση (sklerōsis) (древнегреческий)	артериосклероз
Gastritis	gastritis (латинский)	гастрит
Fieber	febris (латинский)	жар, лихорадка
Ekzem	ἔκζεμα (древнегреческий)	экзема
Diphtherie	διφθεῖρα (древнегреческий)	дифтерия
Bronchialasthma	Asthmabronchiale (латинский)	бронхиальная астма
Hypertonie	ὑπέρτονος (перенапряженный)	гипертония
AIDs	AIDs (английский)	СПИД
Diabetes	διαβαίνω (древнегреческий)	диабет
Depression	deprimo (латинский)	депрессия
Panikattacken	πανικός (древнегреческий), attaque (французский)	панические атаки
Injektion	injectio (латинский)	инъекция
Infusion	infusio (латинский)	переливание
Medikament	medicamentum (латинский)	лекарство, медикамент
Dementia	dementia (латинский)	деменция
Präparat	praeparatio (латинский)	препарат
Epilepsie	epilepsia (древнегреческий)	эпилепсия

Немецкий термин	Лексема, от которой произошел термин	Русский эквивалент
Immunsystem	immunis (латинский), systema (древнегреческий)	иммунная система
Hyperaktivität	hyper (древнегреческий), activity (английский)	гиперактивность
Receptor	receptor (латинский)	рецептор
Neuroprotektive	neuron (греческий), protect (английский)	нейропротекторный

Основная часть рассматриваемой заимствованной медицинской терминологии в немецком языке выражает такие понятия, как диагнозы и заболевания. Нами была выявлена тесная взаимосвязь и этимологическое родство немецких медицинских терминов с их греко-латинскими соответствиями.

Следующим рассмотренным нами методом обогащения медицинской терминологии немецкого языка является словообразование.

Словообразование - это образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации [9].

Словообразование в медицинской терминологии немецкого языка происходит при помощи широкого спектра приставок, суффиксов и других морфем. Рассмотрим некоторые примеры лексических единиц в медицинской терминологии немецкого языка, образованных путем словообразования. Рассматриваемые примеры представлены в таблице 2.

Таблица 2. Медицинские термины, образованные путем словообразования

Немецкий термин	Способ словообразования	Русский эквивалент
Erkrankung	Сложения основы глагола <i>erkranken</i> (заболеть) и суффикса <i>-ung</i>	заболевание
Atemnot	Сложение основы <i>Atem</i> (дыхание) и суффикса <i>-not</i> (суффикс, со значением "нужда", "необходимость")	одышка
Ausschlag	Сложение приставки <i>aus-</i> (приставка со значением движения чего-либо наружу) и корня <i>schlag</i> (ударить, от <i>slak</i> - индоевр.)	сыпь
Schlaflosigkeit	Сложение корня <i>Schlaf</i> ("спать") и суффиксов <i>-los</i> (обозначает отсутствие чего-либо) и <i>-keit</i> (образует существительное)	бессонница
Unwohlsein	Сложение префикса <i>un-</i> (префикс со значением отрицания) к корню <i>wohl</i> (одно из значений - "хороший")	недомогание

Немецкий термин	Способ словообразования	Русский эквивалент
Beruhigend	Сложение префикса <i>be-</i> , корня <i>ruhig</i> (спокойный) и суффикса <i>-end</i> . verbinden (на русском - "перевязать") - образовано путем сложения префикса	успокоительное
verbinden	сложения префикса <i>-ver</i> и корня <i>binden</i> (связывать)	перевязать

Основная часть рассмотренной нами терминологии, возникшей посредством словообразования, выражает такие понятия и явления, которые относятся к процессу лечения и симптомам различных заболеваний.

Результаты проанализированного материала позволяют нам прийти к выводу о том, что основными способами обогащения медицинской терминологии в немецком языке являются заимствование и словообразование, а наиболее часто языками донорами для заимствованной медицинской терминологии в немецком языке являются латынь и древнегреческий.

Список литературы

1. Малышенков А. В. Особенности формирования современной медицинской терминологии (на материале немецкого языка): выпускная квалификационная работа бакалавра: 44.03.05 - Педагогическое образование. – 2018.
2. Колосова З. Л. Медицинская терминология как часть языковой культуры // ОНВ. 2004. №2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-terminologiya-kak-chast-yazykovoy-kultury> (дата обращения: 11.11.2023).
3. Новодранова В.Ф. Когнитивная картина науки. Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2016.
4. Самотейкина, Н. В. Структура и специфика медицинских терминов в немецком языке / Н. В. Самотейкина, . — Текст : непосредственный // Оригинальные исследования (ОРИС). — 2023. — № 1. — С. 52-56.
5. Таволжанская И. Ю. Заимствование латинской медицинской терминологии как один из способов обогащения немецкого языка // Актуальные исследования. 2021. №42 (69). С. 23-25. URL: <https://apni.ru/article/3075-zaimstvovanie-latinskoj-meditsinskoj-terminol>
6. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни //Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – 1996. – С. 142-161.
7. Михеева Н. Ф. «Экспансия» заимствований // Полилингвильность и транскультурные практики. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspansiya-zaimstvovaniy> (дата обращения: 15.10.2023).

Список источников

8. Немецко-русский словарь элементарных медицинских терминов / Diakonie – Flüchtlingsdienstgem. GmbH [Электронный ресурс] // GesundheitswörterbuchDeutsch - Russisch : [сайт]. — URL: https://www.orthodiakonia.de/wp-content/uploads/Slovar_Ru-De.pdf
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. : табл. – Указ.: с. 627–707. – ISBN 5-85270-239-0.
10. Etymologeek - a free multilingual dictionary. — Текст :электронный // : [сайт]. — URL: <https://etymologeek.com/> (дата обращения: 15.10.2023).
11. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. — Текст: электронный // : [сайт]. — URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.10.2023).

УДК 811.111

Чеботарева В.В. Трудности перевода и интерпретации эвфемизмов

Чеботарева Виктория Владимировна

Канд. филол. наук, доцент, Военный университет
имени Александра Невского МО РФ
vcheb@mail.ru

Difficulties in interpreting and translating euphemisms

Chebotareva Victoria Vladimirovna

Cand. Sci (Philology), assistant professor Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky

Аннотация. В статье рассматривается функционирование эвфемизмов в языке средств массовой информации на материале англоязычных статей, посвященных военным конфликтам, анализируется использование эвфемизмов авторами статей и политиками в целях формирования определенных образов и суждений, установления ассоциативных связей с фоновыми знаниями целевой аудитории и передачи идеологических и культурных норм и ценностей. Статья содержит примеры употребления эвфемизмов, которые позволяют выделить и проанализировать некоторые проблемы понимания и интерпретации эвфемизмов. Рассматривается понятие политкорректности и соотношение политкорректности и эвфемизмов с точки зрения целей авторов. Эвфемизм как средство пропаганды и воздействия на целевую аудиторию находит отражение в представленных в статье примерах.

Ключевые слова: эвфемизм, военный дискурс, СМИ, авторская оценка, политкорректность

Abstract. The article focuses on euphemisms functioning in mass media on the material of English-language texts of articles devoted to armed conflicts, analyses usage of euphemisms by authors of the articles and by politicians as means of cultivating definite images and forming certain judgements, establishing associations with background knowledge of the target audience and conveying ideological and cultural norms and values. The article contains examples of euphemisms that define and analyze some problems in understanding and interpreting euphemisms. Political correctness and its correlation with euphemisms are considered in regard with the authors' aims. Euphemism as a means of propaganda and impact on target audience is illustrated by the examples in the article.

Keywords: euphemism, military discourse, mass media, author's assessment.

Эскалация военных действий на Ближнем Востоке не могла остаться без внимания СМИ, как любое событие подобной природы и масштаба. Но по количеству и характеру публикаций данный конфликт явно обходит многие аналогичные варианты по многим причинам. Одна из них состоит в том, что история этого противостояния насчитывает не один десяток лет. Все стадии этого конфликта неизменно и неизбежно находили подробное отражение в прессе, что позволяет нам проанализировать эти материалы с точки зрения стилистики и средств

выразительности, которые авторы используют для передачи информации и создания образов.

Не секрет, что описания военных конфликтов всегда изобилуют метафорами, эпитетами, сравнениями, поскольку помимо передачи информации авторы почти всегда транслируют определенную точку зрения, формируют конкретный образ, а иногда и откровенно манипулируют общественным сознанием, пропагандируя те или иные идеи. Нередки случаи, когда одна и та же ситуация преподносится настолько в разных интерпретациях, что становится практически неузнаваемой, и огромную роль в арсенале журналистов и политиков играют эвфемизмы.

Еще в 2002 году в статье Associated press под названием «In Mideast Conflict, a War of Euphemisms» автор Greg Myre пишет о том, что «когда израильские солдаты выслеживают и убивают палестинского боевика, армия называет это «целенаправленной профилактикой» (перевод автора), When Israeli soldiers track and kill a Palestinian militant, the army calls it “focused prevention.” Отмечается также особая «креативность» и израильтян, и палестинцев в умении обезличено описывать способы убийства друг друга - In the linguistic combat of the Mideast, Israelis and Palestinians are remarkably creative in sanitizing descriptions of the ways they kill each other.

В 2014 году в New York Times вышла статья с заголовком «In Gaza, Epithets Are Fired and Euphemisms Give Shelter», автор Jodi Rudoren. Автор отмечает, что одних и тех же людей в одном репортаже называют «невинные граждане», а в другом – «живой щит бессердечных террористов Хамас». Этот же автор пишет о пропагандистских войнах и «дегуманизации» языка, где убитых женщин и детей прячут за обезличенным словом “uninvolved”.

В газете Times журналист Philip Howard следующим образом характеризует увеличение количества употребляемых средствами массовой информации эвфемизмов в периоды военных операций и конфликтов: At times like these, language suffers collateral damage from clusters of euphemisms. Language also is a victim of war. (В такие времена языку наносится сопутствующий (дополнительный) ущерб от огромного количества эвфемизмов. Язык также является жертвой войны). Еще в 1991 году в США был проведен эксперимент по изучению влияния эвфемизмов на восприятие информации о жертвах боевых действий в Ираке среди мирного населения. Опрос показал, что только 21% читателей были “очень обеспокоены” количеством жертв, когда в тексте они именовались ‘collateral damage’ (сопутствующий ущерб, побочный эффект), в то время как словосочетание ‘civilian

casualties' (потери среди гражданского населения) вызвало острую реакцию у 49% респондентов. Еще И.Р. Гальперин говорил об эвфемизмах следующее: «преуменьшение значения слов с целью ввести в заблуждение общественное мнение и выразить неприятное более тонко» [1, с. 57]. Таким образом, вывод о чрезвычайной эффективности и востребованности эвфемизмов при описании любых военных конфликтов и боевых действий очевиден.

В рамках событий, происходящих в Израиле и секторе Газа сейчас, эвфемизмы также находят широкое применение, даже переход к наземной операции премьер-министр Израиля Нетаньяху назвал не особо примечательно и вполне нейтрально – “second stage”, и практически сразу интернет-пространство буквально «вскипело» от обилия репортажей, видео, фото ужасающих разрушений и бомбардировок, о которых многие авторы так и написали «вот, что означает вторая фаза». А предшествующая текущим событиям контртеррористическая операция Израиля в Дженине называлась еще более обманчиво “Home and Garden”, при этом предполагалось уничтожение террористов в лагере беженцев.

Говоря о событиях, происходящих в Газе сегодня, профессор лингвистики из Бостонского Университета пишет: The war between Hamas and Israel is also a war of words, добавляя затем, что язык стал оружием, боевой силой (The language is weaponized). Такое «оружие» может быть очень эффективным средством в арсенале журналистов и политиков, но оно же может поставить в сложное положение любых специалистов в области интерпретации и перевода, так как даже чтоб просто понять выражение, содержащее эвфемизм, нужно не только знание языка, а еще и понимание культурных и стилистических особенностей конкретного контекста.

Бывший премьер-министр Израиля, обращаясь с предупреждением к Хамас, говорит буквально – «сопутствующий ущерб неизбежен» (Israel will "do its best to avoid killing bystanders but there will be collateral damage because this is war", former Prime Minister Yair Lapid told NDTV Monday afternoon, less than 72 hours after the Hamas launched a massive, coordinated aerial and ground assault.), подразумевая жертвы среди мирного населения. Чтобы перевести словосочетание collateral damage как «жертвы среди мирного населения», переводчик должен интерпретировать слова политика и найти подходящий эквивалент. Н.К.Гарбовский говорит о том, что существует некий механизм, которому переводчик может следовать при передаче эвфемистических единиц. Он направлен на выбор наиболее точного эквивалента, который описывал бы сходную ситуацию и при этом не отличался по стилистической окраске, этот механизм состоит из двух этапов: идентификация и реконструкция [2, с. 506].

Говоря об эвфемизмах, нельзя не упомянуть о таком явлении, как политкорректность. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п. [3, с. 134]. Политкорректность может стать одним из мотивов употребления эвфемизмов, но цели и функции в этом случае существенно отличаются. Те примеры эвфемизмов, которые приводятся в данной статье, используются авторами не с целью проявить такт или не задеть чьи-то чувства, а с целью, как минимум, завуалировать информацию, преподнести ее в более выгодном свете или вовсе ввести в заблуждение целевую аудиторию. Здесь, конечно, уместно вспомнить и британского лингвиста Д.Кристалла, который говорит о таком явлении, как *doublepeak* – язык, который заставляет плохое казаться хорошим.

Сами категории «хорошее» и «плохое» весьма неоднозначны. Не секрет, что целый ряд культурных, национальных и других особенностей конкретного общества или человека влияют на восприятие и понимание того или иного явления. Одни и те же действующие лица у разных авторов могут иметь название «terrorist» (террорист), «rebel» (мятежник), «freedom fighter» (борец за свободу), «national patriot» (патриот). Работа специалистов по переводу в таких случаях предполагает не только знание языка, но и понимание всех вышеназванных нюансов. А.Ю. Миронина, исследуя эвфемизмы, приходит к следующему выводу: исследование эвфемизмов позволяет проникнуть в мир иной культуры, увидеть этот мир через призму национально-культурных особенностей ее народа [4, с. 87].

Эвфемизм – явление давно известное и хорошо изученное не только лингвистами, но и культурологами, политологами, специалистами в области стилистики, вместе с тем, оно неизменно востребовано и не теряет актуальности, выступая в роли мощного инструмента воздействия и пропаганды в речи политиков и журналистов, и объяснимо представляет сложность для специалистов в области перевода.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. - М.: Высш.школа, 1981. - 334 с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. Учебник. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2017. - 544 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. - М.: Слово, 2000. - 164 с.
4. Миронина А.Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры. Вестник Вятского Государственного Университета, 2010. - 143 с.
5. David Crystal. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. University of Wales., 2018

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

UDC 80

Arabaji K. D., Sofina I. I., Ulzhabayeva A. G. The nature of the mythological cultural code as a special type of the second reality

Arabaji Kristina Dmitriyevna

Abylkas Saginov Karaganda Technical University

Sofina Irina Igorevna

Abylkas Saginov Karaganda Technical University

Ulzhabayeva Aisha Gabdulhamitovna

Karaganda Buketov University

aisha.ulzhabayeva@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of a comprehensive research of the cultural code, its content and varieties, in particular, the mythological code of culture, its features. The principles of the "work" of the myth in human communities are considered, as far as the scope of this study allows. The relevance of the research topic is due to a number of factors. Firstly, the article examines the meaning of the concept of "cultural code" and the group of concepts "myth", "mythology", "mythologeme" in the system of humanitarian knowledge. Secondly, the material studied in the article is directly related to the mythological code, which covers such a concept as "second reality", denoting an integral part of the cultural space. The purpose of this work is to explain the concepts of "cultural code" and "mythological cultural code". To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks:

- to analyze the information found on the topic "Mythological code of culture";
- explain the concepts of "cultural code" and "mythological cultural code";
- to describe the mechanics of the "work" of the cultural code in a modern cultural text.

The following analysis methods were used in the study: comparative (contrastive) method; component analysis method; descriptive-analytical method.

The article reveals in detail the phenomenon of the mythological cultural code, which implies the unification of two fields of humanitarian knowledge — philology and cultural studies — and cannot be considered without taking into account one of them.

Keywords: mythology, culture, mythological code, cultural code, customs and traditions, language, linguistics

Introduction

Every year, more and more new bestsellers appear on the shelves of bookstores. As a rule, this is mass literature: detective stories, fiction, romance novels. You can immediately hear a lot of reviews about these books — both good and bad — and many expect their film

adaptations. All these books are quite similar in structure and events in them occur according to all the laws of the genre. We meet positive and negative characters, who often find themselves in an unusual environment for them, followed by a clash of the forces of good and evil.

In our opinion, a special place in popular literature is occupied by fiction, and especially "fantasy". Do we think about what additional meanings may be hidden inside the works of this genre? What if they bring educational benefits to their readers by exploiting and transforming existing cultural codes? But these mechanisms force us to turn to linguistics, cultural studies and other related sciences. And also, what example can these books serve as in the study of linguistic topics by future philologists of foreign languages.

Thus, the unappreciated educational potential of mass literature is the problem underlying this work.

Every linguist encounters the concept of "cultural code" in the course of training, while it turns out to be quite difficult to find studies on different cultural codes separately, including detailed examples. We hope that this will be the way to characterize this work. If this study serves as an example in this regard, it has not been done in vain and has significance.

Culture in the life of each individual is directly related to language and is stored in his linguistic consciousness and manifests itself in all spheres of life.

Culture codes are universal units of information belonging to a particular culture, and therefore to a language. The codes of culture are very diverse, but, nevertheless, they are interconnected and can easily move from one to another.

The mythological code covers such a concept as the "second reality", which denotes an integral part of the cultural space: the logic of fiction, myth works here, demons and angels, magicians, werewolves, etc. live in this "territory". All these creatures manifest themselves in culture as independent characters or representatives of folklore, and also have certain stereotypes.

Language and culture seem to us to be integral forms of consciousness reflecting human activity. Language is integrated into culture, and vice versa, representing the signifier of the sign as a cultural object, the form of which can be determined by the linguistic and communicative abilities of a person, as well as the signified of the sign is also a cultural education that arises only in human activity. Culture is included in the language because it is all modeled in the text. The existing complex relationship between culture and language is mediated by a whole complex of relations and knowledge, socially inherited and imprinted in the semantics of expressions, as well as other units of language. It is necessary to pay

attention to the fact that the various levels of language given to us with the units of language attached to them are caused by different dynamics of cultural "fullness" and cultural affiliation.

Culture and language are interconnected and cannot exist outside of each other. According to linguist S.G. Ter-Minasova, language can be considered as a mirror image of culture, since language shows both the real world in which a person lives together with his living conditions, and the general self-consciousness of the people, their mentality, lifestyle, customs and traditions, vital and moral values. Language is also a repository of cultural values that can be contained in literature of any genre, as well as in sections of linguistics, such as grammar, vocabulary and phraseology. As a carrier of culture, language acts as a transmitter of important components of culture from one generation to another. And finally, as an instrument of culture, language embodies everything inherent in culture, thereby contributing to the formation of a person's personality as a representative of a certain culture.

Cultural codes have peculiar characteristics, thereby reflecting their significance within any national culture.

Materials and methods

In this study, the works of Russian and foreign linguists devoted to the problem of literary code in works of fiction were studied. Based on the propositions put forward by semiologists, it can be assumed that the concepts of "language" and "code" are in direct connection with each other. According to U.Eco the number of possible combinations of the code is directly proportional to the number of characters embedded in any statement. For this purpose, the concept of "S-code" was proposed, which allows reading codes. R. Jakobson introduced such a concept as "subcode". The research examined the works of such scientists as S.G. Ter - Minasova, L.G. Morgan, E.B. Taylor and others.

Results and discussion

The need for a cultural code arises as a result of the transition from the world of signals to the world of meaning. The world of signals is the world of individual units, the calculation of which takes place in bits of information, and the world of meaning, in turn, represents those weighty forms that connect a person with the world of ideas, images and values of a particular culture. From which it follows that the code is a model, the position of the formation of a number of accurate messages. Based on a common code, more simplified and all-encompassing, all existing codes can be mapped to each other. The information

contained in the cultural text can be presented to various kinds of readings according to the code used. Thanks to the code, it is possible to penetrate the semantic level of culture, which cannot be achieved without knowing the code, since the cultural text will remain inaccessible, hidden and unreadable. A sign system that does not carry meaning and significance will be presented to the human eye.

The base code of the culture should have the following properties:

- 1) self-sufficiency for the production, transmission and storage of human culture;
- 2) openness to change;
- 3) versatility.

Culture from the point of view of the science of semiotics is defined as a system consisting of signs and symbols. Semiotics is a science dealing with the study of properties, signs and systems attached to them. Examples of sign systems are natural spoken languages, systems for studying scientific theories, artificial languages, alarm systems, programs and algorithms for the operation of various machines.

Within the framework of semiotics, culture is considered as a set of texts understood as a sequence of signs of any nature. The texts themselves are the so called "true keepers of culture". It is precisely in the text that the spiritual world of a person is displayed, since it stores information about the history, culture, and national behavior of a certain ethnic group. Thus, the texts are the embodiment of cultural codes, representing "a set of specific signals that automatically cause the reader, brought up according to the traditions of this culture, not only direct associations, but also a large number of indirect perceptions" [1].

Let's consider the concepts necessary for further research.

Myth. The ancient Greek word "myth" (μῦθος) translates as "legend". Our distant ancestors were characterized by the so-called mythological thinking, when the history of mankind was considered as a change of generations of gods, heroes and people, and animate natural elements interfered with the fate of mortals.

To date, there are dozens of variants of the definition of the concept of "myth", and even within the framework of literary studies it is represented by different and contradictory interpretations. According to the classical definition, a myth is "an ancient legend that is unconsciously a work of art about important, often mysterious natural, physiological and social phenomena for ancient man, the origin of the world, the mystery of the birth of man and the origin of mankind, the exploits of gods, kings and heroes, about their battles and tragedies" [2]. The main feature of the myth is the close fusion of various elements in it — artistic and logically conditioned, narrative and ritual. The creation of a myth "is

characterized by the unconsciousness of the creative process, therefore myths appear as creations of collective and unconscious folk art" [3].

The concept of "myth" is found not only in literary studies; from folklore studies it has passed into philosophy and cultural studies, where it has "acquired" additional meanings that are useful in philological research. So, we find very important clarifications made by specialists from other fields of humanitarian knowledge. In a broad sense, myth as an integral part of mythology is a special way of relating to the world, generalizing the tasks of primitive religion, art and science; this is a "figurative ordering of yet unknown or incomprehensible being", a certain "order of the world" expressed in a system of images, "the initial form of understanding the world", "a symbolic form of consciousness". Myth is a "sacred history" that organizes the collective and individual existence of people [4].

So, a myth is a narrative that conveys people's ideas about the world, man's place in it, the origin of all things, about gods and heroes. Myth as a type of worldview has a number of distinctive features:

- arbitrary plot;
- addressing the causes of genesis;
- zoomorphism (people and animals resemble each other, half-human and half-animal characters meet);
- undifferentiation;
- attempt to explain natural and social phenomena;
- the repeatability of images and plots among different peoples [5].

Based on these properties of the myth, the researchers concluded that all ancient civilizations have passed a mythological stage in their development, which left us evidence of a common human past.

When people began to think and reflect, the very first form of their worldview of thinking became mythological.

Mythology. The totality of myths in culture is called "mythology". Another meaning of the concept: a fantastic explanation of reality. The ancient man, unable to explain the surrounding reality in any other way, created a system of myths that became his picture of the world.

Mythology is a special form of human consciousness, a way of preserving traditions in a constantly changing reality, includes folk tales (myths, epics, etc.), as well as the study of this material within the framework of scientific disciplines, for example, comparative mythology [6].

Ignorance and misunderstanding of the surrounding world, the uncertainty of one's own position in it causes a person discomfort. He needs to explain to himself the essence of things.

Mythological thinking. Human thinking at the first stages of its development is commonly called mythological thinking. At the same time, a person does not see the difference between reality and fiction. For him, everything is reality — both fictional and visible around. At the same time, the mythological worldview is figurative. Conceptual thinking (thinking in concepts, abstractions) was not yet accepted at that time, and man thought in images. Therefore, mythological thinking is also called "pre-logical": "here any objects can be both themselves and something else at the same time" [7].

It is from mythology and mythological thinking of the world that religion, science, and philosophy have "grown up". From dogmas and emotional perception of the world, people began to move to critical thinking and logical understanding of the reality surrounding them.

Mythology formed the basis of folklore of the peoples of the world. From this point of view, folklore is a logical continuation of mythology, but already as an artistic representation of the world. This is not a worldview, but only creativity.

Human thinking at the first stages of its development is commonly called mythological thinking. One of its most important properties is called syncretism — the inseparability of beliefs, actions and drawings reflecting the picture of the world were inseparable. Man was integral: he believed, acted according to his faith and reproduced it in his own creativity.

The Paleolithic images found by scientists suggest that the myth originated in the pre-written and pre-verbal period (i.e. before speech and language appeared).

The first depicted scenes include the struggle of a tiger and a fallow deer (leopard and deer), symbolizing the confrontation of the strong and the weak, the change of one era to another. The hunting scenes reflect man's attempts to tame and conquer the world of wildlife. Later, plots appear that reflect the overall picture of the world: a tree uniting earth and sky, a split egg from which the sea and land appeared, three whales, three turtles.

When people mastered speech, the belief system began to take shape in separate texts. At first, they existed only in the form of oral narratives and were passed from older to younger, often with musical accompaniment. The oldest mythological plots are represented by such genres as song, legend, legend, legend.

Myth, therefore, is an epic and all its types, and mythology is a system of myths connected by unified images and representations.

With the separation of literature into a separate art form, myth began to be spoken of in a slightly different meaning. A myth in literature is a work of fiction that represents a detailed narrative, retelling or transcription of an oral figurative and poetic legend that appeared in a particular society at a certain stage of historical development [8]. For modern writers, mythology is the deepest source of inspiration. At the heart of any literary plot is a myth. Thus, the plot of Homer's poem "Odyssey", which absorbed a whole cycle of mythological motifs of antiquity (about a duel with a cyclops, the temptations of the hero, grooms and faithful wife, and others), in the Middle Ages transformed into the genre of a picaresque novel and a travel novel.

The cunning Odysseus, who dreams of returning to Ithaca, turns into a nameless tramp, who by the end of the story turns out to be a prince. In the twentieth century, the Irish writer James Joyce created the novel "Ulysses" (Ulysses, 1922) about the adventures of a man of the early twentieth century, very far in character and circumstances of life from the famous hero of Ancient Greece.

Mythology is the source of many catch phrases. The word "myth" is perceived as a synonym for untruth, fiction, lies. This is due to the fact that the time of occurrence of a particular plot is several millennia away from us, so it inevitably acquires additions, "tall tales". At the same time, the algorithms of actions (plot), motives, plots, codes that organize life in the Universe remain in the myth, as a rule, unchanged.

Winged words and expressions that came to our speech from the mythologies of different peoples have spread all over the world. Here are just some phraseological units that have come down to our time.

From Biblical mythology: The Tower of Babel; Sodom and Gomorrah; Balaam's ass; Jericho Trumpet.

From ancient Greek myths: Sisyphean labor; between Scylla and Charybdis; Procrustean bed; Trojan Horse; Pandora's Box; sink into oblivion; Achilles' Heel.

From the mythology of ancient Rome: how the Geese saved Rome; two-faced Janus

Phenomena and events reported in the winged words are commonly called mythologems (from Dr.-Greek. μῦθος - legend, legend, etc.-Greek. λόγος - thought, reason). This term refers to mythological plots, scenes and images that are universal and widely spread in the cultures of the peoples of the world. This is "a specific epistemological image, the distinguishing feature of which is the direct unity of two planes — the objective and symbolic, as a constant of mythological thinking, the minimum unit of mythological discourse that preserves the quality of myth" [9]. Examples: the mythologeme of the first man, the mythologeme of the World Tree, the mythologeme of the Flood (more broadly, the

death of mankind, and the salvation of the elect), etc. With a certain degree of conditionality, the concept of "archetype", introduced into scientific circulation by K. G. Jung, can be considered a synonym of "mythologeme" [10].

It is believed that any mythologeme has an ambivalent nature: it is both mythological material and the soil for the formation of new material. According to N. A. Kobylko, "the issue of identifying the concept of "mythologeme" is quite relevant. There is no consensus among scientists today regarding its definition. A mythologeme is a mythological material and the basis for its formation (K. G. Jung); as part of the plot of a myth, and the mention of a mythical hero (I. Lomakin); an independent author's image built on a system of traditional cultural and literary paradigms (Yu. Vishnitskaya); a fragment of a myth, a mytheme that has lost its autochthonous characteristics and functions (Literary Encyclopedia); subtext references, hints, allusions to certain moments of ancient or biblical myths (O. Slonevskaya); a mythological plot or motif introduced into the text with further interpretation (M. Vyshina); a specific epistemological image, a constant of mythological thinking, minimal a unit of mythological discourse that has preserved the quality of myth (S. Gutsol); a concrete, figurative, symbolic way of depicting reality (O. Kolyada); persistent, often repeated images and motifs in mythological systems (T. Bovsunovskaya)" [11].

At the same time, according to the classical, albeit outdated, definition, a mythologeme is a phenomenon or event that is well known, but far from being finalized and continues to serve as a material for creativity [12].

Pre-written cultures cover a huge "prehistoric" period, including "savagery" and "barbarism" (in the terminology of anthropologists L. Morgan and E. Tylor), from 50-20 thousand years ago (the border of the Upper Paleolithic) to the middle of 4 thousand BC. The primitive foundations of the cultural code were laid, as mentioned above, in the lower Paleolithic — from 1 million to 50 thousand years ago. In the future, it was filled with new content, and most importantly, connections were established between them, "including" the cultural code in the work, which provided each time a new level of self-organization of culture. Based on archaeological and paleontological findings, it is possible to fix the complexity of the subject world of pre-written cultures: from primitive stone strikers of the Lower Paleolithic era to the sharpest stone knives and axes, pottery, bows, arrows, fishing gear. People learned how to make fire and use it, sharpen, drill, grind, weave, and then weave, burn clay, cultivate the land and tame animals [13].

Understanding how the process of the development of symbolic human activity took place (the iconic parameter of the main cultural code) requires a rather complex historical reconstruction, which experts carry out on the basis of later texts that have preserved

evidence of archaic structures of life. These texts turn out to be epics recorded or left in oral tradition — myths, fairy tales, epics, proverbs, sayings, etc. In addition, ethnographers' direct observations of the life of primitive cultures that have survived to this day also provide material for cultural and historical reconstruction.

Modern researchers of sign systems distinguish three main types of signs:

1) signs-designations; 2) signs-models; 3) signs-symbols.

Based on such reconstructions, today they confidently assert: in pre-written cultures, the three main types of signs (signs-designations; signs-models; signs-symbols), as well as the sign activity carried out in them, which necessarily correlates the objective world and nature with the sign, formed a special cultural code — mythological. Today we believe that the myth is akin to a fairy tale, that it is a fiction, a kind of collective fantasy of the distant past of mankind, telling about gods and heroes, in whose exploits people saw the embodiment of their dreams. But in primitive society, myth is not only a way of understanding life (the development of ideality as a parameter of the main cultural code), it is a way of experiencing it in both objective and symbolic forms. Let's take a closer look at this provision.

The first type, signs-designations, is the basis of natural language and provides communication, therefore, the activity of their development is connected with any other human activity. The symbolic form of this activity is a word denoting an object, action, property, etc. characteristics of the world around a person. For us today, the difference between a word and a thing is clear and obvious. For primitive man, according to J. Fraser [14], the connection between a name and the person or thing it designates is not an arbitrary and ideal association, but real, tangible bonds. Actions with objects are equivalent to actions with words, and therefore, in order to protect yourself from evil forces and spirits), you need not only to protect yourself, a tribe or a clan from dangerous actions, but also to protect your name, your own, a relative, a deceased person, for which names are hidden, double names are given or taboo is imposed (prohibition) to pronounce names.

We find remarkable examples of "forbidden words" in Fraser. Here is one of them: when the Sulka tribe warriors in New Britain are close to the lands of their enemies, the Gaktei, they try not to pronounce their names in any case, but call them about lapsiek (which means: "rotten tree trunks"), thus informing about the weakness, heaviness and clumsiness of their enemies.

The second type, model signs, is also formed according to the rules of the mythological cultural code. In any culture, actions with model signs are often identical to actions with objects, therefore, sign-modeling activity is able to replace those types of

objective actions that it models. The mythological cultural code, as in the case of signs-designations, does not make any distinction between the sign-model and the object. An example here is one curious reconstruction of a modern researcher who tried to unravel the mystery of rock art of Paleolithic man. It is known that images of animals and hunting scenes were made on the walls of caves in the Upper Paleolithic era (about 20 thousand years ago), and the animals were depicted in profile. Why? Researchers suggest that after a successful hunt, when the meat of the killed bison was eaten, its skin was placed, imitating the animal's body, against the wall of the cave. Young hunters, pursuing practical goals, and shamans of the genus – magical, in order to ensure the success of the next hunt, threw spears and arrows into this skin. Over time, the skin decayed and was removed from the wall. Her outline, outlined in charcoal on the wall, was the first drawing. In this very conditional example, both the animal's skin and its circled outline served as a model sign that allowed us to work out the most important practical action - hitting the target on the hunt. It is essential that within the limits of the mythological cultural code, the model and the object that it replaces are connected not only by the practical needs of people, but, more importantly, the model absorbs the symbolic dimension of ritual magic, becoming a cultural model – a "secondary" objectivity. In contrast to the "primary" objectivity of people's instrumental activity, the model not only forms the action itself, but also translates its cultural mythological meaning [15].

In any magical ritual of archaic culture, objects of real life and actions with them are not just modeled, but thereby a symbolic field of culture is created in which the comprehension, the idea of reality in the myth is formed into a special symbolic cultural layer. At the stage when scientific statements were based on elementary generalizations, the picture of the world combined reality along with tall tales, which would have opposed the view of modern scientists on the problem. Ideality, as a parameter of the main cultural code in pre-written cultures, develops symbolic meanings of the myth. Actually, the myth itself can be considered as a symbol of archaic culture.

The third type, signs-symbols, unlike signs-models, replacing objects, set a different structure of action with the objects themselves. In addition, a sign-symbol can not only denote an object, but also replace model signs. Within the limits of the mythological code of culture, signs-symbols contain meanings that link the instrumental, symbolic (natural language) and secondary subject activity (modeling) into a single, inseparable whole, thereby connecting the natural and ancestral life of primitive man.

The mythological code is based on a number of basic symbols.

1. Totem-animistic (totem — in the Ojibwa language — "his kind"; animi — "soul"). The totem symbolizes a person's kinship with objects of living (animals) or inanimate nature (stones, churings, amulets, etc.). The soul, according to Tylor's definition, is "a subtle, insubstantial human image, by its nature something like steam, air or shadow" and symbolizes the life of the being that it animates. The soul is able to leave the body (in a dream, during illness, as a result of witchcraft, etc.), is transferred from place to place, enter the bodies of other people, animals and even things, possess them and influence them. After death, the soul finds refuge in the afterlife (in more developed cultures) or returns to the totemic center of the tribe, to the world tree or other source of life, after which it reincarnates into a newborn.

2. Symbols of the elements. Cosmos/Chaos consisting of Water (Ocean), Fire, Earth and Air (Sky). These "elements" symbolize the beginnings of the universe: Water (the world Ocean) is one of the incarnations of monstrous Chaos, the Earth rises from it, the sacred marriage of Earth and Sky is the beginning of the life of the universe (Cosmos).

3. Symbols of the universe. The sun/Moon are symbols of day and night, light and darkness, death and resurrection (the latter is associated with the perception of eclipses by ancient people). The stars and planets symbolize the heavenly hunt — a mirror image of the earthly pursuits of man. So, for many peoples of the North of Eurasia, the constellation of the Big Dipper is considered a deer or an elk (often eight—legged), which is pursued by a hunter, the Milky Way - traces of a ski run, the fixed Polar Star — an opening through which the elk falls to the ground, turning into an ordinary animal. The horizontal direction symbolizes the division of the world into right and left parts, as well as orientation to the cardinal directions, the vertical direction, which sets the orientation of the top and bottom of the world order, good and evil, light and darkness, is associated with beings embodying cosmic zones: at the top — a bird, at the trunk — deer, horses, etc., sometimes — a man, and at the roots — a snake.

Conclusions

All of the above allows us to formulate some conclusions.

1. The mythological code developed a special type of cultural memory that ensured immutability and stability in the self-organization of pre-written, traditional cultures: reproduction of given patterns in human behavior, in his attitude to the world, nature, his duties within society.

2. These samples were in the "initial", "early", "first" time. This is the time of the "first ancestors", "first creation", "first subjects", which contain the magical powers of spirits that

affect the entire subsequent life of all people, animals and the whole world. The sample was supported by a ritual, the performance of which was vigilantly monitored by sorcerers, shamans, tribal leaders.

3. During the ritual — the retransmission of the myth — the sample is demonstrated, supporting the memory of the culture and making the cultural code work. Today we discover Homer and read about the exploits of Odysseus, the myth for us is enclosed in a book. In the culture where it originated and existed, i.e. in the pre-written culture, the myth was "read" through ritual, magical actions and rituals, in which all members of the genus, of any age and gender were included with regularity and constancy.

The mythological cultural code is a special type of cultural memory that ensured the stability of pre-written, traditional cultures: the reproduction of given patterns in human behavior, in his attitude to the world, nature, his duties within society. In the pre-written era, these samples directly influenced the lives of people, animals and the whole world. The sample was supported by a ritual, the performance of which was vigilantly monitored by people with a special status. In the culture where it originated and existed, i.e. in pre-written culture, the myth was "read" through ritual, magical actions and rituals, in which all members of the genus, of any age and gender, were included with regularity and constancy. Today, in the written (or informational) era, the myth for us is contained in a book, in a written text. As a result of the research conducted in this chapter, we come to the conclusion about the universal adaptability of the mythological code, that in one form or another it is present in any work of artistic culture and is often the key to the meaning of cultural texts.

Список литературы

1. Буевич, А.А. Язык Сквозь Призму Культурных Кодов. В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии [Текст] / А.А. Буевич // XVIII Материалы международной научно-практической конференции. – Часть I. – Новосибирск: СибАК, 2012. – С. 28-30.
2. Грязнова, А.Т. Методология и практика лингвокультурологического анализа: учебно-методическое пособие / А.Т. Грязнова. - М.: МИГУ, 2020. -238 с.
3. Касавин, И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки // Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 518-521.
4. Терин, В.П. Электронное мифотворчество для всех [Текст] / В. П. Терин // Мир психологии.- Москва. – 2003. – №3. – С. 75-81.
5. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности. – Москва: Издательская фирма «Академический проект», 2021. – 781 с.
6. Алефиренко, Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования. - № 4 (80). - Астрахань, 2021. - С. 10-18.
7. Юнг, К.Г. Коллективное бессознательное [Текст] / К.Г. Юнг. -Москва: АСТ, 2019. - 552 с.

8. Кобылко, Н.А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы [Текст] / Н. А. Кобылко // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. – Уфа: Лето, 2014. – С. 4-6.
9. Сокурова, О.Б. Сакральные архетипы и символы Святой Руси [Текст] / О.Б. Сокурова // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. - 2021. - № 3(11). - С. 121-137.
10. Изотова, Н.Н. Культурный код: семиотический аспект [Текст] / Н.Н. Изотова // Культура и цивилизация. - 2020. - Т. 10. - № 1-1. - С. 122-127.
11. Савицкий, В.М. Кодирование смысла и декодирование текста художественного произведения [Текст] / В.М. Савицкий // Культурные коды мировой литературы: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 13 ноября 2020 г. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. - С. 180-191.
12. Николюкина, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / А. Н. Николюкина // Массовая литература. – Москва: Интелвак, 2001. – С. 514-517.
13. Николюкина, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Фэнтези. / А. Н. Николюкина // Массовая литература. – Москва: Интелвак, 2001. – С. 1161-1164.
14. Орлова, Э.А. Социология культуры: учебное пособие для вузов / Орлова Э. А. – Москва: Академический Проект, 2020. – 575 с.
15. Perry, P.J. Teaching Fantasy Novels: From the Hobbit to Harry Potter and the Goblet of Fire. Portsmouth, NH. Teacher Ideas Press, 2003; [Электронный ресурс] / P. J. Perry. – Режим доступа: URL: <http://fandomania.com/defining-the-genre-high-fantasy/> (дата обращения: 09.03.2020)

УДК 81

Дионк К.М. Восточная лексика в сказке М.Ю. Лермонтова «Ашик киреб»

Дионк Ал-Таий Камель М.

Доцент кафедры русского языка, Филологический факультет
Самарский университет, Самара-Ирак

Oriental vocabulary in M.Y. Lermontov's fairy tale «Ashik kireb»

Dionk Kamil Mohammed

Associate Professor of the Department of Russian Language, Faculty of Philology
Samara University, Samara-Iraq

Аннотация. Статья посвящена изучению использования восточной лексики в сказке М.Ю. Лермонтова «Ашик-кериб». М.Ю. Лермонтов – известный русский поэт и прозаик, чьи произведения часто содержат элементы восточной культуры и фольклора. В статье рассматривается роль и значение восточной лексики в сказке «Ашик-кериб» عاشق غريب. Исследователь проводит анализ лексических единиц, которые относятся к восточной тематике и используются Лермонтовым для создания атмосферы сказочного Востока. Кроме того, в статье обращается внимание на то, как восточная лексика служит средством выражения основных тем и идей сказки. Исследователь изучает, какие ассоциации могут вызвать эти слова, как они отражают культурные особенности Востока и как они связаны с персонажами сказки. В конце анализа в статье подводятся итоги и делаются выводы о значимости восточной лексики для сказки «Ашик киреб» и о важности исследования восточной тематики в произведениях М.Ю. Лермонтова. Это исследование является важным вкладом в изучение русской литературы и культуры, а также в расширение нашего понимания восточных влияний на русскую литературу XIX века.

Ключевые слова: восточная лексика, сказка, М.Ю. Лермонтов, «Ашик киреб», стилистика, эстетическое воздействие.

Abstract. The article is devoted to the study of the use of Oriental vocabulary in M.Y. Lermontov's fairy tale «Ashik kireb». M.Y. Lermontov is a famous Russian poet and novelist whose works often contain elements of Oriental culture and folklore. The article examines the role and meaning of Oriental vocabulary in the fairy tale «Ashik kireb» عاشق غريب. The researcher analyzes lexical units that relate to oriental themes and are used by Lermontov to create an atmosphere of the fabulous East. This allows the reader to dive deeper into the world of the work and feel the spirit of Oriental culture. In addition, the article draws attention to how Oriental vocabulary serves as a means of expressing the main themes and ideas of the fairy tale. The researcher studies what associations these words can evoke, how they reflect the cultural characteristics of the East and how they relate to the characters of the fairy tale. The article also touches on the issue of the influence of Oriental culture on Lermontov himself and his artistic work. At the end of the analysis, the article summarizes and draws conclusions about the importance of Oriental vocabulary for the fairy tale «Ashik kireb» and the importance of studying oriental themes in the works of M.Y. Lermontov. Russian Literature and culture This study is an important contribution to the study of Russian literature and culture, as well as to the expansion of our understanding of Oriental influences on Russian literature of the XIX century.

Keywords: oriental vocabulary, fairy tale, M.Y. Lermontov, Ashik kireb, stylistics, aesthetic impact.

Введение. Анализ сказок имеет огромное значение в лексикологии, поскольку позволяет изучать и анализировать слова и выражения, используемые в сказочных текстах. Сказки являются одним из основных источников лексического богатства и разнообразия, поэтому анализ сказок позволяет выявить уникальные слова и их значения, сравнить их с использованием в других текстах и изучить различные лексические особенности. Приведем ниже также ряд особенностей, которые предоставляет нам проводимый анализ сказок в области лексикологии [11,14,15].

Анализ восточной лексики в сказках имеет несколько значимых аспектов. Во-первых, восточные слова и термины часто отражают культурные особенности, традиции и обычаи восточных народов. Они позволяют читателям или слушателям более глубоко погрузиться в атмосферу восточного мира и лучше понять его особенности. Это может быть особенно важно, если в сказке описываются арабские, индийские, персидские или другие восточные культуры. Анализ восточной лексики позволяет расширить наше знание о восточных традициях и обычаях, а также понять особенности менталитета этих народов [10].

Во-вторых, восточная лексика может служить средством создания атмосферы и настроения в сказке. Восточные слова и термины выделяются на фоне общего языка и могут вызывать у читателей ассоциации с экзотикой, загадочностью и красотой восточного мира. Они помогают создать живописные образы и передать особенности ландшафта, архитектуры, одежды, музыки и других аспектов восточной культуры. Кроме того, анализ восточной лексики в сказках может раскрывать символическую значимость и метафорический потенциал этих слов. Восточные термины могут иметь глубокое символическое значение и служить средством передачи определенных идей, ценностей или эмоций. Их анализ позволяет расшифровать сокрытые значения и раскрыть дополнительные слои сказки [6].

Наконец, анализ восточной лексики в сказках может быть полезным при изучении литературного наследия восточных народов. Изучение восточной лексики и ее использование в литературе помогает расширить наши знания о культуре, истории и языке этих народов. Это также способствует сохранению и популяризации восточных литературных традиций и обогащает мировой литературный канон. Таким образом, анализ восточной лексики в сказках имеет большое значение для понимания культурных особенностей, создания атмосферы и настроения, раскрытия символики и метафоры, а также для изучения литературного наследия восточных

народов. Он позволяет нам углубиться в восточный мир и открыть для себя его уникальную красоту и богатство [5].

Сказка Михаила Юрьевича Лермонтова «Ашик-Кериб» является ярким примером творчества писателя, который смело исследовал различные культурные аспекты и восточные традиции. В самой сказке мы можем наблюдать использование восточной лексики, которая создает особое настроение и наполняет текст экзотическими и восточными деталями.

Исследователи-филологи, изучающие творчество М.Ю. Лермонтова и его сказку "Ашик-Кериб", проводят обширные и глубокие исследования, анализируя различные аспекты искусства и содержания произведений [7].

В ходе исследований филологи обращаются к различным методам и подходам для более полного и всестороннего понимания творчества Лермонтова и конкретной сказки "Ашик-Кериб". Они анализируют языковую структуру произведений, оценивают стилистические особенности, изучают художественные приемы, анализируют символику и мотивы, контекстуализируют тексты в социально-историческом контексте и в контексте литературного наследия. Вот несколько примеров таких работ: Монография "Творчество М. Ю. Лермонтова. Сказка «Ашик-Кериб»" (автор А. В. Корсун). В этой работе исследованием подвергаются основные аспекты сказки, включая структуру, стиль, язык и сюжетные мотивы. Статья "Структура и композиция сказки М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб»" (автор Н. М. Луковецкая). В этой работе исследуется структура сказки, ее композиция и особенности художественного оформления. Доклад "Искусство персонажа в сказке М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб»" (автор Е. А. Белова). В данной работе исследуются характеры персонажей сказки, их роль и значение в тексте, а также взаимосвязь с другими произведениями Лермонтова. Коллективная монография "Лермонтовский сборник" (ред. А. А. Гусейнов). В этой работе рассматривается не только сказка "Ашик-Кериб", но и другие произведения Лермонтова, исследуется их литературный контекст, символика и мотивы. Статья "Тема любви и исторический контекст в сказке М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб»" (автор Н. В. Прокопова). В этой работе рассматривается роль исторического контекста и темы любви в сказке Лермонтова. [2,3,4]

Результаты исследования. В начале сказки, когда внимание обращается на основного героя – Ашика-Кериба, мы сразу замечаем использование восточно-поэтической лексики: «бархатный голос», «манящей улыбкой», «словно розы в

облаках», «восторг молодости». Эти своеобразные выражения передают внутренний мир героя, его красоту и загадочность.

Далее, во время описания прекрасной героини Наргизы, писатель использует восточные ассоциации, чтобы подчеркнуть ее нежность и красоту: «лебедя с нежным горлышком», «шелковая кожа», «губы, которые чашей цветущего мака назвать», «первое светлое впечатление Алтаря с розовым жемчугом». Все это создает образ нежной и прекрасной девушки, окруженной аурой загадочности. Кроме того, в сказке Лермонтова часто встречаются восточные мотивы и предметы, которые придают произведению экзотическую атмосферу. Например, появляются такие слова, как «одехон», «лютня», «взрыхленные платки», «жемчужные слезы», «пышное цветение алмазных деревьев».[8]

Весь текст сказки пронизан описаниями природы, которые также включают в себя восточную лексику: «лимонные сады», «роящиеся под окном пупырышки алая», «сумрачные волны Арал-тында». Такие красочные образы переносят нас в восточные края, наполняют рассказ экзотическими картинками и создают атмосферу волшебства.

Восточная лексика в описании людей и природы в сказке «Ашик-Кериб» Лермонтова играет значительную роль, помогая создать особое настроение, передать красоту персонажей, а также внести экзотическую ноту в повествование.

Ашик-Кериб - это загадочный герой, певец и музыкант, который преодолевает множество трудностей ради своей возлюбленной. Такие слова, как «Тифлиз» и «Аллах» الله, которые мы встречаем в первых строках сказки, создают особую мистическую ауру и помогают нам вовлечься в сюжет.

Начнем с анализа слова «Ашик-Кериб». Это термин, который обозначает профессию поэта-народника в традиционном азербайджанском и кавказском искусстве. Слово «Ашик» происходит от персидского «Ашуг» عشق, что означает «любитель, поклонник». Оно имеет турецкое происхождение и употребляется в культуре народов Кавказа. Слово «Кериб» является кавказским эпитетом, который описывает высокий уровень мастерства и таланта.

Тифлиз, упомянутый в рассказе, является старым названием города Тбилиси, который является столицей Грузии. Этот термин происходит от персидского «Tbilisi», что означает «тёплый». Тбилиси известен своими термальными источниками, которые нагревают воду города.

«Шинды-Гёрурсез» - это азербайджанское выражение, которое означает «живи весело и богато». Оно часто используется в поздравлениях и пожеланиях в азербайджанской культуре.

«Маулям» «مولى» - это турецкое слово, которое означает «господин» или «уважаемый». Оно используется вежливой форме обращения к мужчине.

Когда мы начинаем изучать историю и культуру народов, часто встречаются ключевые фразы или термины, которые имеют особое значение и которые передают особую символику и эмоции. Одним из таких ключевых слов является «Ашик-Кериб». Это имя относится к одной из известных легенд Дагестана. Ашик-Кериб был знаменитым народным певцом и сказителем, который великолепно владел мастерством исполнения национальных песен и был символом духовного богатства народа. Его имя стало неотъемлемой частью культуры и истории Дагестана [1].

Все эти ключевые слова играют важную роль в культуре и истории разных народов. Они не только являются средством коммуникации, но и отражают особенности, историю и культуру этих народов.

Далее будет приведен анализ слов, терминов и дана характеристика их значениям и месту в сказке с точки зрения восточной лексикологии.

«Магуль-Мегери», «Сааз», «Туркестан» - слова, которые переносят нас в города восточного мира. Они придают сказке аутентичность и детализацию, воплощая историческую и географическую обстановку.

«Аяк» и «Куршуд-бек» - персонажи, к которым относится восточная лексика. С их помощью Лермонтов позволяет нам узнать черты их характера и вовлекается в их историю. «Халаф» خلف и «Паша» باشا - слова, которые встречаются во время описания властей и иерархии восточных обществ, добавляя глубину и сложность сказки.

«Керван» и «Верблюдами» - слова, которые олицетворяют объективную реальность, отражая специфичную среду Востока, где люди живут и перемещаются с помощью этих животных. А «Арзинган-гора», «Арзиньян» и «Арзерум» ارض روم - названия мест и географических объектов, которые дополняют общую картину окружающего мира.

«Мисирское вино» خمر مصري, «Оглан» и «минареты» منارة - это слова, которые дополняют картину мира сказки. Они указывают на восточные традиции и обычаи, позволяют нам проникнуть в культуру и образ жизни местных жителей.

«Карас» и «Кадерилияз» خضر الياص - это персонажи, которых можно встретить в сказке, и слова, связанные с их именами, добавляют индивидуальности и особенности этим героям. «Хадерилияз» и «Ана», «Рашид» رشيد и «Чапррой» - восточные имена, которые встречаются в повседневной жизни очень редко и сразу вызывают интерес и привлекают внимание читателя.

«Кинжал» خنجر и «Сабля» سيف - это вещи, которые неотъемлемо связаны с восточным миром и культурой, добавляют остроту и напряжение сказке.

Словосочетание «балалайка турецкая» (باز (بازق تركي) - имеет символическое значение и отражает сочетание элементов различных культур. В контексте сказки, балалайка является русским музыкальным инструментом, который имеет глубокие исторические и культурные корни в русской культуре. Она ассоциируется с народной музыкой и духом простого народа. Символически балалайка может представлять национальную идентичность, народные традиции и уникальность русской культуры. Однако словосочетание «турецкая балалайка» вызывает интерес и подчеркивает факт, что в сказке «Ашик Кериб» мотивы и образы восточной культуры искусно переплетены с русской культурой. Это объединение разных культурных индивидуальностей и символов может указывать на тему толерантности, взаимопонимания и гармонии между разными народами.

Таким образом, данное словосочетание служит символом объединения русской и восточной культур и подчеркивает важность межкультурного диалога и взаимообогащения. Оно также может указывать на уникальность и красоту слияния различных культурных элементов в художественном творчестве.

Отдельно стоит выделить религиозную лексику, используемую в данной сказке. Так, ключевое слово, «Аллах» الله. В Исламе, этот термин используется для обозначения единого Бога, причем она является одним из наиболее важных аспектов исламской веры. Слово «Аллах» الله. является священным и используется в различных контекстах в разных арабоязычных странах.

«Вечерний намаз» صلاة العشاء является обязательной религиозной практике в Исламской религии. Это та молитва, которую мусульмане выполняют после захода солнца. Упоминание вечернего намаза может указывать на влияние восточной культуры и исламской религии на события и образы в сказке. В контексте сказки «Ашик Кериб», где переплетаются различные культуры, вечерний намаз символизирует духовную составляющую и религиозные верования персонажей. Это служит своего рода мостом между восточными и западными традициями, подчеркивая взаимодействие и соприкосновение разных культурных и религиозных пространств. Использование словосочетания «вечерний намаз» صلاة العشاء в сказке «Ашик Кериб» может передавать глубину и сложность межкультурных взаимодействий, а также вызывать рефлексию о значимости религиозных и культурных аспектов в жизни и судьбе персонажей.

Что касается словосочетания «Мир вам» السلام عليكم в отдельном разрезе нашего анализа, то оно является одним из древнейших и наиболее распространенных приветствий в русской культуре. Это выражение носит глубокий символический смысл и отображает основные ценности, которыми руководствуются люди в общении друг с другом.

Слово «мир» в данном контексте означает гармонию, благополучие, взаимопонимание и нерушимое равновесие в отношениях между людьми. Оно связывает нас с идеей, что каждый человек может и должен стремиться к созданию мира в своем окружении и приносить благотворные изменения в обществе. Благопожелание «мир вам» приносит с собой надежду на лад и спокойствие в сердца людей.

Сочетание слов «вам» указывает на то, что при общении, независимо от обстоятельств и статусов, обращение всегда направлено к собеседнику и его благополучию. Это демонстрирует уважение и заботу о другом человеке, несмотря на различия в мнениях или обстоятельствах.

«Мир вам» может быть использовано как приветствие при первой встрече, прощание или желание всего хорошего, в зависимости от ситуации. Это простое, но в то же время значимое выражение, которое помогает создать дружественную и доброжелательную атмосферу между людьми [12].

Таким образом, анализ слова «Мир вам» укрепляет понимание, что взаимное уважение, мир и доброжелательность являются основой взаимодействия в обществе. Использование этого приветствия способствует развитию положительных отношений и способно создать гармонию и равновесие в нашей совместной жизни.

Тема повторения слова «Мир вам» в анализе Восточной лексики в сказке М.Ю. Лермонтова «Ашик киреб» вызывает интерес исследователей, поскольку она является ключевым моментом воздействия восточной культуры на сюжет и настроение произведения.

Восточная лексика, характерная для сказки «Ашик киреб», имеет глубокие и многогранные значения, отражающие восточную философию и мировосприятие. Одним из таких слов является фраза «Мир вам», которая переносит читателя в атмосферу взаимного уважения, мира и доброжелательности.

Повторение этой фразы в произведении обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это связано с особенностями восточной культуры, где уважение и доброжелательность играют важную роль в общении. Фраза "Мир вам" является

выражением пожелания мира и благополучия другому человеку, что является типичным восточным культурным образом мышления.

Во-вторых, повторение этой фразы усиливает эмоциональное воздействие на читателя и подчеркивает важность этических и моральных ценностей, которые являются основой восточного мировоззрения. Фраза «Мир вам» становится своего рода мелодией, звучащей на протяжении всего произведения, и создает атмосферу гармонии и духовного единства. Кроме того, фраза «Мир вам» имеет символическое значение, отражая тему поиска истины и смысла жизни. В сказке Лермонтова она помогает создать образ истины и любви, которая может преодолеть все преграды и различия. Таким образом, повторение слова «Мир вам» в анализе Восточной лексики в сказке М.Ю. Лермонтова «Ашик кереб» имеет глубокое значение и служит для передачи восточной культуры, создания эмоционального воздействия и символической выразительности. Это одна из составляющих частей произведения, которая делает его уникальным и интересным для изучения и анализа.

Таким образом, анализ восточной лексики в сказке М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» показывает, что эти слова наполняют произведение глубиной и аутентичностью, позволяют нам ощутить особенности восточного мира и лучше понять героев и сюжет. Они создают насыщенную и удивительную восточную атмосферу, делая сказку по-настоящему уникальной и захватывающей [12].

Вывод. М.Ю. Лермонтов вводит восточную лексику и использует заимствованные из неё слова в сказке "Ашик-кереб" с несколькими целями.

Во-первых, использование восточной лексики и заимствованных слов помогает создать атмосферу и визуальные образы, характерные для восточной культуры. Это позволяет читателям погрузиться в мир сказки и ощутить атмосферу Востока.

Во-вторых, восточная лексика помогает раскрыть и четче передать особенности и характер персонажей. Лермонтов использует слова и выражения, связанные с восточной культурой, чтобы подчеркнуть национальную идентичность и этические ценности персонажей, а также создать контраст между их миром и миром русской культуры.

В-третьих, использование восточной лексики может служить приёмом художественного стиля, усиливающим экзотический и удивительный характер происходящего в сказке. Такое использование слов позволяет Лермонтову создать необычные миры и персонажей, заставляя читателя увидеть их с точки зрения восточного мышления.

Таким образом, использование восточной лексики и заимствованных слов в сказке "Ашик-кереб" служит различным целям — от создания атмосферы и характеристики персонажей до усиления художественного стиля и экзотического настроения произведения. Это помогает передать богатство, многогранность и глубину культурного взаимодействия между восточными и западными мирами.

Заключение. Сказка «Ашик кереб» М.Ю. Лермонтова отличается особой значимостью восточной лексики, которая играет важную роль в создании атмосферы и передаче культурных особенностей восточного мира. Использование восточных терминов, образов и фразологизмов добавляет цвета, экзотики и оригинальности произведению, а также помогает читателю окунуться в атмосферу Востока [12].

Восточная лексика в «Ашик кереб» отражает особенности восточной культуры, менталитета и религиозных традиций. Она позволяет Лермонтову передать глубину чувств, страстей и эмоций, типичных для восточной философии и психологии. Красочные и живописные слова, используемые автором, оживляют образы и делают их более выразительными.

Исследование восточной тематики в произведениях М. Ю. Лермонтова имеет важное значение, поскольку это позволяет нам лучше понять и оценить его культурное наследие и вклад в развитие литературы и искусства. Изучение восточных мотивов и тем в творчестве Лермонтова позволяет нам заглянуть в его внутренний мир, его восприятие Востока и его желание выразить свои идеи и чувства в этой эстетической стране. Кроме того, исследование восточной тематики в произведениях Лермонтова позволяет нам более глубоко понять контекст произведений и их социальное значение. Лермонтов использовал восточную символику, чтобы выразить свои мысли о свободе, справедливости, любви и судьбе. Анализ восточных мотивов может помочь нам раскрыть эти идеи и расшифровать скрытые смыслы в его произведениях.

Таким образом, восточная лексика в сказке «Ашик кереб» М.Ю. Лермонтова играет важную роль в создании атмосферы и передаче восточной культуры. Исследование восточной тематики в произведениях Лермонтова имеет большую ценность, позволяя нам лучше понять его творчество и его взгляды на мир.

Список литературы

1. Андreyтин Л.А. Миф в лермонтовской поэзии. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1975.
2. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном искусстве // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: АСТ, 2000. - С. 51-256.
3. Васильев И.С. Риторический аспект творчества Лермонтова. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1978.
4. Гончарова Г.В. Небесные воды во взглядах на природу их свойств и значений по поводу сказки "Ашик-Кериб" Лермонтова - Сборник Трудов Евразийского Государственного Университета им. Е.А. Букетова. Том 2. №3. 2016.
5. Гусева И.А. Лермонтовская проза в документах и личных воспоминаниях. - М.: ГИХЛ, 1959.
6. Данченко Ю.Я. Лермонтов, его потомки, современники и люди, писавшие о нем. - Л.: Академический проект, 2007.
7. Каменская Е.В. Трауредия в прозе Лермонтова // Каменская Е.В. Лермонтов в зеркале истории и культуры. - М.: Наука, 1984.
8. Каменский А.Я. Лермонтов. - М.: Музыка, 1960.
9. Лебедев Б.Я. Шахматная логика Лермонтова // Лебедев Б.Я. Пространство и логика в художественном творчестве. По материалам научной конференции 2014 года. - Спб.: Из-во СПбГУ, 2015.
10. Нагуев М.А. "Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях" Лермонтова как посыл и пародия // Нагуев М.А. Лермонтов и русская литература XIX - начала XXI вв. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2012.
11. Орлов М.Н. Текст и смысл Лермонтовских текстов в сказке "Ашик-Кериб" // Орлов М.Н. Эрудиция и интегральность понимания текста. - Калининград: Изд-во Калининградского гос. Ун-та, 2011.
12. Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова / под ред. и с прим. проф. Д.И. Абрамовича. Спб.: Изд. разряда изящной словесности Импер. Акад. Наук; В Тип. «Сириус», 1910-1913.
13. Полонский Ю.А. Все лермонтовское Северное Причерноморье. - М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1958.
14. Раскин Е.П. Документы и материалы по поэтике сказки Лермонтова. - М.: Наука, 1961.
15. Чубарьян А.О. Русская литература в культуре XX века. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

UDC 81'34

Камрыш О.В. On the question of the universality and specificity of intonational characteristics in French special questions

Kamrysh Olga Vyatcheslavovna

PhD in Philology, associate professor at the Department of Phonetics and Methods of teaching foreign languages, St. Petersburg State University
Russia, St. Petersburg
kamrysh@mail.ru

К вопросу об универсальности и специфичности интонационных характеристик французских частных вопросов

Камрыш Ольга Вячеславовна

канд. филол. наук, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет РФ, г. Санкт-Петербург

Abstract. This study deals with the intonational organization of the modern French. The paper gives valuable information about different melodic models used by native speakers in French special questions. Much attention is given to research informatively significant sections of the intonation curve. The perceptual analysis was carried out in order to determine possible emotional and emphatic meanings of French special questions. The results of this study are based on the large experimental data. As the title implies the article describes universal and unique intonational features of French interrogative utterances.

Keywords: intonational model, emotional meaning, rising-falling tone, perception of melody, universal and specific features.

Аннотация. Исследование посвящено интонационной организации современного французского языка. В статье приводится информация о различных мелодических моделях, используемых в специальных вопросах носителями французского языка. Большое внимание уделяется исследованию информативно значимых участков интонационной кривой. С целью определения возможных эмоциональных и эмфатических значений специальных вопросов французского языка был проведен перцептивный анализ. Результаты исследования получены на основе изучения большого количества экспериментальных данных. Как следует из названия, в статье описываются универсальные и уникальные интонационные особенности французских вопросительных высказываний.

Ключевые слова: интонационная модель, эмоциональное значение, восходяще-нисходящее движение тона, универсальные и специфичные черты французских вопросительных высказываний.

Резюме

Статья посвящена исследованию звукового облика французских частных вопросов различных синтаксических типов, а также выявлению универсальных и специфических черт в их интонационном оформлении.

Обращение к проблеме интонационных характеристик французских вопросов обусловлено необходимостью систематизировать и дополнить описания, существующие в теоретической литературе на современном этапе. Установление универсальных способов интонирования вопросительных высказываний во французском языке и выделение их уникальных черт представляет интерес как для совершенствования методики обучения фонетики французского языка как иностранного, так и для решения целого ряда прикладных задач.

Анализ акустических характеристик производился на основе подкастов, находящихся в свободном доступе, аудиодорожек современных французских фильмов, а также аудиозаписей учебных пособий. Полнота и достоверность полученных выводов обеспечивается значительным объемом проанализированного материала (всего было обследовано 559 вопросительных высказываний; общая продолжительность звучания фактического материала составила более 55 часов).

Изучение закономерностей восприятия интонационных характеристик осуществлялось в ходе серии специально организованных перцептивных экспериментов. В ходе исследования были выявлены информативно значимые участки интонационной кривой, которые позволяют слушающему оценить высказывание как нейтральное или эмоционально окрашенное. Была также показана зависимость восприятия некоторых эмоционально-модельных значений от формы интонационного контура и других акустических параметров. Результаты сопоставительного анализа дают основание говорить о том, что сходные интонационные модели могут иметь разные значения во французском и русском языках, что необходимо принимать во внимание не только при фонетическом описании используемых в речи интонационных единиц, но и при анализе прагматического аспекта высказывания в условиях языкового контакта.

The intonational arrangement of an utterance is an inherent part of the language system. A comparison of the descriptions of intonational models proposed in contemporary theoretical literature demonstrates that a common trait of the Russian and French languages is the presence of synonymous intonational constructions [7; 12]. One more universal is the use of some acoustic means modifying the intonational contour, perceived as neutral, and

making it possible to convey emotional and evaluative meanings [16]. Nevertheless, the number of possible versions of melodic arrangement and their variety seem to be unique for each language [5].

Intonational constructions of the Russian language and the emotional and evaluative meanings that can be conveyed by means of these contours are characterized in Bryzgunova's works [2]. The nomenclature of intonation models for the French language was first established by Delattre [4, p. 1 - 14]. Delattre's system was taken as a basis for the majority of later studies of French intonation [1; 3; 6; 11]. This list includes a special contour called "*implication*", which is characterized by the ascending-descending tone movement and is associated with the expression of additional emphatic meanings. All other intonational constructions are bound to a particular syntactic utterance type. It should be noted that works devoted to the intonational characteristics of French utterances show only the general direction of melodic changes and do not take into account the variability of intonational contours [9]. Moreover, it is not evident which intonational constructions in French can have emotional and evaluative meanings and stylistic variations, just as it happens in Russian. Thus, the determination of the borders of variation of intonation contours in the French language will make it possible to reveal the universal and specific features of the intonational arrangement of utterances in Russian and French. Besides, the specifics of the perception of the intonational arrangement of statements of different syntactic types should be highlighted. Special perceptual experiments are needed to determine the intonational features of those utterances that native speakers evaluate as "neutral". One more important task is to determine the intonational characteristics that can be correlated with additional emotional and modal meanings.

To solve the above-mentioned tasks, a series of experimental and phonetic studies was carried out together with the students of the Department of General and Applied Phonetics of St. Petersburg State University. The corpus of experimental material included freely available podcasts, audio tracks of contemporary French films, recordings of study guides. The total duration amounted to more than 55 hours of audio recordings. A total of 559 interrogative utterances were examined. French interrogative sentences of different syntactic organizations were analyzed: 1) special questions with a question word at the beginning of the sentence and the construction *est-ce que*; 2) special questions with a direct order of the subject and predicate and a question word at the end of the utterance; 3) special questions with direct word order and a question word at the beginning of the sentence.

The results of this study make it possible to distinguish different types of intonational patterns in French special questions [10]. It was demonstrated that the French speakers use

the traditionally recommended model with the descending tone movement [8; 4, p. 1 - 14] as well as the other models (with the even or the ascending tones). Besides, a more detailed description should also be provided in the case of the realization of descending melodic contours. Thus, for utterances with a question word at the beginning of the sentence and a direct order of the subject and predicate, the variant of melodic arrangement with a descending tone movement was observed in 82% of cases [13]. However, the variability of melodic changes within the group of descending contours turned out to be more significant than it follows from the descriptions found in methodological and theoretical literature. The study of the intonational arrangement of interrogative sentences of this syntactic type shows that, apparently, not only the direction of tone movement from the beginning to the end of the utterance should be taken into account, as in Delattre's classification, but also the intonational arrangement of individual sections of the utterance. It seems possible to distinguish the informatively significant sections of the intonation curve. These include the section of the interrogative word, as well as the final syllable(s) of the sentence. Besides, one can bring up the question of the association of these melodic changes with the perception of additional modal meanings and various emotional connotations of the utterance.

Phonologically significant intonational differences should be determined only when referring to the perception of native speakers. To identify the emphatic or modal meanings attributed to a particular utterance, a series of perceptual experiments was organized. The results of the perceptual analysis made it possible to draw the following preliminary conclusions. First, it can be stated that the evaluation of the speaker's degree of interest in the subject of conversation is associated with the nature of the melodic arrangement of the last stressed syllable or the last two syllables of the utterance. The listeners associated the intensive rise on the stressed syllable with the expression of "amiability" and "interest". When the intonation of the stressed syllable of the resynthesized questions changed from sharply rising to flat or falling, participants in the perceptual experiment noted "indifference" in the speaker's voice, and the communication environment was generally characterized as "cold, unfriendly". Second, a correlation was found between the shape of the melodic curve and the perception of certain emotions. Above all, it should be noted that the appearance of additional evaluations in the listeners' responses can be associated with the irregularity of the intonation contour. In such utterances, the participants in the perceptual experiment noted the presence of negative emotions: "irritation", "exactingness", and "fear". Third, the data obtained make it possible to speak about the impact of other acoustic parameters on the evaluation of the utterance as emphatic. First of all, the results of the perceptual analysis demonstrate that a significant factor for perception is the widening

or, on the contrary, narrowing of the variation range of the frequency value of the basic tone within the utterance in general or in its separate sections. For instance, utterances with an interrogative word at the beginning of the sentence and direct word order were evaluated as pronounced with the emotion of “surprise”, when there was an increase in the range of melodic changes on the interrogative word or at the end of the phrase. The recognition of “surprise” was recorded both for phrases with a descending tone movement on the interrogative word and with an upturn in that portion of the utterance. Thus, it is the value of the frequency range of the basic tone, rather than the direction of melodic motion, that appears to be decisive for the perception of the additional meaning of “surprise”. Obviously, in this case, the results of the listening experiment confirm earlier assumptions based on the material of other languages, including Russian, which can testify to the universality of the use of melodic means to convey emphatic meanings. For example, the association of the emotional evaluation with the irregularity and complexity of the melodic contour was noted for the Russian language in the work by Svetozarova [14]. Changes in the range of melodic changes and register values as compared with the neutral realization were also repeatedly noted as a distinctive feature of emotionally colored utterances in different languages [16].

A comparative analysis of the intonation systems of Russian and French shows that some melodic patterns have different meanings in two languages. For example, the presence of the rising-falling tone movement in the interrogative utterance (intonational construction 3 – IC-3 in Bryzgunova's classification [2]) is traditionally considered an inherent feature of the Russian intonational system [15, p. 92]. The experimental data indicate that in the French language, such a contour is used to convey additional emotional meanings. Thus, the set of tones specified by the respondents included “curiosity” and “surprise”; the speaker's tone received such positive emotional assessments as “happy”, “friendly”, “admiring”, and “self-assured”. It can be assumed that the bell-shaped form of the melodic curve on the intonation center is one of the ways of expressing some emotional meanings in French. On the contrary, the IC-3 in Bryzgunova's classification with the similar rising-falling tone movement is characteristic of emotionally neutral utterances in Russian.

List of literature

1. Aubin S. Didactique et méthodologie du rythme du français pour apprenants adultes: Un état des lieux et des perspectives. *Vestnik Za Tuje Jezike*, 2022. 14(1), 177–195. Available at: <https://doi.org/10.4312/vestnik.14.177-195> (Accessed 17 November 2023).
2. Bryzgunova E.A. *Sounds and Intonation of Russian Speech*. Moscow: Russkii yazyk, 1977 (In Russian). 281 p.
3. Dekhissi L., Covenay A. La variation dans l'emploi des interrogatives partielles dans le cinéma de banlieu // Béguelin M.-J., Covenay A., Guryev A. *Interrogatives*. Collection Sciences pour la Communication. Vol. 24. Berne: Peter Lang SA, Editions

- scientifiques internationales, 2018. P. 119 – 152. Available at: [https://www.academia.edu/39768336/L'interrogative en français](https://www.academia.edu/39768336/L'interrogative_en_français) (Accessed 28.01.2021).
4. Delattre P. Les dix intonations de base de français // The French Review. 1966. Vol. 40. No. 1. Pp. 1 – 14.
 5. Delais-Roussarie E., Herment S. Intonation et interprétation des questions: un puzzle pluridimensionnel // Béguelin M.-J., Coveney A., Guryev A. Interrogatives. Collection Sciences pour la Communication. Vol. 24. Berne: Peter Lang SA, Editions scientifiques internationales, 2018. Pp. 51 – 78. Available at: https://www.academia.edu/39768336/Linterrogative_en_français (Accessed 17 November 2023).
 6. Delais-Roussarie E., Brechtje P., Yoo H. Prosodic Units and Intonational Grammar in French: towards a new Approach In Speech Prosody 2020. Available at: https://www.isca-speech.org/archive/SpeechProsody_2020/pdfs/69.pdf (Accessed 17 November 2023).
 7. Efremova M.Yu. Synonymy of intonational constructions in narrative and interrogative sentences // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021 (In Russian). Vol. 11. Pp. 84–97.
 8. Gordina M.V. Phonetics of the French Language. St. Petersburg: Publishing House of S.-Petersburg University, 1997 (In Russian). 304 p.
 9. Hermes A., Bourbon A., Fougeron C. Aging effects on prosodic structuring in French. 2020. Available at https://www.researchgate.net/publication/339473672_Aging_effects_on_prosodic_structuring_in_French (Accessed 17 November 2023).
 10. Kamrysh O.V. To the question of the variability of melodic contours in the modern French language // Teaching a Foreign Language to Students of Higher and Secondary Education Institutions at the Present Stage: Proceedings of the IX All-Russian National Scientific and Methodical Video Conference (with International Participation). Blagoveshchensk: Publishing House of Amur State University, 2021. Pp. 91-97 (In Russian).
 11. Martin Ph. Intonation, structure prosodique et ondes cérébrales, London: ISTE, 2018. 322 p.
 12. Ruber M.M. Intonation constructions in the Russian and French languages // Russian Language Abroad. 1984. No. 4. Pp. 78–82 (In Russian).
 13. Severinova A.A. Intonational Variability of French Special Questions and Specifics of Their Perception. Graduation Thesis. St. Petersburg, 2021 (In Russian). 127 p.
 14. Svetozarova N.D. Intonation System of the Russian Language. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1982 (In Russian). 175 p.
 15. Volskaya N.B. Intonation and language contact: pragmatic aspect of intra- and interlingual interference // XLII International Philological Conference. Selected Works. St. Petersburg State University, 2014. Pp. 85–92 (In Russian).
 16. Yurova I.V. Intonational Universals and the Perception of Emotional and Non-Emotional Intonations (Experimental-Phonetic Study Based on the Material of the French Language). St. Petersburg, 1984 (In Russian). 352 p.

УДК 81.42

Кондрашова В.Н., Шустрова Е.Н. Функционирование прецедентных топонимов в англоязычном юмористическом дискурсе

Кондрашова Вера Николаевна

к. филол. н., доцент, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, СПбГУ, РФ, Санкт-Петербург
v.kondrashova@spbu.ru

Шустрова Елена Николаевна

к. филол. н., старший преподаватель факультета иностранных языков СПбГУ РФ, Санкт-Петербург
elena.shustrova@rambler.ru

Functioning of precedent toponyms in the English-language humorous discourse

Kondrashova (Kozmina) V.N.

Cand.Sci (Philology), Docent, Senior Lecturer of the Department of English Philology and Translation, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Shustrova E.N.

Cand. Sci (Philology). Senior Lecturer of the Faculty of Foreign Languages St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. В статье рассматривается функционирование прецедентных топонимов в оценочно-характеризующей функции в англоязычном юмористическом дискурсе. Исследование, проведенное на материале художественной литературы XX и XXI веков с целью выявления прагматического потенциал топонимов, показало, что они используются чаще всего для юмористической характеристики психологического состояния персонажа, его внешнего облика, уровня образования и социального статуса. Комический эффект в авторских описаниях создается посредством контрастов и несоответствий, создаваемых благодаря ассоциативному потенциалу топонимов. В речи персонажей, как правило, созданию комического эффекта способствует игра слов на основании созвучности топонимов и нарицательных имен существительных.

Ключевые слова: юмористический дискурс; прагматика; топонимы; оценочно-характеризующая функция, языковая игра.

Abstract. The article examines the functioning of precedent toponyms in the evaluative and characterizing function in the English-language humorous discourse. The study conducted on the material of fiction of the 20th and 21st centuries in order to identify the pragmatic potential of toponyms, showed that they are most often used to give a humorous description of the psychological state of a character, his\her appearance, level of education and social status. The comic effect in the author's depiction is created through contrast and inconsistencies created due to the associative potential of toponyms. As a rule, the appearance of a comic effect in the speech of the characters is facilitated by a play on words based on the consonance of toponyms and common nouns.

Key words: humorous discourse; pragmatics; toponyms; evaluative and characterizing function, language play.

Смена научной парадигмы на антропоцентрическую привела к изменению ракурса исследования топонимов. Современные лингвисты все больше уделяют внимание прагматическому аспекту, в частности, роли топонимов в художественном дискурсе. Как отмечает В.А. Ражина, топонимы, используемые в художественных текстах, служат не только для выполнения номинативной функции или создания достоверного фона для описываемых событий, но и для воплощения общего художественного замысла, так как они являются важным характеризующим средством [1, с. 14].

Использование топонимов в оценочно-характеризующей функции в художественном дискурсе определяется как личными предпочтениями писателя, так и жанром произведения [2]. В ряде научных исследований рассматривалось использование топонимов как средства художественной выразительности, создающего комический эффект. К их числу можно отнести каламбуры, возникающие на основе имени существительного, входящего в состав фразеологизма, например *to go to Bedfordshire - bed*. [3, с.96]. Лингвисты также отмечают, что для создания комического эффекта в англоязычной литературе используются прецедентные феномены, среди которых могут быть и прецедентные топонимы [4]. Использование именно прецедентных топонимов для этой цели не становилось, насколько нам известно, предметом отдельного исследования, что обуславливает научную новизну настоящей работы.

Целью статьи является выявление прагматического потенциала прецедентных топонимов, используемых в оценочно-характеризующей функции, в англоязычном юмористическом дискурсе. Материалом исследования послужили художественные произведения XX-XXI веков.

В первую очередь, остановимся на понятии прецедентного топонима подробнее. В качестве дифференциальных признаков топонимов Э. М. Левина выделяет «масштабы географического объекта, значимость» [5]. Если топонимы обозначают населенные пункты, то основанием для прецедентности являются такие критерии как географические характеристики, социальная, экономическая и культурная составляющие [6, с.77]. Многообразные ассоциации, порождаемые прецедентными топонимами в сознании коммуникантов, позволяют использовать их в оценочно-характеризующей функции.

Топонимы могут функционировать в произведениях юмористического жанра, при этом сами по себе не создавая юмористического эффекта. Ярким примером такого функционирования можно считать лимерики, где первая строка, как правило,

заканчивается топонимом, который используются для создания рифмы. Комичность же лимерика достигается благодаря тому, что-либо описываемая ситуация является гротескной, либо в последней строке пятистишия содержится необычная развязка [7, с. 481].

Функционирование топонимов в юмористическом дискурсе имеет свои отличительные черты. В.И. Карасик определяет юмористический дискурс как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [8, с.898]. Эта ситуация характеризуется тремя признаками: 1) стремлением уйти от серьезного разговора 2) юмористической тональностью общения 3) наличием моделей смехового поведения, которые приняты в определенной лингвокультуре [Там же]. Коммуникативное намерение играет важнейшую роль в построении юмористического дискурса.

Использование прецедентных феноменов является одним из приемов создания комического эффекта в произведениях английского писателя П.Г. Вудхауса. Ниже мы рассмотрим реализацию юмористической интенции автора: дать комическое описание, смоделировать комическую коммуникативную неудачу и создать шутливую реплику персонажа. Как показало наше исследование, топонимы нередко используются для передачи психологического состояния персонажа. Довольно часто этой цели служит сочетание прецедентных топонимов и антропонимов. К прецедентным антропонимам относятся имена известных полководцев, императоров, библейских персонажей. При наличии фоновых знаний именно прецедентный топоним сразу вызывает в сознании читателя определенное историческое событие, и это позволяет представить, какое психологическое состояние могло быть у его участника. *“From time to time, as he paced the tent devoted to the exhibition of vegetables, he might have been seen to bite his lip, and his eye had something of that brooding look which Napoleon's must have worn at **Waterloo**”* [11, с.30]. Так, например, прецедентный топоним Ватерлоо, являющийся символом поражения, помогает охарактеризовать состояние аристократа, тыква которого не получила первое место на сельскохозяйственной выставке. Комический эффект создается благодаря контрасту между причинами, вызвавшими это состояние у персонажа и знаменитого французского полководца.

Для описания характера персонажа может использоваться и непосредственно сравнение с топонимом. *“Nervous and imaginative men, meeting Beach, braced themselves, involuntarily, stiffening their muscles for the explosion. Those who had the pleasure of more intimate acquaintance with him soon passed this stage, just as people whose homes are on the slopes of **Mount Vesuvius** become immune to fear of eruptions”*

[12]. Описывая вспыльчивость дворецкого в замке Блэндингс, Вудхаус сравнивает вспышки гнева с извержением вулкана Везувия. Ороним *Vesuvius* вызывает ассоциацию со стихийным бедствием, гибелью городов Помпеи и Геркуланума. Аллюзии на события истории Древнего мира – это один из приемов создания комического у Вудхауса.

Для характеристики физических параметров объекта также могут использоваться прецедентные топонимы в сочетании с антропонимами. *“Isn't there a sofa downstairs?” “There is. Noah's. He brought it ashore on **Mount Ararat**. I shall be better off in the car”* [13]. В этом примере Берти Вустер, желая сказать, что диван очень старый, шутливо говорит, что диван принадлежал Ною и был на горе Арарат. Это аллюзия к всемирному потопу, описанному в Библии. Структура прецедентного имени Арарат, как отмечает Э.А. Левина, содержит инвариантную ядерную часть «колыбель человечества [5, с. 117]. Использование топонима в данном примере можно считать гиперболой.

Автор может, прибегая к карикатурным стратегиям, использовать топонимы в речи самих персонажей для создания образа невежественного литературного героя. В частности, для характеристики уровня образования, писатели показывают отсутствие фоновых знаний у персонажа при помощи моделирования коммуникативных неудач.

В следующем примере для этой цели используется топоним, похожий по звучанию на имя существительное. *“You see, we married so suddenly. When we married, Bill was in **Yale**.” “Good God! What for?” “Not jail, silly. **Yale**. The university.” “Oh, ah, yes”* [14, с.66]. Отсутствие энциклопедических знаний у персонажа проявляется в том, что он принял Йельский университет за тюрьму, так как *Yale* и *jail*, хотя и не являются омофонами, но несколько похожи по звучанию.

Писатель использует одинаковые названия городов, расположенных в разных частях света, чтобы показать плохое знание истории и географии. *“A scarab boasting **Memphis**. It's my home town.” “I think it possible that some other **Memphis** was alluded to.” “There isn't any other except the one in Tennessee,” <...> [12].* Рассуждая о жуках-скарабеех, герой произведения упоминает город Мемфис, находившийся в Древнем Египте. Однако его невежественный собеседник знает только Мемфис, расположенный в штате Теннесси и не верит в возможность существования другого города с таким названием.

Подобный прием создания комического эффекта также встречался и в более современных произведениях. Источником коммуникативной неудачи может быть омонимия двух имен собственных. *“Those pants are beautiful. Where'd you get them?”*

*Sharleen asked. "I had them made. They're from **Florence**," Lila said. <...> "Maybe you'll give me Florence's phone number," Sharleen said. "I'd like her to make me a pair, too."* [15, с. 312]. В настоящем микродиалоге коммуникативная неудача возникает из-за омонимии города *Florence* в Италии и женского имени *Florence*. В результате малообразованная девушка думает, что Флоренция – это имя портнихи, а не город, в котором собеседница приобрела одежду.

Комический эффект возникает не только в юмористических произведениях, но и в художественном дискурсе, когда один из персонажей стремится реализовать в диалоге юмористическую интенцию. Шутка - реплика героя художественного произведения представляет собой аналогию простейшего комического жанра шутки [9, с.9-10]. Как показывает наш материал, в речи персонажей топонимы чаще всего используются для создания языковой игры, под которой вслед за И.В. Цикушевой мы понимаем «осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [10, с.170]. Потенциал топонима для языковой игры в большой степени зависит от наличия определенной связи с апеллятивом.

Как отмечает В.И.Красик, юмористическая интенция с позиции отправителя речи определяется типом личности и сферой общения [8, с. 899]. В следующем примере прецедентный топоним используется для подтрунивания и определяется типом личности коммуниканта. *"I'm from **Scotland Yard**," Teal almost shouted. "Where the Highlanders hang out their washings," Simon explained* [16, с. 121]. В настоящем примере обыгрывается название штаб-квартиры Лондонской полиции *Scotland Yard*. Существительное *yard* обозначает «двор». Герой произведения подтрунивает над незадачливым полицейским, которого ему не раз удавалось провести. Буквально интерпретируя значение *yard* как нарицательного существительного, персонаж сообщает, что там шотландские горцы вывешивают свое белье, что явно не соответствует роду деятельности полицейских.

Рассмотрим другие примеры, в которых юмористическая интенция определяется сферой дружеского общения. Существует ряд урбанонимов, который ассоциируются с престижем и финансовым успехом, как правило, это годонимы. Они часто используются для характеристики социального статуса персонажа. В следующем примере обсуждается изменение карьеры главной героини, которая решила уйти из банка и заняться ландшафтным дизайном. *"So you are going from hedge funds to herbaceous borders." "I am." "From shares to ... scented stocks. From **Wall Street** – to wallflowers<...>"* [17] Характеристика новой деятельности девушки

строится на игре слов. Годоним *Wall Street* – это улица, на которой расположена фондовая биржа Нью-Йорка. Существительное *Wallflower* – это не только девушка, не пользующаяся успехом, но и растение желтофиоль. Существительное *wall*, входит и в имя собственное, и в имя нарицательное, но вызывает совершенно разные ассоциации, именно этот контраст и создает юмористический эффект.

Языковая игра позволяет передавать оценку в косвенной форме “*Wait, wait. I’m getting a mental picture of these people. ”American Gothic!*” *Doug tossed out. “No, Beverly Hillbillies!” Elaine said* [18]. *Beverly Hills* – название фешенебельного района Лос-Анджелеса, являющегося символом успеха. *Hillbilly* – это существительное, отличающееся пейоративной окраской и означающее «деревенщину», неотесанного человека. Замена *Hills* на *Hillbillies* в результате словообразовательной языковой игры позволяет передать пейоративную окраску в косвенной форме.

Топонимы могут в шутливой форме передавать и положительную оценку внешности человека. “*What did you expect them to be?*” *Darcy asked. “Oh, you know. The usual **silicone valleys**” Christian grinned* [19, с. 433]. Топоним *Silicon Valley* (Кремниевая долина) – это регион в Северной Калифорнии, который воспринимается многими как символ технического прогресса. Существительное *silicone*, означающее силикон, используемый для пластических операций, очень похож по звучанию на кремний. Эта сходство звучания используется для языковой игры. Молодого человека удивила естественная красота девушки, которая не прибегала к услугам пластического хирурга, как это обычно делают многие актрисы. Игра с топонимом позволяет выразить смысл в косвенной форме.

Топонимы также могут использоваться и для косвенного выражения положительной оценки объекта. “*We finally arrived outside a huge set of black wrought-iron gates embellished with a stylised metal guitar. “Very **Graceland**,” Lee quipped*” [20, с. 281]. Усадьба *Graceland* в Мемфисе, принадлежавшая Элвису Пресли, является местом поклонения для любителей творчества певца. Оценка, содержащая этот урбаноним, с одной стороны сравнивает внешний вид ограды особняка с оградой знаменитого здания, а с другой стороны косвенно подчеркивает его изящество, так как *grace* в английском языке обозначает изящество.

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что чаще всего прецедентные топонимы используются в англоязычном юмористическом дискурсе для выражения характеристики (оценки) в авторском описании, через речь персонажа или в речи самого персонажа. Характеристика может относиться к

психологическому состоянию, внешнему виду, социальному статусу или уровню образования. Писатели используют ассоциативный потенциал топонима с целью показать комические контрасты и противоречия, создать сравнения и гиперболы. Одним из приемов, характеризующих уровень образования персонажей, является моделирование комических коммуникативных неудач, в которых раскрывается незнание персонажами культурно значимым топонимов.

Для реализации юмористической интенции в речи персонажей прецедентные топонимы часто служат для создания языковой игры, в основе которой может лежать словообразование на основе топонимов, манипулирование топонимами, фонетическое звучание которых совпадает или похоже на нарицательные имена существительные. Для создания языковой игры важным является не только то, что топоним является прецедентным, но и наличие определенной связи с апеллятивом, на основании которого он образован или фонетическая близость звучания с нарицательными именами существительными. Подобная языковая игра позволяет выразить положительную или отрицательную оценку косвенно.

Подводя итог, можно отметить, что использование топонимов в юмористических произведениях или микродиалогах, отличающихся юмористической тональностью, позволяет дать более образную характеристику героя произведения, показать невежество или остроумие литературных персонажей.

Список литературы

1. Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: автореф... к. дисс. Краснодар, 2007. 19с.
2. Кондрашова В.Н. Шустрова Е.Н. Оценочно-характеризующая функция топонимов в англоязычной жанровой литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Том 14. Вып.10. С. 3094-3099.
3. Хохлова В.А. Фразеологические единицы с топонимическим компонентом в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект: Дисс...канд. филол. наук. Донецк, 2017. 234 с.
4. Широких Е.А. Прецедентные феномены в англоязычном юмористическом дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т, 25. Вып. 3. С.145-149.
5. Левина Э.М. Может ли топоним быть прецедентным? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58) С.115-119.
6. Терещенко А.В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // Вестник ТПГУ. № 11. (76). 2016. С.76-84.
7. Заюкова И.В. Лимерик как жанр английской поэзии абсурда в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2022. Том 15. Вып.2. С. 479-483.

8. Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // Russian Journal of Linguistics 2018. Vol. 22, № 4. P.895-918.
9. Щурина Ю.В. Шутка как речевой жанр: автореф... к. дисс. Красноярск, 1997. 24 с.
10. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена 2009. № 90. – С. 169–171.
11. Список источников
12. Wodehouse P.G. Blandings Castle and Elsewhere. Harmondsworth: Penguin Books 1975. 257p.
13. Wodehouse P.G. Something New. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/2042/pg2042-images.html> (дата обращения: 10.11.2023).
14. Wodehouse P.G. Thank You, Jeeves. URL: https://onlinereadfreenovel.com/p-g-wodehouse/44439-thank_you_jeeves__read.html (дата обращения: 10.11.2023).
15. Wodehouse P.G. Indiscretions of Archie. Harmondsworth: Penguin Books. 1977. 223 p.
16. Goldsmith O. Flavour of the Month. New York: Pocket Books: Simon and Schuster, 1994.
17. Charteris L. The Saint in London: Pan Books, 1999. 240p.
18. Wolff I. Forget Me Not. URL: <https://www.litres.ru/book/isabel-wolff/forget-me-not-39784793/> (дата обращения: 15.08.2023).
19. Gerritsen T. Ice Cold. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/tess-gerritsen/pdf-epub-ice-cold-rizzoli-and-isles-8-download-26845199007/?id=000746280227> (дата обращения: 15.11.2023).
20. Holden W. Beautiful People. London: Headline Review, 2009. 695 p.
21. Dixon C. Crystal Clear. London: Little Black Dress, 2010. 320p.

УДК 81.42

Ощепкова Н. А., Комарова П. Е. Способы перевода культурологических реалий в англоязычном политическом тексте

Ощепкова Наталья Анатольевна

канд. филол. н., доцент кафедры английского языка
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, РФ, г. Калуга
OschepkovaNA@tksu.ru

Комарова Полина Евгеньевна

студент, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
РФ, г. Калуга
KomarovaPE@studklg.ru

Methods of translating cultural realities in an English-language political text

Oshchepkova Natalia Anatolievna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of English Language department
Kaluga State University, Russia, Kaluga

Komarova Polina Evgenievna

Student of linguistics department, Kaluga State University, Russia, Kaluga

Аннотация. В данной статье описываются методы и стратегии перевода культурологических реалий в контексте англоязычного политического дискурса в средствах массовой информации. Рассматриваются понятия дискурса и текста, дается определение политического текста и его основные характеристики. Культурологические реалии политического дискурса требуют сохранения аутентичности и смысла оригинала в процессе перевода. Автор предоставляет анализ различных методов перевода, таких как транслитерация, калькирование, адаптация и компенсация, исследуя их эффективность в передаче культурных особенностей. Особое внимание уделено практическим примерам из англоязычных политических текстов, включая заявления политиков, аналитические статьи и комментарии в СМИ. В статье выяснены особенности адаптации культурных элементов с целью сохранения точности и целостности информации, устранения культурных барьеров и обеспечения адекватного восприятия политической информации в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: реалии, политический дискурс, политический текст, транслитерация, калькирование, адаптация и компенсация

Abstract. The article describes methods and strategies of translating cultural realities in the context of English-language political discourse in the media. The concepts of discourse and text are considered, the definition of a political text and its main characteristics are given. The culturological realities of political discourse require preserving the authenticity and meaning of the original in the translation process. The author provides an analysis of various translation methods, such as transliteration, calculus, adaptation and compensation, investigating their effectiveness in the translations of cultural features. Particular attention is paid to the examples from English-language political texts, including statements of the statesmen, analytical articles and comments in the media. The article clarifies the features

of adapting cultural elements to preserve the accuracy and integrity of information, eliminate cultural barriers and ensure adequate perception of political information in various cultural contexts.

Keywords: realities, political discourse, political text, transliteration, calculation, adaptation and compensation

В эпоху стремительных изменений на политической арене вопрос перевода реалий в текстах средств массовой информации приобретает особую актуальность. Это объясняется тем, что с увеличением взаимодействия между различными культурами и языками возрастает необходимость в обеспечении понимания информации в разноязычных обществах. Данное исследование посвящено приемам, используемым переводчиками при передаче языковых и культурных тонкостей и нюансов, сопутствующих политическим событиям.

Рассмотрим понятие и сущность политического дискурса, поскольку понимание рассматриваемого дискурса важно для дальнейшего анализа. Вопрос о типологии дискурса остается открытым как в рамках собственно дискурсивного анализа, так и раздела современного языкознания в целом. Само по себе понятие дискурс – это широкий термин, используемый для обозначения системы связанных между собой текстов, которые формируют определенный способ мышления в рамках отдельной социокультурной области.

Е.И. Шейгал рассматривает дискурс как «совокупность дискурсивных событий, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [1, с. 12].

Изучая политический дискурс, Е.И. Шейгал отмечает, что «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [1, с. 18].

Из этого следует, что политический дискурс и политическая коммуникация тождественны по своей природе. А. Н. Баранов отмечает, что политическим языком является система знаков, суть которой заключается в политической коммуникации, а задачи состоят в «выработке общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений» [2].

Политический дискурс представляет контекст для политического текста, что позволяет учесть культурные и языковые особенности, которые могут повлиять на интерпретацию сообщения при переводе.

Информационные политические тексты играют значительную роль в освещении происходящего в отдельной стране и во всем мире, способствуют формированию общественного мнения и пониманию мировых политических событий. Политический текст представляет собой «текст, в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории» [3, с. 15].

Как отмечает А.П. Чудинов, «современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами» [4, с. 62], вследствие чего такой текст насыщен безэквивалентной лексикой, различного рода аллюзиями, метафорами, которые обогащают содержание. Текст, проявляющий себя в разнообразии «прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вводит текущие события в общеисторический и культурный контекст» [4, с. 62].

К таким лингвокультурным знакам относятся реалии – «это слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [5, с. 53].

Реалии являются важным инструментом коммуникации, поскольку они подчеркивают идентичность и уникальные особенности культуры, к которой они относятся. Однако культура представляет собой разнообразные компоненты, которые формируют основу и характер определенного общества. Она включает в себя: религиозные верования, творческое выражение культуры, традиции и обычаи, мировоззрение, социальные структуры и так далее. Поскольку реалии представляют целый спектр культурных элементов, то возникает потребность в их классификации для дальнейшего анализа и понимания. Таким образом, типология реалий является инструментом для более глубокого изучения многообразия культурологических особенностей мира.

В рамках политического дискурса реалии могут отображать особенности политического языка, институциональные термины, исторические отсылки, что может представлять особую сложность для реципиента, и «полное восприятие

возможно только с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры» [4, с. 62].

Переводчик, как посредник между культурами, сталкивается с необходимостью выбора наилучшей стратегии для передачи реалий исходного языка на переводящий язык. Это требует тщательного подхода к переводу и глубокого знания обеих культур, чтобы сохранить смысл и эмоциональную окраску оригинала [6].

Возможные технологии передачи реалий включают транскрипцию и перевод. [7, с. 87]. К способам перевода относятся: введение неологизма (калька, полукалька, освоение реалии, семантический неологизм; приблизительный перевод (родовидовая замена, функциональный аналог, описание, объяснение, толкование), контекстуальный перевод [7, сс. 87–92].

Выбор стратегии перевода реалий в политическом дискурсе зависит от различных факторов: 1) политического контекста, поскольку перевод требует понимания политических особенностей и конкретного текста; 2) обилия идеологических элементов; 3) характера аудитории; 4) наличия эквивалента реалии в языке перевода; 5) специфики текста и его жанровой принадлежности; 6) социокультурного контекста.

Для иллюстрации перевода культурологических реалий рассмотрим примеры из англоязычных медиа источников и их официальный перевод, содержащие культурологические реалии.

On November 7, 2023, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan Gayrat Fozilov and U.S. Department of State Bureau of South and Central Asian Affairs Assistant Secretary Donald Lu led in Tashkent the third session of the Strategic Partnership Dialogue (SPD) between Uzbekistan and the United States. – 7 ноября 2023 года Заместитель Министра иностранных дел Республики Узбекистан Гайрат Фозилов и Помощник Государственного секретаря США в Бюро по делам Южной и Центральной Азии Дональд Лу провели в Ташкенте третью сессию Диалога о стратегическом партнерстве (ДСП) между Узбекистаном и Соединенными Штатами. [8]

Согласно классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина в данном примере представлены общественно-политические реалии по принципу предметного деления. *Deputy Minister of Foreign Affairs* – представляет собой реалию группы «органы и носители власти», а именно должностное лицо (носителя власти). На русский язык реалия передается путем калькирования *Заместитель Министра иностранных дел. Assistant Secretary* также представляет собой реалию группы «органы и носители

власти». Данное словосочетание передается методом подбора функционального аналога *Помощник Государственного секретаря США*, поскольку важно адаптировать элемент англоязычной культуры к русскоязычной для достижения эквивалентности на языке перевода. Общественно-политическая реалья *U.S. Department of State Bureau of South and Central Asian Affairs* представляет институт власти (орган власти), которая была передана калькированием с перераспределением элементов синтаксической структуры *Бюро по делам Южной и Центральной Азии*. Исходя из выбранной классификации, *the Strategic Partnership Dialogue (SPD)* также относится к группе общественно-политических реалий, но представляет другую подгруппу – общественно-политическую жизнь (политическую деятельность). Для адаптации англоязычной реалии, которая представляет собой трехкомпонентное препозитивное словосочетание, переводчик применил калькирование с перестановкой его компонентов – *Диалога о стратегическом партнерстве (ДСП)* для достижения узувального соответствия нормам ПЯ. Вышеуказанные реалии также относятся к группе внутренних реалий в плоскости пары языков, поскольку для англоязычной культуры они являются «своими», в то время как для русскоязычной культуры, они представляют пласт «чужой» лексики.

Statement from National Security Advisor Jake Sullivan on the Appointment of David Satterfield as Special Envoy for Middle East Humanitarian Issues. – *Заявление Советника Президента США по национальной безопасности Джейка Салливана о назначении Дэвида Саттерфилда Специальным посланником по гуманитарным вопросам на Ближнем Востоке* [8].

В данном примере реалии относятся к группе общественно-политических реалий по принципу предметного деления. *National Security Advisor* – реалья подгруппы носители власти. Переводчик употребляет в переводе следующий вариант: *Советника Президента США по национальной безопасности*, что относится к типу приблизительного перевода, основанного на принципе родовидовой замены. Содержание элемента англоязычной реалии *National* с широким значением передано русскоязычной единицей с более узким значением «советник *Президента США*». Такой выбор можно объяснить интенцией переводчика достигнуть адекватности передачи смысла содержания. Следующая реалья из этого примера *Special Envoy for Middle East Humanitarian Issues* также относится к подгруппе носители власти. Несмотря на принадлежность к одной группе, данная реалья передана методом дословного перевода (калькированием): *Специальным посланником по гуманитарным вопросам на Ближнем Востоке*. Однако при

дословном переводе был изменен порядок слов в соответствии с узуальными нормами переводящего языка. Вышеуказанные реалии можно отнести к группе внутренних реалий в плоскости пары языков, поскольку в составе членов Совета Безопасности Российской Федерации такое должностное лицо отсутствует.

On World Freedom Day, we remember that the hammer blow that brought down the Berlin Wall and the might that lifted the Iron Curtain were not sparked by the words of any single leader – it was the people of Europe who spent decades fighting to free themselves and defend democracy. – Во Всемирный день свободы мы вспоминаем, что удар молота, обрушивший Берлинскую стену, и мощь, поднявшая железный занавес, были вызваны не словами какого-либо отдельного лидера, а волей народов Европы, которые десятилетиями боролись за свое освобождение и защиту демократии [8].

Первая реалия, представленная в этом примере, *World Freedom Day* относится к группе этнографических реалий, к подгруппе искусство и культура (элемент данной подгруппы – праздник). Согласно местному делению, реалия относится к группе внутренних реалий в плоскости пары языков. Для англоязычной публики понимание содержания реалии не вызывает затруднений, поскольку представляет федеральный праздник Соединенных Штатов, в то время как для русскоговорящего населения этот праздник является элементом иностранной культуры. При передачи внутренней реалии в систему ПЯ применили метод калькирования. Следующую реалию *the Berlin Wall* также стоит рассмотреть в плоскости пары языков. Она входит в группу внешних реалий, поскольку в этой группе представлены реалии, которые не свойственны исходному и переводящему языкам. Согласно предметному принципу деления: реалия *the Berlin Wall* относится к подгруппе административно-территориального устройства. Исходя из того, что *the Berlin Wall* представляет собой историческую реалию согласно временному принципу деления, она известна широкой аудитории и представителям обеих культур. Методом перевода реалии *the Berlin Wall* является подбор функционального аналога.

Remarks by Ambassador Linda Thomas-Greenfield at a UNSC Stakeout with Evan Gershkovich's Family to Discuss Wrongful Detentions in Russia – Выступление Посла Томас-Гринфилд на пресс-брифинге в Совете Безопасности ООН с участием семьи Эвана Гершковича для обсуждения неправомерного удержания лиц под стражей в России [8].

Первая реалия, представленная в этом примере *Ambassador* относится к группе общественно-политических реалий, подгруппе – носители власти по принципу

предметного деления. Посол – это дипломатический представитель высшего ранга», который представляет интересы одного государства в другом. В современном мире понимание содержания данной реалии не вызывает затруднений, кроме того, эквивалент этой реалии существует в различных языках. Таким образом, при переводе использован функциональный аналог. Реалия *a UNSC Stakeout* в этом примере может вызвать затруднения, поскольку в ее составе аббревиатура. Данное словосочетание относится к группе общественно-политических реалий, к подгруппе общественно-политической жизни. Прежде чем выбрать стратегию перевода, стоит детально изучить состав реалии. Аббревиатура *UNSC* состоит из четырех структурно-семантических единиц – *United Nations Security Council*, что переводится как *Совет Безопасности ООН*. Второй элемент реалии *Stakeout* представляет собой полисемантическое слово, при переводе которого необходимо учитывать жанровую принадлежность текста и его специфику (контекст). Благодаря экстралингвистическому контексту, где речь идет о месте действия, переводчик принял решение интерпретировать слово *Stakeout* как *пресс-брифинг*. Конечным методом перевода стал контекстуальный перевод: *на пресс-брифинге в Совете Безопасности ООН*, поскольку он обеспечивает точность и адекватность передачи информации в соответствии с конкретными особенностями текста [8].

Today, we celebrate the United Nations International Day of the World's Indigenous Peoples. — Сегодня мы отмечаем Международный день коренных народов мира, учрежденный Организацией Объединенных Наций [8].

Реалия в этом примере представляет собой многокомпонентное словосочетание, перевод которого требует анализа каждого компонента. Первый многокомпонентный элемент реалии – *International Day of the World's Indigenous Peoples*, который относится к группе этнографических реалий, к подгруппе искусство и культура (элемент данной подгруппы – праздник). Выбор переводчика пал на метод калькирования с перестановкой семантических структур. Такой выбор позволил сохранить смысл оригинала и адаптировать его к языковым особенностям переводящего языка. Второй элемент *the United Nations* представляет группу общественно-политических реалий, подгруппу – органы власти по принципу предметного деления. При переводе выбор пал на подбор функционального аналога, поскольку позволяет сохранить схожесть в восприятии текста как на языке исходного текста, так и на языке перевода.

Таким образом, в процессе исследования мы пришли к выводу о том, что переводчик в процессе передачи культурологической реалии использует различные

методы в зависимости от особенностей каждого компонента реалии, стремясь обеспечить адекватность и сохранение смысла в переводе. Выбор стратегии перевода реалий (калька, освоение реалии, неологизм, приблизительный перевод, подбор аналога или контекстуальный перевод) требует баланса между сохранением особенностей оригинала и адаптацией к культурно-языковым особенностям культуры переводящего языка.

Список литературы

1. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
2. Нейман В. Н. Стратегии убеждения в предвыборном дискурсе политиков Российской Федерации и Чешской Республики / В. Н. Нейман // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. №8 – (122). – Режим доступа: [<https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.6>] (дата обращения: 05.11.2023).
3. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: учебное пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2020. – 384 с.
4. Чудинов А.П, Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2023. 8 изд-е, перераб. и доп. – 256 с.
5. Верещагин, Е. М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. М.: Международные отношения, 2023. – 240 с.
7. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Р. Валент, 2006. – 448 с.
8. Joint Statement on the United States-Uzbekistan Strategic Partnership Dialogue. Режим доступа: [<https://www.state.gov/joint-statement-on-the-united-states-uzbekistan-strategic-partnership-dialogue-2/>] (дата обращения 02.11.2023)

УДК 80

Шеремета Е.И. Взаимосвязь философии с лингвистикой

Шеремета Екатерина Ивановна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
ФГАУ ВО «Севастопольский государственный университет», РФ г. Севастополь
kosova945@mail.ru

Philosophy and its relation to linguistics

Sheremeta Ekaterina Ivanovna

Senior teacher of the Department of "Foreign Languages"
Of the Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. В данной статье рассмотрены различные подходы к изучению взаимосвязи философии и лингвистики. Проанализированы различные степени взаимодействия философии с такой отраслью гуманитарного знания, как лингвистика, выявлены их характерные свойства и отличительные особенности.

Ключевые слова: язык, лингвистический поворот, лингвистическая философия, семантика, грамматика.

Abstract. The article substantiates various approaches to the study of philosophy and its relation to linguistics. The various degrees of interaction of philosophy with such branches of humanitarian knowledge as linguistics are analyzed, their characteristic properties and distinctive features are revealed.

Keywords: language, linguistic turn, linguistic philosophy, semantics, grammar.

Одной из самых отличительных особенностей человечества является использование форм языка в качестве средства общения, а языковые явления затрагивают множество фундаментальных философских вопросов. Как, например, системы звуков и видимых знаков могут представлять мир? Как язык соотносится с мышлением и как нам лучше всего понять многообразие применений языка? Некоторые вопросы философии языка пересекаются с логическими вопросами и теми, которые изучаются в рамках лингвистики, в то время как некоторые взаимодействуют с философией разума и психологией; а другие относятся, скажем, к тому, как использование языка может отражать политические обязательства и воздействовать на социальные реалии.

Люди изучают философию уже около 3000 лет, и ее первоначальные вопросы до сих пор обсуждают ведущие умы. Философы считают, что способность задавать вопросы и критически мыслить о мире является важным навыком, который в настоящее время все больше признается многими ведущими работодателями.

Лингвистика - это изучение естественного языка. Он охватывает изучение структуры языка (грамматика), изучение значения (семантика) и социальных функций языка (социолингвистика) [1, с. 29].

В течение первой половины нынешнего века ряд выдающихся философов осознали, что теорию языка можно с пользой рассматривать как нечто большее, чем просто средство изучения одной из многих человеческих способностей или просто оттачивание инструмента, который мы используем для философствования, — они поняли, что в некотором смысле философия языка включает в себя (почти) всю философию. Это был знаменитый лингвистический поворот: философы пришли к выводу, что все, что есть, существует в каком-то смысле посредством языка, и что изучать то, что есть, означает изучать, что означают наши слова.

Загадка отношений языка и мира была поставлена в центр философских дискуссий в начале этого века Готтлобом Фреге, Бертраном Расселом, Людвигом Вингештейном, Джоном Остином и другими. Их первоначальная точка зрения заключалась в том, что мы не можем принимать репрезентативные способности языка за чистую монету, что для того, чтобы трактовать вещи - а это невозможно сделать иначе, как с помощью слов, - мы должны прежде всего трактовать слова и убедиться, какие из них на самом деле нужны. способный обращаться с вещами [1, 368-375].

Поворот к лингвистической философии привел внимание к решению философских проблем через понимание языка, который мы используем для их выражения.

Философия языка – это поле, в котором обсуждаются философские вопросы о языке и где понятие языка, языковая способность и язык, которым мы говорим, рассматриваются философски. В отличие от лингвистики, философия языка рассматривает все языки как один и ищет среди них общее. Начиная с наблюдения за языковыми фактами, лингвистика фокусируется на различиях между отдельными естественными языками, вопреки философии языка, целью которого является то, что во всех одинакова.

Например, аргумент о том, что общей особенностью всех языков является то, что они разделяют различие предмета и предикат, что является одним из ключевых вопросов рассмотрением которого и занимается философии языка. Философия языка поле, в котором философские вопросы о структуре языка, значения терминов и предложений, отношения между языком и миром, язык и мышление, использование языка и общение посредством языка обсуждаются.

Когда мы смотрим на различие между лингвистической философией до и после лингвистического поворота ясно, что до поворота язык был главной темой для дискуссий философов. В свою очередь, язык был предметом обсуждения только в том случае, если это было необходимо, когда поиск ответов на эпистемологические или онтологические вопросы продолжается. До Готтлоба Фреге, систематической теории языка не существовало, поскольку язык был не в основе аргумента, но был второстепенным элементом для цели найти поддержку для другого основного предмета. Для Платона язык был созерцанием для понимания природы бытия, о котором мы говорим. Для Рене Декарта важно было понять язык, как способность человека комментировать природу человека. Для Джона Локка, обсуждение слов было существенным для его теорий о эпистеме.

Однако после лингвистического поворота под предводительством Готтлоба Фреге и Бертрана Рассела в начале 20 века язык был в центре внимания и являлся главным предметом философского рассмотрения.

Главной целью оказалось трактовка концепции языка в различных измерениях, таких как синтаксические, семантические или прагматичный вопросы о способности человека использовать и развивать язык. Утверждалось, что только после единства концепции язык продолжает существовать и развиваться. Взаимосвязь между языковыми способностями и способностью думать была проблемой для любопытных умов [5, с. 224].

Возможно ли, чтобы люди могли мыслить, — вопрос, который озадачил разум на века. Отношения, установленные человеком между миром и его мыслями независимо от их содержания, созданные средствами языка — является предметом исследования философии и языка в целом. Однако, после лингвистического поворота философы утверждали, что, как только язык будет понят в глубине, станет возможным найти ответы на многие философские вопросы.

На протяжении всей истории философии рассуждения о языке уступали место появлению новых и основных терминов, связанных с понятием языка.

Слова и предложения, образованные сочетанием слов, имеют важное значение, для философии языка. После философского анализа предложения, были выявлены части предложения, которые называются термины. Возьмем предложение «Отель через дорогу очень популярный». Он состоит из двух терминов, один из которых — «отель через дорогу», а другой «очень популярен». Первый термин в примере предложения подлежащее, второй - сказуемое. Таким образом, пример предложения состоит из двух терминов в форме подлежащего и сказуемого. Часто, термины в

позиции субъекта являются именами собственными, такими как «Платон» или «Аристотель». В некоторых случаях местоимения типа «он», «они» или описательные такие фразы, как «девушка в красном пальто», являются терминами, которые появляются как подлежащее в предложении.

Можно сказать, что предложения носят не фактический, а лингвистический характер, т. е. они не описывают поведение физических или даже психических объектов; они выражают определения или формальные следствия определений.

Поэтому, утверждают сторонники лингвистического поворота, философия может быть не чем иным, как определенным видом анализа языка, «поиском смысла»

Некоторые философы, в том числе Бертран Рассел и ранний Людвиг Витгенштейн, считали, что основная структура языка отражает структуру мира — что из анализа языка философ может уловить важные истины о реальности. Эта так называемая изобразительная теория языка, хотя и влиятельная, обычно отвергается современными философами-аналитиками. Другой важный спор касается того, является ли обыденный язык ущербным, расплывчатым, вводящим в заблуждение и даже иногда противоречивым [3, с. 268].

Таким образом, некоторые философы-аналитики такие как, Гилберт Райт и Скотт Сомс, -предложили построить «идеальный» язык: точный, свободный от двусмысленности и ясный по структуре. Общей моделью такого языка была символическая логика, развитие которой в 20 веке сыграло центральную роль в аналитической философии. Считалось, что идеальный язык разрешит многие традиционные философские споры, возникающие из-за вводящей в заблуждение структуры естественных языков. На другом полюсе Рудольф Карнап и Хилари Патнэм полагали, что многие философские проблемы возникают из-за того, что слишком мало внимания уделяется тому, что люди говорят на повседневном языке о различных ситуациях.

Несмотря на такие разногласия, у философов-аналитиков много общего. Большинство из них, например, концентрировались на определенных философских проблемах, таких как проблема индукции, или исследовали определенные понятия, такие как понятия памяти или личности, не пытаясь построить какие-либо грандиозные метафизические схемы — отношение, которое корни такие же древние, как у сократовского метода, представленного в диалогах Платона. Почти всегда Платон начинал с конкретных вопросов, таких как «Что такое знание?» или «Что такое справедливость?», и задавал их таким образом, что можно без излишнего напряжения рассматривать как философский анализ в современном понимании.

Роль языка как центральной проблемы философов-аналитиков является аспектом, наиболее вовлеченным в споры об используемой методологии. Философы, не относящиеся к аналитическому движению, склонны думать, что его озабоченность языком является отходом от философии в ее классическом понимании. Тем не менее Платон и Аристотель, средневековые философы, эмпирики — и, по сути, большинство философов, чьи работы считались важными, — сочли необходимым говорить о языке. Однако существуют серьезные различия в том, какую роль выполняет язык. Одно из таких различий касается важности формальных языков (в том смысле, в каком они используются в символической логике) для решения философских проблем.

Как взаимосвязана философия и лингвистика?

Дело в том, что, исходя из математических и формалистических соображений, эти две дисциплины явно тяготеют друг к другу.

Наука о языке заимствует, как говорит Бенвенист, свои модели математических и дедуктивных дисциплин. «Она будет становиться все более и более формализованной» [1, с. 29]. Отгалкиваясь от естественного лингвистического высказывания, путем анализа каждое такое выражение разлагают на его элементы, далее, с помощью последующих анализов, каждый элемент разлагается на все более простые и простые сущности» [1, с. 29].

Как объяснить зависимость осмысления языка в его целостности от степени взаимодействия лингвистики с другими отраслями гуманитарного знания? Ответ прост - зависимость кроется в самом объекте лингвистического исследования. Язык, в отличие от объектов узкоспециальных дисциплин, является во всеобщей полноте и многообразии своих аспектов, объектом философской рефлексии. Язык представляет собой явление со сложной внутренней структурой, отражает особенности индивидуального и социального употребления. Рассматривая понятие языка в трудах различных исследователей и влияние других гуманитарных дисциплин на его становление, следует отметить, что существуют различные подходы к трактовке данного понятия. Такие философы как Хайдеггер и рассматривал язык как дом бытия. Мерло-Понти же утверждает, что язык является инструментом, с помощью чего восприятие обладает субъектом (Мерло-Понти). Гумбольдт утверждает, что язык состоит из работы духа в материале членораздельного звука. Согласно Соссюру в основе языка лежит упорядоченная система знаков и совокупность смысло-разделяющих единиц (Соссюр) [10, с. 127]. Таким образом, все определения выводят проблемные области лингвистики за рамки строгой науки.

Таким образом, сравнивая философию и лингвистику, мы можем выделить общие черты и направления в изучении данных научных областей. Все они изучают человека, в разной степени его деятельность и продукты деятельности. Однако, именно лингвистическим моментам уделяется большое количество внимания в философии, которая является фундаментальным орудием описания реальной действительности и главным инструментом человеческого общения.

Философские проблемы в лингвистике существуют до сих пор, но в них не усматриваются проблемы самой лингвистики как науки. Очень часто происходит подмена тезисов: когда говорят о философских проблемах лингвистики или о философии языкознания, это философские трактовки языка, мышления, языкового сознания, языковой картины мира, текста.

Итак, можно сказать, что для лингвистики в русле философии науки вопрос о её статусе в комплексе общего гуманитарного знания о языке является одним из ключевых. Поэтому важно, в рамках изучения данных дисциплин уделять особое внимание изучению языка и философии, что в настоящее время интеграции каждой области знаний в единое общенаучное пространство является неременным условием.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. –М.: УРСС, 2002. –448 с.
2. Введение в философию. Проблемы философии Автор: Уильям Джеймс и Бертран Рассел М.: Республика, 2000 .-. 318 с
3. Вольнов И.Н. Большой семантический переход // Философия и культура. 2016. № 3.С. 368—375.
4. Горелов, А.А. Основы философии / А.А. Горелов. - М.: Academia, 2019. - 384 с.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. - М.: Канон, 1995. - 352 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. - М.: Издательство «Э», 2017. - 736 с.
7. Карелин В.М, Кузнецова Н.И, Трифцова И.Н. «Философия» как учебный курс: смена концепта // Высшее образование в России.2017. № 10 (216). С. 64-74.
8. Кармин А.С, Бернацкий Т.Т. Философия. СПб.: Издательство ДНК, 2001. 536 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: Пер. с нем. -М., 2005.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 8.811

**Ханхашанова А.Т., Дашибалова Д.Б. Лексико-семантический анализ
прилагательных со значениями «толстый» и «тонкий» в бурятском
и корейском языках**

Ханхашанова Анна Тимуровна

преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, РФ, г. Улан-Удэ
abaevaat@mail.ru

Дашибалова Дари Баторовна

преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, РФ, г. Улан-Удэ
ochirova.db@yandex.ru

**The lexical-semantic analysis of adjectives "fat" and "thin" in buryat and
korean languages**

Khankhashanova Anna Timurovna

Lecturer at the Department of Philology of Far Eastern Countries
Buryat State University named after Dorji Banzarov, Russia, Ulan-Ude

Dashibalova Dari Batorovna

Lecturer at the Department of Philology of Far Eastern Countries
Buryat State University named after Dorji Banzarov, Russia, Ulan-Ude

Аннотация. В данной статье приводится сравнительный анализ прилагательных размера в бурятском и корейском языках. Цель работы – рассмотреть прилагательные «толстый» и «тонкий» в лексиконе обоих языков. Для этого необходимо сравнить лексические значения прилагательных бүдүүн и 굵다 kulkta, нарин и 가늘다 kaneulta, а также определить выражаемый ими объем понятий в различных словосочетаниях, проанализировать их лексическую сочетаемость. В бурятском и корейском языках прилагательные демонстрируют сочетаемость, основанную на топологическом типе объекта. Отмечается дифференцированное распределение прилагательных, основанное на форме и конфигурации определяемых предметов, что становится первой параллелью, которую можно провести между двумя этими языками. Однако, несмотря на большое количество похожих словосочетаний со схожими типологическими типами, понятийный объем анализируемых прилагательных не идентичен. Данные прилагательные можно назвать синонимами, но результат анализа показал, что совпадают не все их значения. Это говорит о том, что в целом процесс образования понятий и закрепления их в языке у разных народов является одинаковым.

Ключевые слова: бурятский язык, корейский язык, алтайская языковая семья, прилагательные, синонимы.

Abstract. This article is concluding a comparative analysis of adjectives of size and shape in the Buryat and Korean languages. The purpose of the paper is to consider the adjective "thick" and "thin" in the vocabulary of both languages. It is necessary to compare the lexical meanings of the adjectives 'buduun' and '굵다', 'narin' and '가늘다', and also determine the scope of concepts they express in various phrases, analyze their lexical compatibility. In the Buryat and Korean languages, adjectives demonstrate combinability based on the topological type of the object. Both languages are noted a differentiated distribution of adjectives, based on the shape and configuration of the objects being defined, which becomes the first parallel that can be drawn between these two languages. However, despite the large number of similar phrases with similar typological types, the conceptual scope of the analyzed adjectives is not identical. These adjectives can be called synonyms, but the result of the analysis showed that not all of their meanings coincide. This suggests that, in general, the process of forming concepts and consolidating them in the language of different peoples is the same.

Keywords: Buryat language, Korean language, Altai language family, adjectives, synonyms.

В данном исследовании мы основываемся на «алтайской гипотезе», в которой алтайскую языковую семью делят на тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, корейскую и японо-рюкюскую ветви. Бурятский язык относится к монгольской ветви этой языковой семьи, а корейская ветвь представлена одним языком – корейским. Алтайской гипотезы происхождения корейского языка придерживаются Г. И. Рамстедт [10], Н. Н. Поппе [9], Е. Д. Поливанов [6], Н. А. Баскаков [4], С. А. Старостин [8].

Актуальность исследования также определяется высоким интересом к вопросу о возможной родственности бурятского и корейского языков и культурной близости их носителей. Принадлежность к одной языковой семье и возможное происхождение от одного праязыка подразумевают их лексическую и грамматическую и близость. В данном исследовании мы рассматриваем две пары прилагательных со значением «толстый» и «тонкий» в бурятском и корейском языках.

Размер является важной параметрической характеристикой объекта, однако критерии описания параметрических характеристик каждого языка отличаются друг от друга. По мнению Ю. Д. Апресяна, «способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [3, С. 39]. Концептуализация действительности находит свое выражение в лексике языка, закрепляясь в нем.

Целью данного исследования является сравнительный анализ лексических синонимов размера в бурятском и корейском языках. Специфика синонимии бурятского языка состоит в большом количестве качественных прилагательных. Они

возникают из необходимости ограничения понятий, перехода от понятий большего объема к понятиям меньшего объема, постепенно добавляя к признакам исходного понятия новые признаки, относящиеся лишь к части предметов и явлений и сужающие выбор необходимого синонима. [5, С. 25] Лексические синонимы бурятского языка, называя предмет, действие или признак, характеризуют их с разных сторон, отличаясь друг от друга нюансами лексического значения, стилистической окраской и сочетательными способностями. [5, С. 26]

По мнению ученого Ким Гванъхэ 김광해 одной из особенностей синонимии прилагательных в корейском языке является сложность ограничить объем понятия, т.к. в толковании прилагательного в словаре часто используются другие синонимичные прилагательные, что затрудняет понять его точное значение. Прилагательные не обозначают материальный объект, а лишь его признак, поэтому так важно рассматривать значения прилагательных в составе словосочетания. [11, С. 10.]. Целью исследования продиктована необходимость выявить объем понятия прилагательных в составе словосочетаний, провести анализ их лексической сочетаемости. В данной статье мы рассматриваем прилагательные размера, выделяем основные характеристики объектов и определяем объем значений прилагательного в ходе словарного и корпусного исследований.

Первое условие лексической синонимии – синонимы в узком смысле слова должны иметь одно и то же толкование, т.е. переводиться в одно и то же выражение семантического языка. [3, С. 220]. Однако данное условие не требует от синонимов совпадения или частичного сходства их сочетаемости или конструкций, в которых они употребляются, а также совпадения их стилистических свойств.

Ранее нами были рассмотрены прилагательные размера, сочетающиеся с топологическим типом слоя, плоского предмета, чья ширина превалирует над высотой [1], [2]. Данная статья представляет результаты сравнительного анализа прилагательных размера сочетающихся с округлыми в сечении, вытянутыми предметами. Ниже мы рассмотрим две пары синонимичных прилагательных *бүдүүн* и *иꣳ다 kulkta* с общим значением «толстый» и *нарин* и *가늘다 kaneulta* со значением «тонкий, узкий».

Бүдүүн – 1) *прил.* толстый; *бүдүүн бэетэй* толстый (о человеке); *бүдүүн гээгэ* толстая коса; *бүдүүн хүзүүтэй* а) имеющий толстую шею; б) *перен.* состоятельный; *бүдүүн модон* толстое бревно; 2) *грубый, простой* (о пище); *суц. сост.* *бүдүүн хоол* грубая пища; 3) *густой, басистый, низкий* (муз.); *бүдүүн ното* низкая нота; *бүдүүн*

хоолой бас; 4) *перен.* солидный, важный; *сущ. сост.* бүдүүн хүн дядя; взрослый (человек). [12].

꺠다 *kulkta* – 1) диаметр предмета больше обычного 꺠은 팔뚝 *kulkeun palttuk* ‘крепкое предплечье’; 2) объем предмета является больше обычного 꺠은 감자 *kulkeun katja* ‘крупная картошка’; 3) объем струи или капли больше обычного 꺠은 땀방울 *kulkeun ttambangul* ‘крупная каля пота’. [15].

Нарин – 1. 1) *нарин хүзүүн* тонкая шея; 2) высокий (о звуках, голосе) *нарин дуун*, *хоолой нарин* тонкий, высокий голос; 3) узкий *нарин үйлсэ* узкая улица; *нарин нюуртай* узколицый; 4) аккуратно сделанный, точный *нарин нягта парн.* точный, аккуратный; 5) *перен.* тонкий, детальный *нарин ухаан* проницательность (*букв.* тонкий ум); 6) изысканный, изящный *нарин зан* тонкость, изысканность; *нарин эдеэн* деликатес. [12].

가늘다 *kaneulta* – 1) диаметр предмета короче обычного 실이 머리칼보다 가늘다 *sili meolikalpoda kaneulta* ‘нить тоньше волоса’; 2) громкость звуков тише обычного 가는 숨소리 *kaneun sumsori* ‘тихое дыхание’; 3) объем предмета меньше обычного 가는 모래 *kaneun morae* ‘мелкий песок’. [15].

В ходе сравнения словарных статей данных прилагательных мы видим большое количество похожих словосочетаний. Помимо описания объема и диаметра *бүдүүн* и *꺠다 kulkta*, а также *нарин* и *가늘다 kaneulta* употребляются при описании звуков. Исследование прилагательных размера, основанное на идеях сочетаемости и взаимозаменяемости прилагательных, тесно связано с теорией топологических типов. Данная теория основывается на языковой картине мира, где все объекты включаются в определенные топологические типы, которые выделяются на основе формы и размера объекта. Именно топологический тип объекта определяет его сочетаемость с прилагательными. Топологические типы «вбирают в себя» сложные наборы признаков, которые пытались отобразить структурные описания, каждый топологический тип характеризуется только некоторым определенным, свойственным лишь данному типу набором измерений [7, С.121]. Таким образом мы видим, что выбор прилагательного предопределяется топологическим типом существительного.

Далее нами было проведено корпусное исследование, где мы отдельно проанализировали наиболее часто встречающиеся совпадающие и отличные значения данных прилагательных в словосочетаниях. [13], [14]. Были выделены следующие группы часто встречающихся существительных в составе словосочетаний.

Дерево, палка, веревка:

Мориёо сохидог нойтон **бүдүүн бургааһаяа** хаяба – тэрэнь мунөө хэрэгтэй бэшэ болоо. (Б. Мунгонов). Он отбросил мокрую ветку, которой погонял коня – она стала больше не нужна.

Эрдэнишые нилээн түргэн баабгайда ойртожо, гушаад алха газарта гансаараа ургажа байһан залуухань **нарин хуһа** түшөөд, буугаа залаба. (С. Доржиев). Эрдэни, быстро приближаясь к медведю, оперся на одиноко растущую **тонкую березку** и прицелился из ружья.

나무는 너무 높았고, 더구나 동지가 있는 가지는 지나치게 가늘었다. (박현석). Дерево было очень высоким, а **ветка**, на которой находилось гнездо, была слишком **тонкой**. (Пак Хён Сок).

В корпусах обоих языков было обнаружено множество примеров словосочетаний данных прилагательных с частями тела человека, которые можно назвать объемными, округлыми в сечении, такие как шея, пальцы, руки и ноги, мышцы и суставы, а также при описании кос, бороды или объемной прически, кудрей.

Части тела:

Үнэхөөрөө Шнелль **бүдүүн гар хүлнүүдтэй** мяхалиг томо хүн. (А Ангархаев). Шнелль крепкий человек с толстыми руками и ногами.

그녀의 연약한 몸은 억센 나의 **굵은 팔뚝에** 갇혀 뒷에 잡힌 새처럼 어깨를 파들거렸다. (유시춘외). Ее хрупкое тело дрожало в моих **крепких предплечьях**, как птица, пойманная в западню. (Ю Си Чун Вэ).

그의 **굵은 손가락** 끝이 그녀의 뺨을 스칠 듯 가까이 다가갔다. (이선미). Его **толстый палец** приблизился к ее щеке, едва касаясь. (Ли Сон Ми).

Нарин хүзүүгээрнь һур аргамжаар бугуулидажа уяад, хэдэн хүн хоёр тээшэнь шадал соогоо татажа байбад. (Д. Батожабай). Привязав (его) веревкой за **тонкую шею**, несколько человек изо всех сил начали тянуть в разные стороны.

순간, 순한 눈가에 냉기가 스쳐가고, **가는 입술이** 파르르 떨리기 시작했다. (안재성). Нежных век коснулся холодный ветерок, тонкие губы начали подрагивать. (Ан Чже Сонг).

Одним из дополнительных значений данных прилагательных в бурятском и корейском языках является описание голоса человека, различных звуков.

Голос, звуки:

Ябаха һаа ябыш, — гэжэ Гарма һөөлдэнги **бүдүүн хоолойгоор** ой модо сууряатуулан ооглобо. (Ц.-Д. Хамаев). Если хочешь идти – иди, – **громким голосом** прокричал Гарма так, что эхо разнеслось по лесу.

Сукоевой хажуудахи эхэнэрнүүд абьяастай тургэнөөр ажаллахынгаа хажуугаар жииганаһан **нарин аялгаар** дуулалдаба. (Ж. Тумунов). Женщины рядом с Суковым ловко работали и пели **тонкими голосами**.

나이보다는 훨씬 굵은 목소리였다. (이주홍). Его **голос был басовитым** не по годам. (Ли Чжи Хунг).

… 하는 미력의 목소리는 가늘었다. (이광수). **Голос был** слабым и **тонким (тихим)**. (Ли Кван Су).

Помимо сочетаний со схожими объектами в корпусе были найдены примеры, характерные только для одного из двух языков. Таким образом прилагательное *가늘다 kaneulta* используется при описании бледных, рассеянных объектов, таких как свет, дым, тень. 열린 창문 사이로 가는 달빛이 새어 들어왔다. Сквозь открытое окно лился **рассеянный лунный свет**. Однако в ходе корпусного анализа не было найдено примеров, где прилагательное *нарин* описывало бледность, прозрачность объекта.

В свою очередь прилагательное *нарин* активно используется в переносном смысле, показывая тонкость, искусность мысли и проницательность человека.

Нигүүлэсхы һайхан сэдхэлэйнгээ, **нарин сэсэн ухаанайнгаа** заабаряар үнэн зүбөөр ажаһуухын хажуугаар, заримдаа ором дүримөө алдажархиха жэгтэй даа. (А. Л. Ангархаев). Понимая, что нужно жить честно по законам чистой души и **светлого ума**, странно, что иногда мы забываем об этом.

Ахань дүүгээ одоол агнууриин **нарин асуудалнуудые** шиидэмээр дүршэл ехэтэй ангуушан боложо байна гээшэш гэжэ үнэн зүрхэнһөө баярлаа һэн. (С. Доржиев). Старший брат был очень рад, что младший брат, усваивая все **тонкости** охоты, становится опытным охотником.

В результате сравнения словарных статей и корпусного исследования мы видим, что, несмотря на сходство в основном значении и идентичный перевод этих прилагательных на русский язык, не все дополнительные значения этих прилагательных совпадают. Результаты работы в корпусах можно отразить в следующих таблицах.

Таблица 1. Сравнение прилагательных со значением «толстый»

	Бүдүүн	굵다 <i>kulka</i>
Бревно, палка	+	+
Нить, веревка	+	+
Части тела (вытянутые)	+	+
Круглые предметы	-	+
Голос	+	+

Таблица 2. Сравнение прилагательных со значением «тонкий»

	Нарин	가늘다
Бревно, палка	+	+
Нить, веревка	+	+
Части тела (вытянутые)	+	+
Голос	+	+
Свет, дым	-	+
Ум, мысль	+	-

Нами был проведен сравнительный анализ прилагательных размера *бүдүүн* и *꺠다 kulkta*, *нарин* и *가늘다 kaneulta*, описывающих объем предмета. Примечательно, что в бурятском и корейском языках прилагательные демонстрируют сочетаемость, основанную на топологическом типе объекта. *Бүдүүн* и *꺠다 kulkta*, *нарин* и *가늘다 kaneulta* в основном значении описывают выдающуюся или незначительную толщину вытянутых, округлых в сечении объектов, помимо сходства в основном значении совпадает и их дополнительное значение со словами 'голос, звук'. В проведенном нами ранее исследовании прилагательных размера для плоских предметов, таких как книга, одеяло, ладонь и т.д. в обоих языках употребляются другие пары синонимичных прилагательных, между которыми легко провести параллели. [1], [2]. Таким образом мы можем сделать вывод, что прилагательные размера и формы в обоих языках демонстрируют сильную зависимость от топологического типа объекта.

Дифференцированное распределение прилагательных, исходя из формы и конфигурации определяемых предметов, может говорить о близости восприятия окружающего мира бурят и корейцев. Однако также мы можем сделать вывод, что несмотря на большое количество похожих словосочетаний со схожими топологическими типами, понятийный объем данных прилагательных не идентичен. Данные прилагательные можно назвать синонимами, но анализ лексической сочетаемости показывает, что совпадают не все их значения. Совпадая в основном значении, слова в разных языках отличаются спецификой закрепления в языке и объемом понятий.

Список литературы

1. Абаева А.Т. Прилагательные со значением «толстый» в бурятском и корейском языках (зузаан и 두꺠다) // Современный ученый, №4, 2020 г. с. 245-252.

2. Абаева А.Т. Прилагательные со значением «тонкий» в бурятском и корейском языках (нимгэн и 얇다) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология – 2022. Выпуск 1. С. 3-11.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Избранные труды, т. I. М.: ЯРК, 1995 (2-е изд.). – 479 с.
4. Баскаков. Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. – 134 с.
5. Дугаров Н. Б. Лексические синонимы в современном бурятском литературном языке. – М.: Наука, 1978. 72 с.
6. Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. Известия академии наук СССР. Сер.VI. Т. 21, Вып. 7. 1927. – С. 1195–1204.
7. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 238 с.
8. Старостин С. А. Алтайская проблема происхождения японского языка. М.: Наука, 1991. – 190 с.
9. Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. – Wiesbaden: Otto Harrasowitz. 1965. – 221p.
10. Ramstedt G.J Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Introduction to Altaic Linguistics. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. – 17 p. пер. Л. С. Слоним, под ред. Н. А. Баскакова.
11. 김광해 “유의어의 의미비교를 통한 뜻풀이 정교화 방안에 대한 연구” , 선청어문 제26집, 서울대대학교 사대 국어교육. 1998. Ким Гвань Хэ. Исследование о проекте сбора значений частичных синонимов». Сборник «Sönchöngömun» №26. Педагогический институт Сеульского национального университета. 1998.

Список источников

12. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряд-ород толи. В двух томах. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. – 636 с.
13. Электронный русско-бурятский, бурятско-русский корпус / сост. Дамдинов Б., Дармаев Б. [2013-2023]. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 08.11.2023)
14. Электронный корпус корейского языка / Национальный институт корейского языка. URL: <https://kcorpus.korean.go.kr/service/goUnifiedSearch.do> (дата обращения: 11.11.2023)
15. 표준국어대사전. Стандартный толковый словарь корейского языка / Национальный институт корейского языка. URL: <https://stdict.korean.go.kr/main/main.do> (дата обращения: 10.11.2023)

УДК 81-115

**Черникова Е.О., Львова Н.И. Многозначность в составе русско-
и англоязычной терминологии бизнес-логистики**

Черникова Елена Олеговна

канд.филол.наук., доцент кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), РФ, г. Москва
elenach328@mail.ru

Львова Нина Иосифовна

старший преподаватель кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), РФ, г. Москва
ninuka3112@gmail.com

Ambiguity in the Russian and English language business logistics terminology

Chernikova Elena Olegovna

PhD in Philology, Assistant Professor of Linguistics Department
Russian University of Transport RUT (MIIT), Russia, Moscow

Lvova Nina Iosifovna

Senior Lecturer of Linguistics Department
Russian University of Transport RUT (MIIT), Moscow, Russia

Аннотация. В статье на материале терминологии бизнес-логистики в английском и русском языках рассматриваются особенности явления многозначности. Проводится сравнительный обзор проявления многозначности в двух описываемых языках. Приводятся примеры перевода лексических единиц данной области знания, представленными полисемичными терминами в английском и русском языках. Целью научной работы является выявление характеристик явления многозначности в разноструктурных языках: русском и английском, а также в двух национальных языках – британском и американском английском.

Ключевые слова: терминологическая многозначность, полисемия, сравнительный анализ, варианты английского языка, национальный язык, логистика.

Abstract. On the material of business logistics terminology in the English and Russian languages the features of the ambiguity phenomenon are considered in this paper. The authors examine a comparative review of the polysemic meanings expression in the languages described. Examples of lexical units translation in this field of knowledge represented by polysemic terms in English and Russian are given. The aim of the scientific work is to identify the characteristics of the ambiguity phenomenon in various languages: Russian and English, as well as in two national languages – British and American English.

Keywords: terminological ambiguity, polysemy, comparative analysis, variants of the English language, national language, logistics.

Актуальность данного исследования не вызывает сомнения: в современной лингвистике и переводоведении наблюдается большой интерес к изучению различных терминологических систем, в том числе и терминологии бизнес-логистики. Поскольку логистика представляет собой конгломерат самых разных научных дисциплин, так как математика, информатика, маркетинг, международное право и многих других, широкое распространение терминов, используемых для номинации сразу несколько понятий, стало общей тенденцией для многих национальных языков: число логистических терминов в мировом научном сообществе растет с большой скоростью, в этой связи фиксирование и учитывание вновь появляющихся терминов и понятий становится новой задачей для современных исследователей. Изучение терминологии бизнес-логистики, в частности многозначных терминов, отвечает интересам исследователей, а также переводчикам и лингвистам, которые с переводоведческой и языковой точки зрения рассматривают терминологию различных направлений, в том числе проявления терминологической многозначности в сфере логистики.

Научная новизна заключается в новом направлении, с позиции которого выполнен анализ: задачей основного этапа исследования в настоящей работе является попытка антропоцентрического исследования многозначных терминов, основанного на выявлении когнитивных различий в картине мира представителей двух наций – британцев и американцев. В частности, определено, что многозначность терминов в англоязычной терминологии бизнес-логистики, возникает в результате существующих несоответствий в национальной картине мира американцев и британцев.

Материалом для проведенного исследования послужили 100 многозначных терминов сферы бизнес-логистики, которые были отобраны из словарей, текстов и глоссариев по логистике [1,2,4-6].

Теоретическая значимость состоит том, что данная работа вносит вклад в развитие терминоведения, теории перевода, лингводидактики, теории межкультурной коммуникации, теории языка для специальных целей; в пополнение знаний об отраслевой терминологии в разноструктурных языках в целом и о логистических терминах в частности. Выявлены особенности перевода логистических многозначных терминов в английском и русском языках, британском и американском английском в сопоставительном плане.

Логистика представляет собой такую область научных интересов, которая является сочетанием многих наук и направлений профессиональной деятельности.

Отличительная особенность логистики состоит в том, что в её терминологию входит лексика из разных сфер научного познания, таких как экономика, маркетинг, грузовые и пассажирские перевозки, юриспруденция, информационные технологии, международные отношения и т.д. В связи с этим, переводчику следует владеть фоновыми знаниями не в одной конкретной сфере, а фактически во всех отраслях знания, которые являются составной частью логистики (см. табл.1). Так, в логистической терминологии можно столкнуться со следующими примерами лексических единиц из смежных областей деятельности:

Таблица 1. Примеры логистических терминов из смежных наук

Область заимствования	Термин	Перевод
Складирование	Continuous replenishment	Непрерывное пополнение запасов
	Shelf life	Гарантийный срок хранения, срок годности
Юриспруденция	Bond (form of guarantee)	Обязательства (форма гарантии)
Информационные технологии	Data interchange	Обмен данными

Перевод отраслевых терминов следует осуществлять при помощи толковых словарей, а также словарей-справочников.

В связи с тем, что логистика является объединением различных направлений деятельности, для её терминологии характерно явление полисемии (см. табл.2). За основу определения описываемого явления в настоящем исследовании взято определение С.В. Гринева-Гриневича, согласно которому под терминологической полисемией или многозначностью следует понимать «употребление одной лексической единицы для номинации двух связанных понятий в рамках определенной терминологии» [3, С. 97].

Таблица 2. Примеры полисемичных терминов в терминологии логистики

Термин	Дефиниция	Перевод термина	Перевод дефиниции
Order lead time	The time the customer waits between ordering and receiving a product	Цикл выполнения заказа	Время ожидания покупателем продукта с момента его заказа до получения
	The total internal processing time necessary to transform a replenishment quantity into an order and for the transmission of that order to the recipient		Общее внутрикорпоративные сроки обработки, необходимые для преобразования объемов пополнения запасов в заказ и для передачи этого заказа получателю

Термин	Дефиниция	Перевод термина	Перевод дефиниции
Duty	Legal charge payable to Custom	Пошлина	Правовые расходы, подлежащие оплате на таможне
	The time spent by the employee working for his employe	Служебные обязанности	Время, в течение которого сотрудник работал на нанимателя

При переводе многозначных терминов следует учитывать контекст и обладать широкими фоновыми знаниями.

В результате различий в мировосприятии и этимологии терминов в британском и американском вариантах английского языка, в отраслевых терминологиях, в том числе и в логистике, наблюдаются расхождения в профессиональных языковых картинах мира. Вследствие этих расхождений, для обозначения одних и тех же реалий используются разные термины.

Например, для обозначения капотного грузового автомобиля, в британском варианте английского языка принят термин **bonnet truck**, в то время, как в американском варианте – **conventional/normal control truck**. Такое различие объясняется тем, что для Северной Америки расположение двигателя, и, соответственно, капота впереди кабины водителя считается традиционным, тогда как в Европе двигатель обычно располагается над кабиной водителя, поэтому капот выделяется как отличительный признак в обозначении североамериканского типа грузового автомобиля.

В континентальной Европе, в условиях, когда английский язык является иностранным, в основном применяются термины британского варианта английского языка, что объясняется географическим фактором и единой экономической зоной Евросоюза.

Отдельного внимания заслуживают термины, схожие по форме, но обозначающие разные понятия (см. табл. 3). Рассмотрим в качестве примера типы перевозок с использованием нескольких видов транспорта:

Таблица 3. Примеры логистических терминов, которые имеют одинаковую форму, но различаются по содержанию

Термин	Дефиниция	Перевод термина	Перевод дефиниции
Multi-modal transport	Where a number of modes are applied/used	Мультимодальная перевозка	Применяются/используются несколько видов транспорта
Intermodal transport	Transport of goods using variety of modes	Интермодальная перевозка	Перевозка товаров с использованием нескольких видов транспорта
Combined mode	A term meaning intermodal freighting, where each mode is used to its best advantage	Комбинированная перевозка	Термин, обозначающий интермодальные грузовые перевозки, где каждый вид транспорта используется наиболее выгодным образом

Под мультимодальной перевозкой понимается перевозка грузов двумя или более видами транспорта; термин интермодальные перевозки используется для обозначения последовательной перевозки двумя или более видами транспорта в одной и той же грузовой единице (например, в контейнере), без перегрузки самого груза при смене видов транспорта; под комбинированной перевозкой понимается интермодальная перевозка, в рамках которой большая часть рейса приходится на железнодорожный, внутренний водный или морской транспорт, а отрезок пути, на котором используется автомобильный транспорт – максимально короткий [6].

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что главной особенностью терминологии в области логистики является её связь со множеством других областей знания и деятельности. Для того, чтобы осуществлять качественный перевод, переводчик должен обладать широкими фоновыми знаниями во всех областях, связанных с логистикой.

Междисциплинарный характер логистики и ее терминологии объясняет наличие в ее составе такого явления, как полисемия. Поскольку логистика является смежной наукой и объединяет в себе термины из различных сфер деятельности, повсеместное распространение полисемии требует от переводчика обширных фоновых знаний в смежных с логистикой областях и понимания различий между полисемичными терминами.

Вследствие различий в профессиональных логистических языковых картинах мира британского и американского вариантов английского языка, от переводчика требуется знание данных национальных вариантов языков и их различий, а также умение сопоставлять синонимичные, с точки зрения варианта языка, термины.

Список литературы

1. Англо-русский толковый словарь логистических терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gagarinalg.ru/_ld/2/287____.pdf (дата обращения: 06.11.2023).
2. Англо-русский словарь транспортно-экспедиторских терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://logistic4you.ru/slovar-transportno-ekspeditorskix-terminov/> (дата обращения: 06.11.2023).
3. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
4. Lowe D. The Dictionary of Transport and Logistics. – London: Kogan Page, 2002. – 275 p.
5. Sarvirova N. Optimization of transport and logistics services in servicing the export potential of the Republic of Uzbekistan / N. Sarvirova, U. Samatov // Universum: технические науки. 2022. No. 5-11(98). P. 28-32. DOI 10.32743/UniTech.2022.98.5.13617. EDN SFPNSJ.
6. Terminology on Combined Transport. Prepared by the UN/ECE, the ECMT and the EC. – New York and Geneva, 2001. – 71 p.

УДК 81-115

Черникова Е.О. Специфика интернациональных терминологических единиц подотрасли «воздушный транспорт» в русском и английском языках

Черникова Елена Олеговна

канд.филол.наук., доцент кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), РФ, г. Москва
elenach328@mail.ru

**Specificity of international terminological units of the subindustry
“air transport” in the Russian and English languages**

Chernikova Elena Olegovna

PhD in Philology, Assistant Professor of Linguistics Department
Russian University of Transport RUT (MIIT), Russia, Moscow

Аннотация. На основе антропологического подхода исследуется терминология воздушного транспорта. На материале русской и английской лексики выявляются интернациональные единицы. Проводится детальный сопоставительный анализ семантики интернационализмов в русском, английском и немецком языках. Исследование формы интернациональных терминов в вышеперечисленных языках дополняется анализом формы интернационализмов из немецкого языка. Устанавливается общее и специфическое в профессиональной языковой картине мира специалистов воздушного транспорта, говорящих на разных языках.

Ключевые слова: специальная лексика, интернациональный термин, терминология воздушного транспорта, языковая единица, профессиональная языковая картина мира.

Abstract. The article offers an anthropological approach to the comparative study of aviation terms. International lexical units are singled out in the Russian and English languages. A detailed analysis of international words semantics is performed in the Russian and English languages. The research of form of international terms in these languages is supplemented by the analysis of their form in the German language. The paper reveals common and specific features in professional world view of ecologists speaking different languages.

Key words: special vocabulary, international term, aviation terminology, language unit, professional language world view.

Для успешной коммуникации с представителями различных культур в сфере науки, техники и бизнеса необходимо повышать уровень культурной компетенции и профессиональной лексики. Знание терминологической лексики и особенностей её употребления в речи являются важными компонентами на пути успешного межкультурного профессионального общения. С этой точки зрения наиболее интересным представляется антропоцентрический подход к изучению языка, который получил широкое освещение в научном языковом сообществе в последние

несколько десятилетий. Позднее данный подход нашёл отражение в новом лингвистическом направлении – антрополоингвистике. Именно с позиций антрополоингвистики в данной работе будут рассмотрены национальные особенности русской и английской профессиональной языковой картины мира в сфере воздушного транспорта.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, воздушный транспорт является наиболее молодым, но в тоже время одним из самых перспективных видов транспорта, который продолжает оказывать трансформирующее воздействие на общество в целом. Англоязычная авиационная терминология, которая отражает лексику данной профессиональной деятельности, представляет собой один из самых динамично развивающихся пластов языка. Кроме того, структурно-семантические особенности языка авиации и его функционирование представляет большой интерес у ученых в наши дни. Во-вторых, исследования в области стандартизации терминологии в сфере «Экология на транспорте» представляют собой значимое направление, особенно в контексте растущей проблемы загрязнения в области транспортной логистики, в частности в подотрасли «воздушный транспорт». Объединение усилий ученых из разных стран для создания единой терминологической базы может способствовать лучшему взаимопониманию и обмену знаниями в этой области.

Как известно, зеленые технологии играют важную роль в уменьшении негативного воздействия транспортных средств на окружающую среду. Они включают в себя различные инновации, направленные на снижение выбросов, энергоэффективность и улучшение экологической устойчивости транспортных систем. Стандартизация терминологии в этой области позволит лучше понимать и сравнивать исследования и разработки, способствуя более эффективному внедрению экологически чистых технологий в сектор воздушного транспорта.

Интернациональные термины, составляющие значительный пласт лексического состава терминологии воздушного транспорта за последние десятилетия стали объектом изучения специалистов, занимающихся исследованием научно-технической лексики в разных национальных языках [1, 2, 3].

Объектом исследования в данной работе выступает интернациональная терминология воздушного транспорта в русском и английском языках.

Целью статьи – выявить и проанализировать интернациональные особенности русско- и англоязычной профессиональной языковой картины мира воздушного

транспорта посредством изучения интернационального корпуса терминов, относящихся к данной отрасли знания.

Материалом исследования настоящей работы послужила выборка в составе 1000 лексических единиц, взятых из следующих лексикографических источников: The Dictionary of Transport and Logistics [4], Dictionary of Aviation [5], Technisches Wörterbuch für die Luftfahrt: Deutsch – Englisch [6].

Научная новизна предпринятого исследования заключается в том, что антропоцентрическое изучение интернациональной терминологии воздушного транспорта ранее не проводилось в сопоставительном плане. Профессиональная языковая картина мира авиации является недостаточно изученной, поскольку существующие исследования авиационной терминологии проводятся с точки зрения традиционного подхода.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут найти применение в практике научно-технического перевода, при создании словарей в области воздушного транспорта, при написании учебных пособий.

Профессиональная языковая картина мира отражается во многих областях лексикологии, но поскольку рамки данного исследования не позволяют рассмотреть все составляющие профессиональной языковой картины мира, мы остановимся на анализе терминов-интернационализмов в секторе авиационного транспорта.

Исследование авиационной лексики показывает, что около 11% от общего пласта исследуемой терминологии приходится на долю интернационализмов.

Согласно определению Л.Л. Нелюбина *интернационализмы* представляют собой слова, которые встречаются в нескольких языках и обладают схожим звучанием, имеют грамматическое и семантическое сходства. Помимо общего значения, они имеют общее происхождение [7]. Источниками интернационализмов служат в основном греческий и латинский языки. В различных языках интернационализмы оформляются по фонетическим и морфологическим нормам. В основном интернациональная лексика состоит из терминов, относящихся к разным областям жизнедеятельности. Более того, к интернационализмам можно отнести слова, которые были заимствованы в неизменном виде.

Так, термины-интернационализмы выступают как составная часть профессиональной языковой картины мира и представляют большой интерес. Характерными чертами интернациональных терминов является их смысловая

доступность, полное соответствие в плане выражения и широкое использование в научном общении.

Изучение материала доказало, что словарный состав терминологии авиации широко представлен интернациональной лексикой. Данный факт свидетельствует об общности развития научного познания. Широкое распространение интернационализмов позволяет выполнять главную задачу языка, используемого в науке и технике, а именно, обеспечение точного указания на реальные объекты и явления, а также понимание их носителями других языков. Термины-интернационализмы создают значительную базу для продуктивной коммуникации специалистов авиационного сектора.

Для определения степени интернационализации терминов были использованы лексикографические источники специальной лексики на английском, немецком и русском языках.

Так, в ходе исследования были выявлены примеры терминов (табл. 1), указанные в таблице 1.

Таблица 1. Интернационализмы, представленные в национальных терминологиях

Английский	Немецкий	Русский
autopilot	Autopilot	автопилот
chassis	Chassis	шасси
distance	Distanz	дистанция
filter	Filter	фильтр
hygrometry	Hygrometrie	герметичность
line	Linie	линия
maneuver	Manöver	маневр
motor	Motor	мотор
position	Position	позиция
radar	Radar	радар
signal	Signal	сигнал
system	System	система
transportation	Transport	транспортировка
vibration	Vibration	вибрация
zone	Zone	зона

Как показывает исследование, основная часть, а именно более 95% языковых единиц в исследуемых терминологиях обладает однозначным осмыслением. Данный факт можно объяснить тем, что техническая область профессиональной деятельности

отличается общим подходом к осуществлению перелетов и других функций авиационного транспорта.

Например, *altimeter* используется во многих языках для обозначения понятия «высотометр». И в каждом языке эта словарная единица является полностью тождественной на содержательном уровне.

Рассмотрим другой пример – термин *vibration*. Данная лексическая единица употребляется, когда речь идёт о колебании двигателя, создаваемом при неуравновешенности ротов или пульсации давления. Слово является термином-интернационализмом, которое имеет только фонетические изменения в профессиональных языках разных культур.

С другой стороны, сопоставительный анализ дефиниций интернационализмов продемонстрировал, что не все интернациональные термины являются тождественными в плане содержания. Примером подобного рода расхождения является осмысление термина *cabin/кабина* в английском и русском языках. В русском языке речь идет о кабине пилота, в то время как англоязычные специалисты авиационной сектора подразумевают под этим термином “the enclosed space in an aircraft or spacecraft for the crew, passengers, or cargo” («закрытое пространство в самолете или космическом аппарате для экипажа, салон самолета или грузовой отсек») [5]. Аналогичное осмысление термина встречается нам и в немецком языке [6].

Рассмотрим еще один пример интернационализма *trap/трап*. Согласно полученным результатам, данный интернационализм получает разное осмысление в двух языках. Так, представители из Великобритании крайне редко используют слово *trap* в значении «трапа». Словарная единица *trap*, как правило, используется для номинации понятий «ловушка» / «западня». Для обозначения трапа англоязычные специалисты используют термины *ladder* и *air stairs*. Кроме того, вместо выражения «сойти с трапа самолета» англичане употребляют «выйти из самолета» без уточнения – *get off the plane* [5].

Показателен в этом плане другой пример. Термин-интернационализм *terminal* в авиационной терминологии может передавать следующие значения: 1) здание вылета/прибытия в аэропорту; 2) электрическая точка соединения [5]. Русский термин *терминал* совпадает только в первом значении англоязычного аналога.

Таким образом, одни и те же объекты в разных языках могут восприниматься по-разному, что находит отражение в содержательной структуре интернационального термина. Данный факт объясняется национальным своеобразием каждого этноса.

Сопоставительный анализ отраслевой терминологии в русском и английском языках показал, что общие подходы к профессиональной деятельности обуславливают появление общих понятий. Как можно заметить, выбор интернациональной лексики продиктован стремлением специалистов авиационного сектора к оптимизации и совершенствованию межкультурной коммуникации.

Схожее осмысление большей части интернационализмов объясняется тем, что авиация представляет собой техническую область, в которой сотрудники выполняют одинаковые действия независимо от их принадлежности к той или иной культуре. Вместе с тем, как показали результаты сопоставительного исследования интернациональной лексики в разносистемных языках, количество авиационных терминов, которые в данных языках совпадают на уровне морфологии и не совпадают на содержательном уровне составляет 6,5 % лексических единиц в русском и 9,8 % единиц в английском языке. Это, в свою очередь, указывает на расхождения в языковых картинах мира русских и английских специалистов воздушного транспорта.

Термины-интернационализмы имеют большую популярность за счет их смысловой доступности и узнаваемости. В англоязычной авиационной лексике они составляют порядка 18% от исследуемой выборки терминов, в русскоязычной терминологии 22% словарных единиц относятся к категории интернациональных. В ходе проведенного анализа установлено, что большинство (95%) интернационализмов в обеих исследуемых терминологиях относятся к эквивалентной лексике, что свидетельствует о схожем осмыслении большинства технических понятий в данной области научных изысканий.

Список литературы

1. Прохоров С.В. Медицинская терминология как интернациональная лексика / С. В. Прохоров // Вестник Камчатского политехнического техникума. 2021. № 23. С. 12-18. EDN VYKSGG.
2. Кузнецова Н.Г., Степичева О.Н., Яновиц Ф. Интернационализмы в архитектурной терминологии европейских языков (готический архитектурный стиль) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizmy-v-arhitekturnoy-terminologii-evropeyskih-yazykov-goticheskiy-arhitekturnyy-stil> (дата обращения: 03.12.2023).
3. Малыхина Л.Ш. Использование интернациональной лексики в русском и английском ЯЗЫКАХ // Вестник Педагогического университета. 2022. №6-2 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-internatsionalnoy-leksiki-v-russkom-i-angliyskom-yazykah> (дата обращения: 03.12.2023).
4. Lowe D. The Dictionary of Transport and Logistics. London: Kogan Page, 2002. 275 p.
5. Crocker D. Dictionary of Aviation. London: A&C Black, 2005. 289 p.
6. Christiani P. Technisches Wörterbuch für die Luftfahrt: Deutsch – Englisch. Berlin: BILD, 2008. 210 b.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003. 318 с.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1-1

Безруков А.Н., Безрукова А.А. «Я – поэт. Этим и интересен»: к 130-летию Владимира Маяковского

Безруков Андрей Николаевич

канд. филол. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики Уфимского университета науки и технологий Бирский филиал, РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
in_text@mail.ru

Безрукова Анна Андреевна

учащаяся МБОУ СОШ № 7 города Бирска муниципального района Бирский район
РФ Республики Башкортостан
nata23031984@mail.ru

“I am – a Poet. This is why it’s interesting”: to the 130th anniversary of Vladimir Mayakovsky

Bezrukov Andrey Nikolaevich

Ph.D. Philol. Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Romano-Germanic Studies philology and linguodidactics Ufa University of Science and Technology Branch in Birk, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Birk

Bezrukova Anna Andreevna

student of Municipal Budget Educational Institution Secondary School No.7 of the city of Birk Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Birk

Аннотация. Творчество Владимира Маяковского является, пожалуй, самым узнаваемым в рамках литературного процесса XX века. Тематический спектр его лирики вариативен. В.В. Маяковский обращался к теме Революции, России, будущего страны, города, любви. Лирический герой в текстах автора становится сложной фигурой меняющейся жизни, собственно, и сама поэзия для Маяковского была экспериментальной. Особо ярко представлена в наследии поэта тема детства, художник слова вырабатывает нетривиальный подход в изображении детей. Язык и стиль В.В. Маяковского ориентирован на футуристические принципы. Меня естественный знаковый комплекс, расширяя коннотации, автор, а далее читатель стабилизируют новый взгляд на действительность. 2023 год юбилейный для автора – 130 лет исполняется со дня рождения поэта. Эстетические ориентиры, заложенные в его текстах, продуктивны и в XXI веке, который также экспериментален. Поэтика художественных конструкторов Владимира Маяковского характеризуется такими приемами и приметам, как антитеза, гротеск, метафоричность, символизм, публицистичность, нарочитый диалог с реципиентом. «Поэт революции» смог не только запечатлеть изменения жизни, но и сохранил некую преемственность с литературной классикой, хотя открыто ее отрицал. В статье осуществлена попытка представить фигуру Владимира Маяковского многогранно, дать оценку его творчества в связи с тенденциями развития художественного слова, связать исторические параллели в

единое ядро морально-нравственного толка. Материал можно использовать в русле изучения курса по истории русской литературы, литературной критике.

Ключевые слова: Владимир Маяковский, лирика, футуризм, автор, читатель, тема, дискурс, идея, поэзия, человек, эстетика чтения, литературный прием, язык

Abstract. The work of Vladimir Mayakovsky is perhaps the most recognizable within the literary process of the twentieth century. The thematic range of his lyrics is variable. V.V. Mayakovsky addressed the theme of the Revolution, Russia, the future of the country, the city, and love. The lyrical hero in the author's texts becomes a complex figure of changing life; in fact, poetry itself was experimental for Mayakovsky. The theme of childhood is especially clearly represented in the poet's legacy; the artist of words develops a non-trivial approach to depicting children. Language and style V.V. Mayakovsky is focused on futuristic principles. By changing the natural sign complex, expanding connotations, the author, and then the reader, stabilize a new view of reality. 2023 is an anniversary year for the author – it marks 130 years since the birth of the poet. The aesthetic guidelines embedded in his texts are also productive in the 21st century, which is also experimental. The poetics of Vladimir Mayakovsky's artistic constructs is characterized by such techniques and signs as antithesis, grotesque, metaphor, symbolism, journalism, and deliberate dialogue with the recipient. "The Poet of the Revolution" was able not only to capture the changes in life to an alternative form, but also to maintain continuity with literary classics. The article makes an attempt to present the figure of Vladimir Mayakovsky in a multifaceted way, to evaluate his work in connection with the trends in the development of artistic expression, and to connect historical parallels into a single moral core. The material can be used in the context of studying a course on the history of Russian literature and literary criticism.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, lyrics, futurism, author, reader, theme, discourse, idea, poetry, person, aesthetics of reading, literary device, language.

2023 год является юбилейным для достаточно большого количества русских поэтов, писателей и драматургов. Среди них Ярослав Смеляков (110 лет со дня рождения), Алексей Николаевич Толстой (140 лет со дня рождения), Леонид Гроссман (135 лет), Владимир Высоцкий (85 лет со дня рождения), Михаил Пришвин (150 лет), Василий Жуковский (240 лет со дня рождения), Фёдор Сологуб (160 лет со дня рождения), Максим Горький (155 лет со дня рождения), Александр Николаевич Островский (200 лет со дня рождения), Николай Заболоцкий (120 лет), Андрей Вознесенский (90 лет со дня рождения), Михаил Светлов (120 лет), Валентин Пикуль (95 лет со дня рождения), Евгений Евтушенко (90 лет со дня рождения), Антон Дельвиг (225 лет), Эдуард Асадов (100 лет со дня рождения), Расул Гамзатов (100 лет), Лев Толстой (195 лет со дня рождения), Дина Рубина (70 лет), Александр Межиров (100 лет со дня рождения), Иван Шмелёв (150 лет), Иван Аксаков (200 лет со дня рождения), Александр Галич (105 лет), Глеб Успенский (180 лет со дня рождения), Иван Тургенев (205 лет со дня рождения), Федор Тютчев (220 лет со дня рождения), Александр Солженицын (105 лет), Валерий Брюсов (150 лет со дня рождения).

19 июля исполнилось 130 лет со дня рождения Владимира Маяковского. Фигуры знаковой для литературного XX века, сложной личности, интересной и нетривиальной персоны. Наследие Маяковского достаточно объемно – он не только поэт, но и драматург, актер, художник, киносценарист, кинорежиссер. Изучение творчества [5, 6, 7, 9, 10, 12, 15] данного автора представляет собой интересный процесс, в ходе которого высвечиваются индивидуальные, неповторимые черты его мышления, его способа осознания действительности. При всей фактурности эстетической работы, Маяковский, безусловно, поэт, собственно сам в автобиографии он тезирует: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу...» [13, с. 9]. Фактическая доминанта становится содержательной, основной.

Традиционно творчество Владимира Маяковского исследователи дробят на два периода: дореволюционный (1912-1917) и послереволюционный (1917-1930). Если первый характеризуется явной связностью Маяковского с футуристами [17], то второй является этапом формирования нового искусства, новой драмы, экспериментов в области сатиры, в целом осмысления жизненного пути. Лирика В.В. Маяковского в русле тематического спектра разнообразна; знаковыми для поэта являются такие категории, как революция, государство, Россия, страна, город, детство [14], человек и т.д. Имперсональный тон стихов поэта нарушается введением собственного голоса, озвучкой самобытной афонии. Наряду с поэтами-модернистами Анной Ахматовой, Константином Бальмонтом, Андреем Белым, Валерием Брюсовым, Осипом Мандельштамом, Александром Блоком, Сергеем Есениным, Мариной Цветаевой Владимир Маяковский вырабатывал и формировал новые принципы литературы, сознательно нарушал канонические версии художественного письма, стремился при этом к совершенству.

Лирика Владимира Маяковского представляет собой достаточно смелый эксперимент над формой. Стремление автора преодолеть т.н. классический канон вполне понятно: XX век задал свои / новые ориентиры во всех областях искусства, в частности, литературе. Заметим, что Маяковский, работая над формой, доводил до образца и содержательный уровень, занимаясь огранкой содержания – выправлялась и форма. В поэзии Владимира Маяковского можем наблюдать тематическое многообразие, которое фигуру поэта явно расширяет, делает более сложной. Лирика Владимира Маяковского – это еще и эстетический манифест, обращенный к будущим читателям [11]. Поэт предугадал ряд литературных изменений, предвидел обновления художественного искусства вообще. Заметим, что примерно с середины

XX века и в Европе, и России галопирующее будут наступать постмодернизм, также крушащий канонические правила, комбинаторно соединяющий несоединимое.

Языковой формат текстов Владимира Маяковского заслуживает должного критического внимания, исследователи уже долгое время разгадывают тайну привлекательности этого автора. Многие уже объяснено, и все же стилевые доминанты [1] вновь маркируются, намечаются кульминационные ориентиры его индивидуальной манеры. Текстовая плоскость лирики Маяковского достаточно прозрачна, ибо именно акцентный стих фактурно просветляет то, на что ориентирует читателя автор. Либо слово, либо слог, либо даже нарочитый звук выделяется как главный, основой, ведущий. Для В.В. Маяковского некоей сверхзадачей на уровне поэтики являлось достижение эффект дистанции с классикой, и получилось это весьма удачно. Строгость пушкинского, лермонтовского, фетовского обертонов разрушается автором-футуристом, и строчка, и фонология, и знак превращаются в яркий сдвиг нового времени. Необычность оформления стиха привлекает изначально, далее же реципиент движется вглубь новой коннотации.

Владимир Маяковский практически всегда – еще в ранней лирике – был внимателен к поэтическим нюансам. Не случайно синтезируется, на первый взгляд, полярность таких приемов как гротеск, метафоричность, символизм, звукопись, публицистичность. Футуристическая задача решалась у Владимира Маяковского в пределах сдвигов на уровне языка, жанра [8], композиции, лирического нарратива. Следовательно, менялся и характер текстов, менялось и отношение читателя к поэтической фигуре.

Поэтика художественных конструкторов Владимира Маяковского характеризуется также приемам нарочитого использования ораторского типа, антитезы, противопоставления, контраста, разговорной манеры, стремящейся к открытому диалогу с реципиентами. «Послушайте!», «А вы могли бы?», «Вам!», «Нате!» и другие стихотворения, относящиеся к раннему творчеству, ярко иллюстрируют подобный экспериментальный синтез. Тексты далее будут меняться, появится и «Универсальный ответ», «Левый марш», «Душа общества», «Я счастлив!», но это будет позже. Стоит отметить, что самобытность Маяковского также в непринужденной, отчасти ненаносной манере диалога, в умении отличительные / контрастные стороны жизни вписать в единое художественное пространство. Примером могут быть стихи для детей [2, 18] («Тучкины штучки», «Что такое хорошо и что такое плохо», «Кем быть», «Что ни страница, то слон, то львица»). Таким образом, «поэт революции» смог не только зафиксировать изменения

действительности, обращенность их к альтернативной форме, но и сохранить преемственность с т.н. литературной классикой, как бы сильно он не хотел все буквально и принципиально видоизменить.

Дискурсивная практика Владимира Маяковского находится в пределах футуризма. Ритм и интонация, звукопись и новояз – вот, пожалуй, яркие проявления стихового творчества поэта. Строчки-лестницы не только примечательно играют на уровне формы, но и опредмечивают замыслы, которые у Маяковского оригинальны, полны пролонгаций и динамики. Литературный XX век представляет собой сцепление разнородных элементов, художники слова иногда сознательно соревновались друг с другом в этом: стоит вспомнить Константа Бальмонта, Александра Блока, Валерия Брюсова, Сергея Есенина, Игоря Северянина, Велимира Хлебникова, Марину Цветаеву, поэтов-шестидесятников. Подобное стремление стоит объяснять с позиций ощущения и завладения свободой. Открытость и манифест, дистанция и оппозиция, монтаж [3] и фольклорное [4] начало не исключаются и в текстах Владимира Маяковского. Он один из немногих, кто поддерживал указанный ряд принципов на протяжении всего творчества.

Морально-нравственный облик поэта является для современного читателя образчиком, неповторимой единицей, эмблемой XX столетия. Следовательно, можно констатировать, что стихи В.В. Маяковского читают с большим удовольствием, достаточно правильно понимают и трактуют на школьном, вузовском уровнях. Думается, что традиции, заложенные поэтом в структурной организации текстов, в разверстке смыслового плана, в организации образной [16] системы, в формальной игре со знаками, будут отображаться и далее в литературном процессе.

Таким образом, можно сделать вывод, что судьба Владимира Маяковского, действительно, представляет собой довольно интересный извод. Поэт смог закрепить за собой имя настоящего творца, работающего в разных жанрах, в разных сферах, в переделе неординарных поэтических средств. Поэтика его лирических форм, безусловно, потрясает. Стихи В.В. Маяковского являются и эпатажем, и провокацией, и тонким намеком, и детальной раскадровкой жизни, и наставлением, и чувственным откровением перед читателями. Много в творчестве поэта привлекает, заставляет исследователей вновь и вновь искать своеобразие, открывать принципиально иные скрепы художественного мышления. Несомненно, Владимира Маяковского будут читать далее, будут цитировать, приводить в пример, и это правильно. Голос поэта озвучивает свод необходимых моральных ценностей, проговаривает эстетическую

доктрину непрекращающейся жизни, доводит до читателя мысль строгой ответственности перед собой, страной, Родиной, Россией.

Список литературы

1. Безруков А.Н. Эстетические доминанты ранней лирики Владимира Маяковского // Нижневартковский филологический вестник. 2017. № 2. С. 18-24.
2. Безрукова Р.А., Безруков А.Н. Стихи Маяковского для детей // Актуальные вопросы совершенствования образовательного процесса в поликультурном социуме : Материалы второй научно-практической конференции, Бирск, 16–17 марта 1999 года. Бирск: Бирский государственный педагогический институт, 1999. С. 48-50.
3. Брейтман А.В. Монтажность как принцип поэтики Маяковского // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19, № 2. С. 105-112. DOI 10.31079/1992-2868-2022-19-2-105-112.
4. Дударева М.А. Фольклорное начало стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»: поиск «иног царства» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 146-154. DOI 10.18522/1995-0640-2023-3-146-154.
5. Затеева Т.В., Фомина И.С. Маяковскоеведение: основные этапы, тенденции, имена // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 4. С. 46-54. DOI 10.18101/2686-7095-2022-4-46-54.
6. Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. 648 с.
7. Кацис Л. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М.: Языки русской культуры, 2000. 775 с.
8. Кольцова Н.З. К вопросу о жанровых исканиях русской литературы 1920-х гг.: «Зоо, или Письма не о любви» В. Шкловского и «Про это» В. Маяковского как два варианта одного замысла // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 3. С. 142-152. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-12.
9. Култышева О.М. В. Маяковский и акмеизм // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 9(47). С. 82-90.
10. Култышева О.М. Комическое в творчестве В. Маяковского: восприятие современников // Нижневартковский филологический вестник. 2018. № 1. С. 42-47.
11. Култышева О.М. Маяковский и конструктивизм // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 83-93.
12. Култышева О.М. Революционеры духа (А.Блок и В.Маяковский) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2013. № 2. С. 64-70.
13. Маяковский В.В. Собр. соч. в 13-ти томах. Т.1. 1912-1917. М.: ГИХЛ, 1955. 464 с.
14. Маяковский В.В. Собр. соч. в 13-ти томах. Т.10. 1929-1930. Стихи детям 1925-1929. М.: ГИХЛ, 1958. 384 с.
15. Перцов В.О. Маяковский: Жизнь и творчество (1893-1917). М.: Наука, 1969. 366 с.
16. Силаева М.В. Несколько слов о фонарях: к вопросу о многоаспектности образной системы В. Маяковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 18-25. DOI 10.18384/2310-7278-2023-3-18-25.
17. Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М.: Гилея, 2006. 557 с.
18. Штейман М.С., Макарова Н.А. Нравственно-этическое содержание произведений В. Маяковского для детей // Заметки ученого. 2023. № 6. С. 223-226.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82-1/-9

Бутымова А.В. Традиции жанра семейной хроники в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка»

Бутымова Анастасия Васильевна

магистр филол. наук, учитель русского языка и литературы
МБОУ г. Астрахани «Лицей №1»
butymova@gmail.com

Traditions of the genre of family chronicles in the trilogy of Dina Rubina "The Russian Canary"

Butymova Anastasia Vasilievna

Master of Philological Sciences, teacher of Russian language and literature
MBOU Astrakhan "Lyceum №1"

Аннотация. В статье анализируется жанровое своеобразие трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка». Исследователи уже не раз указывали на то, что данную трилогию можно отнести к жанру семейной хроники, поскольку в произведениях использован характерный для семейной хроники хронотоп. Его специфику составляет использование локуса «дома» как символа единения семьи и выделение структурирующей повествование функции художественного времени. Однако вопрос о жанровом своеобразии этого произведения скорее поставлен, нежели решен, что подчеркивает своевременность предпринятого нами исследования.

Ключевые слова: жанр, трилогия, семейная хроника, роман, художественное время, хроникальность.

Abstract. The article analyzes the genre originality of the trilogy of Dina Rubina "The Russian Canary". Researchers have repeatedly pointed out that this trilogy can be attributed to the genre of family chronicle, since the chronotope characteristic of the family chronicle is used in the works. Its specificity is the use of the locus of "home" as a symbol of family unity and the allocation of the narrative structuring function of artistic time. However, the question of the genre originality of this work has been raised rather than resolved, which underlines the timeliness of the research we have undertaken.

Keywords: genre, trilogy, family chronicle, novel, artistic time, chronicality.

Жанр семейной хроники сложился в русской классической литературе в XIX веке. Романная традиция семейных хроник в русской литературе начинается с творчества С.Т.Аксакова, М.С. Салтыкова-Щедрина и В.С.Соловьева. К жанрообразующим факторам семейной хроники исследователи относят тенденцию к изображению неразрывной связи истории жизни человека с историей общества, детерминацию закономерностей общественных изменений через описание частной жизни героя. Семейной хронике присущи хроникальность, линейное время, экстенсивный сюжет, чередующий сцены меняющейся действительности. Жанровая

структура хроники обусловлена темпом, длительностью и порядком отражаемых событий. Важнейшая жанровая составляющая семейной хроники — особый хронотоп, который, во-первых, содержит в качестве обязательного элемента топос дома как семейного очага, а во-вторых, структурирован идеей неразрывности, сопричастности личного и исторического времени. Представляется, что Дина Рубина в трилогии «Русская канарейка» обращается именно к такому традиционному жанру семейной хроники хронотопу.

В первой же книге — «Желтухин» — встречается описание дома: «Вообще, если уж мы заговорили о музыке и о Доме Этингера, то надо бы захватить пригоршню времени поглубже и пошире, насколько хватит глаз; полновесной октавой взять, черпнуть глубоким ковшом, в который угодил бы даже и Соломон Этингер, тот николаевский солдат» [3;67]. Этот дом становится символом рода Этингеров, барометром, показывающим состояние (духовное и материальное) семьи в той или иной момент ее развития. Жильцы этого дома многое пережили: взлёты, потрясения, триумфы и падения.

В начале романа дом показан как средоточие культурно-аристократических традиций. О высокой культуре его обитателей, членов семьи Этингера, говорят детали. И прежде всего богатая библиотека. «Речь шла о трёх книгах из семейной библиотеки — той, положил начало еще старый кантонист, а продолжил собирать Гаврила Оскарович. Каждый фолиант помечен фамильным экслибрисом: могучий встрепанный лев, чем-то напоминавший юного Гаврилу Оскаровича, с лапой на полковом барабане» [3;125]. Помимо библиотеки, в каждой комнате этого дома находились предметы и вещи, которые считались реликвией, что свидетельствовало о принадлежности семьи к культурной элите дореволюционного общества, подчеркивала статус Этингеров, художественный вкус, стремление к прекрасному.

Следуя сложившимся традициям русской литературы, автор вводит множество художественных деталей, подчеркивающих, что семья была когда-то зажиточной и богатой: «Стол в Эскиной комнате был завален добром. В той куче сверкал натертый Стешей до блеска бронзовый канделябр, сахарница, две фарфоровые прелестницы, деликатное щепотью приподнявшие пышные юбки. Но самым изумительным было сооружение, вроде шатра, из каких-то пружин, шнуров и застёжек, обшитое голубым атласом небесной красоты» [3;190].

В советское время происходит «разрушение» дома, в который заселяются посторонние люди. Дом становится уже не Домом Этингеров, а настоящей коммунальной квартирой. Разрушение семейного очага будет происходить

последовательно, знаменуя разрушение единства семьи: «В то время квартиру Гаврилы Оскаровича еще не свели к одной лишь Эськиной комнате и Стешиной антресоли, хотя супружескую спальню Этингеров уже занимал шофер какого-то портового начальника, с женой и двумя шумными и толстыми мальчиками-близнецами, а в Яшиной комнате поселилась стенографистка Управления железной дороги со старой тёткой» [3;133].

Дом Этингеров всегда был наполнен музыкой и талантливыми людьми, но тяжёлые испытания, вызванные прежде всего революцией, гражданской войной, политикой Советского союза, оказались разрушительными. Всё, что таил этот дом в себе, постепенно сгорало. Дом стал переполнен новыми соседями. Ванная комната дома Этингеров раздробилась на три комнаты: «Ванну, величественную ладью на бронзовых лапах, превратила в кровать рыжая Лида» [3;143]. Большой Этингер сходил с ума, оттого, что творилось в доме, он не находил себе места, как и все члены этой семьи: «Собственно, от квартиры остались одна только Эськина комната да Стешина антресоль» [3;188].

Постепенное отчуждение семьи от дома связано не только с утратой комнат и реликвий. Изменяется атмосфера вокруг, советская культура, чуждая духу Этингеров, вытесняет оставшихся членов семьи не только из родового гнезда, но и из страны.

В конце романа «Желтухин» дом Этингеров разделяет участь большей части семейства, «погибая» вместе с некоторыми членами семьи, с культурным наследием прошлого. Вместе с тем он довлеет над членами рода своим прошлым и невозможностью вырваться из всего того, что происходило в нём. Поэтому крах дома в романе становится символом ломки традиций и стереотипов, кардинальной смены вех в истории семьи.

В романе есть еще один дом и еще один род, представляющий семью из Алматы. Этой семье пришлось тоже пережить многое: потери, неудачи. Семья была не богатой, но и не бедной, в их дома всегда царили тишина и покой. Этот дом сохранил семейные реликвии, антиквариат, например, бюро с документами и фотографиями, шкафчик с откидной доской.

Итак, образ дома в семейных хрониках наряду со своими конкретно-бытовыми чертами превращается в знаковый элемент культурного пространства, которое преобразует по своему образу и подобию реальное бытие, окружающее человека. И этот образ становится одним из важных жанрообразующих факторов в семейной хронике.

Другим аспектом, который говорит о присутствии традиций семейной хроники в трилогии Д.Рубиной «Русская канарейка», становится организация художественного времени. Специфическими чертами художественного времени в этом жанре является линейность: отображение жизни нескольких поколений одной семьи и описание значительного периода времени, прослеживание связности исторического времени с личным временем. В романе время показано стремительным и статичным одновременно, читатель как будто вместе с повествованием несется по коридорам времени героев. Время как объективная реальность и время как психологическое переживание – это одновременно художественная и философская проблема.

В трилогии Д.Рубиной «Русская канарейка» история разворачивается то в хронологическом порядке, то не в хронологическом порядке. Автор то останавливается на современности, то возвращает повествование далеко назад, то «намекает» на события будущего. Жизнь обоих семейств полна легенд, тайн, трагедий и недомолвок. Читатель не может не обратить внимания на то, что, кроме Большого Этингера, никто из главных героев не создал собственной семьи. Эська, Барышня, яркая в молодости, отцвела «пустоцветом», так и выйдя замуж. Стеша и не думала о вступлении в брак, а мать Леона, шальная Владка, кажется вообще никогда не была способна к семейной жизни. И в Алма-Ате герои тоже терпят неудачу в личной жизни. Так, Зверолов Каблуков и его сестра одиноки, Илья вообще овдовел в день, когда родилась его дочь.

И все-таки, и один, и другой род выстояли, в них сохранились семейные легенды, реликвии, внутренняя, кровная связь. Выстояли, несмотря на революцию, войны, развал Советского Союза. На фоне меняющихся исторических и географических декораций герои рождаются, живут и умирают, пока по воле судьбы и автора не происходит знакомство Леона с Айей.

Художественное время трилогии «Русская канарейка» включает следующие основные моменты: в романе время нелинейно, многомерно, объемно; в темпоральной структуре текста возможно выделение временных планов (плоскостей), они взаимодействуют через главного героя – Леона; в качестве сигналов, выделяющих формы времени, выступают дороги, переезды из одного города в другой, резкие скачки из прошлого в настоящее и обратно. Соотношение времени исторического и бытового, биографического и исторического неравноценно: полную историю Айи узнаём лишь в конце романа. История жизни Леона прямолинейна, а бытовое время очень подробно, в отличие от бытового времени

других героев. Стоит отметить, авторское время (время повествователя) и субъективное время персонажей различаются темпом: время персонажей динамично, неравномерно. Особенно явно в изображении отношений главного героя и Аи. Время Леона и Аи стремительное, как гонка на мотоцикле.

Таким образом, можно сделать вывод, что трилогия Дины Рубиной «Русская канарейка» имеет жанровые признаки семейной хроники. Описывая жизнь нескольких поколений семьи, автор совершает экскурс вглубь семейного прошлого. Характерным художественным локусом становится дом, родовое гнездо, то место, которое сохраняет связь поколений. Что касается художественного времени, то в трилогии оно нелинейно, многомерно, объемно.

Ярче всего признаки жанра семейной хроники проявились в первом романе трилогии «Желтухин». В нем автор создает дополнительный микросюжет, который позволяет нам наблюдать за историей жизни двух семей. Два рода, описанные в трилогии, несмотря ни на что сохранили семейные легенды, реликвии, внутреннюю кровную связь, выстояли, преодолели революцию, войны и развал Советского Союза.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Никольский Е.В. Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней // Традиции в русской литературе. Н. Новгород. 2011. С. 11-23.
3. Педченко В.А. Категория дома в художественной концепции личности русской прозы рубежа XX-XXI веков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 45.
4. Рубина Д. Русская канарейка. Желтухин / Дина Рубина. М.: Эксмо, 2015. 67 с.
5. Рубина Д. Русская канарейка. Желтухин / Дина Рубина. М.: Эксмо, 2015. 125 с.
6. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М, 1993. С.122.

УДК 821

**Куркова Д.И. Концепт «Бренд» в романе Лорен Вайсбергер
«Дьявол носит Prada»**

Куркова Диана Инсуровна

Аспирант 2ого курса, Удмуртский государственный университет
vdi7@mail.ru

The concept «Brand» in Luren Weisberger's novel «Devil wears Prada»

Kurkova Diana I.

Postgraduate student (2nd year), Udmurt State University

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме исследования концептов в художественном произведении. Произведения Лорен Вайсбергер относятся к современным, поэтому нет достаточной концептологической проработки ее работ. Роман «Дьявол носит Прада» вышел в свет в 2003 году. Сейчас он представляет интерес для концептуального анализа, так как в нем отражены концепты современного общества и их интерпретация важна для понимания современного мышления. В нашей статье мы рассмотрим, какие идеи автор романа вкладывает в понимание субконцепта «бренд» как части концепта «мода». Цель работы - выявление реализации концепта «бренд» в романе Лорен Вайсбергер «Дьявол носит Прада». Новизна исследования заключается в предпринятой попытке комплексного анализа образов и стиля жизни главных героев, а также систематизации языковых средств, используемых для реализации концепта «бренд» в романе. Автор обращается к цитированию. Данное исследование обладает теоретической и практической значимостью. Объектом исследования является концептуальный анализ в зарубежной литературе, предметом исследования служит раскрытие субконцепта «бренд» как части концепта «мода» в романе. В тексте присутствует большое количество ссылок на работы исследователей-филологов, рассматривающих понятие «концепт», выделяющих его виды, определяющих его функции. Практическая значимость определяется тем, что отдельные тезисы данного исследования могут быть использованы при чтении общих лекционных курсов по истории зарубежной литературы. В ходе исследования автор приходит к выводу, что семантика концепта Бренд включает такие понятия, как престиж, статус, качество. Выявляются конкретные выразители данного концепта, представляющие собой названия известных торговых марок. Уточняется роль стоящей в центре повествования идеологической оппозиции, оказывающей влияние как содержание романа, так и его структуру. Также отмечается схожесть анализируемого нарратива со сказочным текстом.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, концептологическое исследование, когнитивная интерпретация, бренд

Abstract. The article is devoted to the actual problem of the study of concepts in an imaginative literature. The works of Lauren Weisberger are modern, so there is not enough conceptual study of her work. The Devil Wears Prada was published in 2003. Now it is of interest for conceptual analysis, since it reflects the concepts of modern society and their interpretation is important for understanding modern thinking. In our article, we will consider what ideas the author of the novel puts into understanding the subconcept "brand"

as part of the concept "fashion". The purpose of the work is to identify the implementation of the concept of "brand" in the novel "The Devil Wears Prada" by Lauren Weisberger. The novelty of the research lies in the attempt of a comprehensive analysis of the images and lifestyle of the main characters, as well as the systematization of the language tools used to implement the concept of "brand" of the novel. The author refers to the citation. This study has theoretical and practical significance. The object of the study is conceptual analysis in foreign literature; the subject of the study is the disclosure of the sub-concept "brand" as part of the concept of "fashion" in the novel. The text contains a large number of references to the works of philological researchers who consider the idea of "concept", highlight its types, and determine its functions. Practical significance is determined by the fact that individual theses of this study can be used when delivering general lecture courses on the history of foreign literature. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the semantics of the Brand concept includes such concepts as prestige, status, and quality. Specific exponents of this concept are identified, which are the names of well-known brands. The role of the ideological opposition at the center of the narrative, which influences both the content of the novel and its structure, is clarified. The similarity of the analyzed narrative with a fairy-tale text is also noted.

Keywords: concept, literary concept, conceptual research, cognitive interpretation, brand

В настоящий момент концептологические исследования характеризуются разработанностью и частичной завершенностью теоретической базы, что создает возможность широкого применения этих знаний на практике: дано определение содержания концептов, обозначена область их функционирования, разработаны методы анализа. Исследования в этой области достаточно востребованы, так как они помогают проникнуть в многообразие коннотаций, стоящих за языковым знаком. Развитие концептологии особенно важно для изучения художественных текстов. Произведения Лорен Вайсбергер относятся к современным, поэтому нет достаточной концептологической проработки ее работ. Роман «Дьявол носит Прада» вышел в свет в 2003 году. Сейчас он представляет интерес для концептуального анализа, так как в нем отражены концепты современного общества и их интерпретация важна для понимания современного мышления.

Изучение художественных концептов является актуальной темой среди современных исследователей. Разные аспекты данного явления освещены в работах Н.О. Булгаковой [3], Н.С. Болотновой [2], Е.Ю. Булыгиной [4], Е.В. Костаревой [9] и др. Художественные концепты имеют ряд особенностей и отличаются от общезыковых тем, что отражают индивидуально-авторское восприятие действительности [1]. Художественные концепты, с одной стороны, «конструируются» автором текста с учетом ценностных характеристик, особых смыслов, которые связаны с определенными концептами в национально-культурной картине мира или ментальных картинах отдельных (специальных) видов

деятельности, характеризующих соответствующее общество [8]. С другой стороны, им свойственна неподчиненность законам логики, отсутствие жесткой связи с реальной действительностью. Творческая личность актуализирует семы, зачастую скрытые в структуре концепта, требующие их декодирования реципиентом. Неоднозначность и непредсказуемость отличают как коннотативную, так и денотативную сторону концепта. Способ вербализации художественного концепта не ограничивается одной лексической единицей, а может варьироваться, например, в рамках частей речи или осуществляться с помощью экспрессии или дескрипции [9]. Таким образом, можно говорить о прямой номинации и «номинации в контексте» или «контекстных приращенных значениях». Поскольку художественный концепт индивидуален, при выборе методов его исследования целесообразнее опираться на постулаты когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как продукт сознания отдельно взятого индивида, а не культуры в целом [7].

Под художественным концептом мы понимаем ментальное образование сознания писателя, реализующее своё смысловое значение в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения. Художественный концепт находит своё вербальное выражение в художественном образе, символе, является единицей картины мира писателя, пронизывает всю структуру произведения, выходит за его пределы, связывая определенный художественный текст с другими произведениями писателя, художественной литературы, культурными константами нации. Художественный концепт потенциален, он «запускает движение смыслов на стыках разных рядов – исторического, социального, бытового и собственно литературного» [1]. При изучении художественного концепта интерес представляет его ценностная составляющая, а также сопутствующий эмоциональный комплекс, способствующий определенному контекстуальному восприятию художественного смысла. В нашей статье мы рассмотрим, какие идеи автор романа вкладывает в понимание субконцепта «бренд» как части концепта «мода».

В современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой под термином «бренд» понимается: 1. Торговая марка товара или продукта в наиболее предпочтительном образе, имеющем высокую репутацию у потребителя; 2. Знак, образ предмета или явления; имидж [6, с.143]. И.И. Санжаревский описывает бренд как «товарный знак, торговую марку, широко известное торговое имя компании (товара, услуги), положительно влияющее на репутацию компании и служащее своеобразной гарантией ожидаемого качества товара (услуги)» [с.15] [11]. Cambridge English Dictionary описывает бренд, как положительные качества, ассоциируемые с

широко известным именем, линейкой продуктов или знаменитостью [12]. Таким образом, под брендом мы будем понимать *торговую марку с широко известным именем, имеющую высокую репутацию, гарантирующую качество товара*. Интерпретация художественного концепта в романе дается через анализ образов и стиля жизни главных героев.

Повествование романа ведется от лица недавно окончившей университет и ищущей свою первую серьезную работу Андреа Сакс. Она приходит в чуждый ей мир моды с целью стать журналистом в «Таймс», но для этого ей необходимо поработать ассистентом главного редактора Миранды Пристли в журнале «Подיום». Именно с точки зрения Андреа мы видим раскрытие субконцепта «бренд».

В романе мы можем проследить разделение мира на обычных людей среднего класса (родители, подруга Лили и бойфренд Алекс) и людей высшего общества (Аманда, Эмили, коллеги Андреа, Кристиан Коллинсворт).

Какого же мнение среднего класса о брендах и мире моды? Узнав о новой работе Андреа, ее молодой человек Алекс говорит: «Модельный бизнес *не самая плохая вещь на свете*, может тебе понравится» (с. 31). Рассказывая родным в день благодарения о своей новой работе, Андреа понимает, что не может раскрыть важность своей деятельности, что это будто другое измерение для них. Все, о чем она говорила, было чуждо для ее семьи, словно иностранная речь, никто и никогда не слышал о Миранде Пристли и ее мире моды и брендов (с. 74). Ее лучшая подруга Лили «не очень разбиралась в моде, таскала джинсы, дешевые свитера и пеньковые фенечки» (с. 122) Для среднего класса в приоритете моральные ценности, такие, как семья, друзья, любовь. Это люди, далекие от мира моды и брендов (такой же была Андреа до того, как прийти в «Подיום», и такой она и осталась, когда уволилась), «кому только интересен подיום, это же журнал мод». «Ты хорошенькая, но слишком здравомыслящая и тебе плевать, как ты одета», - сказал о ней Найджел, законодатель моды «Подיוםа» - креативный директор журнала (с. 57).

Для людей высшего общества бренды представляют неотъемлемую часть жизни и используются как обычные повседневные вещи. Устаревшие вещи, не смотря на их стоимость, считаются мусором: «Миранда избавлялась от устаревшего барахла, и вороха творений Ива Сен-Лорана, Селин и Гельмута Ланга прибывали в мешках для мусора обратно в редакцию» (с. 125).

Журнал «Подיום» занимается продвижением известных брендов под руководством Миранды, поэтому все сотрудники являются лицом и рекламой и всегда одеты в новейшие эксклюзивные, брендовые вещи. «О такой работе можно только

мечтать» - убеждают главную героиню.

В романе упоминается широкий набор брендов:

- Модные дома обуви: Маноло Бланик, Джимми Чу, Тод, Кристиан Лабутен;

- Модные дома одежды и аксессуаров: Селин, Гэп, Гермес, Марк Джекобс, Гуччи, Диор, Донна Каран, Прада, Армани, Версаче, Луи Виттон, Александр Маккуин, Ив Сен-Лоран, Гельмут Ланг, Живанши, Оскар де ла Рента, Майкл Корс, Фенди, Шанель, Барни, Хлоэ, Соня Рикель, Кельвин Кляйн, Бергдорф, Скуп, Инфинити, Тахари, Диана фон Фюрстенберг, Катайон Адели, Ла Перла, Роберто Кавалли, Сакс, Томми Хилфигер, Поло, Марк Бэдгли, Мендель, Джеймс Мишка, Вера Вонг, Альтберта Ферретти, Розмари Браво, Герб Риттс, Брюс Вебер, Жизель Бундхен, Хиллари Клинтон, Том Форд, Энни Лейбовиц, Николь Миллер, Андриена Виттадини, Кевин Окойе, Джон Саага, Бруно Мальи, Марио Тестино, Нарсисо Родригес, Альберта Ферретти, Джил Сандерс, Барберри, Джон Пол Готье, Севен, Юдит Либер, Миу-Миу, Дизель, Аберкромби энд Фитч, Хейнс, Хьюго Босс, Кейт Спейд, Грейдон Картер, Айрин Лодер, Синтия Роули;

- Косметические бренды: Бобби Браун, Мак;
- Бренды техники: Эпл, Моторола, Бэнг энд Олуфсен;
- Бренды автомобилей: Линкольн Навигатор, Порше;
- Газеты и журналы: Женская одежда, Нью-Йоркер, Экономист, Шик, Мантра, На слуху, Кокетка, Дейли Ньюс, Ньюй-Йорк Таймс, Ньюй-Йорк пост, Файнэншел Таймс, Вашингтон Пост, Нью-Йорк обсервер, Уолл-Стрит джорнал, Тайм аут Нью-Йорк, Нью-Йорк Мэгэзин, Ю-эс ньюс, Ньюс-уик, Вог, Вэнити фэар, Космополитен;

- Магазин товаров для дома: Икеа;
- Отель: Ритц Карлтон;
- Бренды ювелирных изделий: Картье, Сваровски;
- Бренды напитков: Дон Периньон, Вдова Клико, Шерри-Леман, Руффино, Пеллегрини;

- Кафе, рестораны и бары: ресторан Времена Года, Ле Сарк, Сохо, Пастис, Флоут, Плаза, Старбакс, Манхьи, Баббо, Таун, О-бар;

- Парфюмерный дом: Булгари.

Подиум-это то место, где люди обращают большое внимание на то, как одеты их коллеги: «все уже посмотрели, кто в чем пришел, были отмечены ультрамодные джинсы от Майкла Корса и маечки от Селин» [15]. Люди обращают внимание на

бренды и оценивают других исключительно по одежде и внешнему виду. Журнал «Подиум» является вымышленным, однако именно он является главным брендом всего романа: это самый известный журнал мод в Америке, а его главный редактор - Миранда Пристли - самая известная и влиятельная персона. Многие люди, особенно молодые девушки, мечтают работать там и быть причастными к моде.

Андеа впервые попала в здание, где находится «Подиум» - «Элиас Кларк» - «воплощение лоска и шика, как и все его обитатели» (с.124), - словно в рай, где она говорит о себе, что «была полной невеждой, явившись на свое первое собеседование». Она обращает внимание на идеальных «женщин с сияющими светлыми волосами в туфлях и с сумками, которых не бывает у простых смертных» (Прада, Армани, Версаче) (с.12). Все здание «Элиас-Кларк» и его атмосфера были пронизаны богатством, изыском и благородством, в которое не вписывалась Андреа в «дешевом костюме и очень неудачных туфлях» (с.18).

Андреа как представитель среднего класса обращает внимание на цену вещей: туфли от Маноло, брюки от Гуччи - три тысячи сто долларов; сумка от Фенди - десять тысяч долларов (хватит на год аренды (с.167), ценники на некоторых вещах в кладовой подиума превышали месячный доход рядового американца (с.172), - так как она ведет довольно скромный образ жизни (она тратила не более 10 долларов в день), живет в квартире с соседками в очень маленькой комнате, куда не входит ничего, кроме кровати. На работе она имеет дело со всеми самыми известными дорогими брендами, ездит с личным водителем на «кадиллаке» и берет в аренду брендовые вещи, словно костюм, чтобы соответствовать стандартам «Подиума». Главная героиня в романе, словно Золушка, попадает из жизни среднего класса в богатую и роскошную, со всеми атрибутами, однако, такая жизнь - не для нее, и в конце романа она принимает решение вернуться обратно в свой мир.

Андреа всячески противостоит ажиотажу «Подиума» к брендовым и красивым вещам, но, когда сдается, оказывается довольна тем, как выглядит. На нее обращают внимание, останавливают люди на улице, чтобы узнать про сапоги и восхититься (с.123). Каждая брендовая вещь заставляет ее чувствовать себя исключительной: «Замшевые брюки от Гуччи могли превратить в супермодель самую заурядную девушку» (с.175), «Выбеленные джинсы от Марка Джекобса были сшиты будто бы для меня» (с.175). Однако мечтает она о том, чтобы «ходить в заношенных спортивных брюках, бросить красить ногти на ногах, есть жирные эклеры и чтобы никому не было до этого дела» (с.313). Она обращает внимание на то, что брендовые вещи очень красивые, но они совсем неудобные и непрактичные: «брюки от Гуччи обхватывали

ноги так, что они затекали через несколько минут после застегивания кнопки» (с.6), «блейзер Эмили мало подходил для декабря» (с.61).

Миранда Пристли представляет высшее общество и в ее жизни бренды имеют статус обычных, легкодоступных, повседневных вещей. Дети Миранды носят вещи от Томми Хилфигера и первыми получают рукописи нового Гарри Поттера. Под заказ для Миранды знаменитые дизайнеры шьют самые дорогие и исключительные вещи (белые теннисные шорты от Шанель, уникальное красное платье ручной работы с бисером). Самые известные люди мира дарят ей двести пятьдесят шесть подарков на Новый год, к которым она даже не притронется. Миранда носит белые шарфы от «Гермес» и теряет их при каждом удобном случае, поэтому они поставляются к ней сотнями. Она использует сумку ручной работы от Фенди стоимостью десять тысяч долларов как пакет для «мусора» или рюкзак для дочери.

Для Миранды очень важны детали: она пьет только «Пеллигрино», пользуется эксклюзивным шампунем и духами, ест обед только из одного ресторана «Манхьи», пьет кофе только из Старбакса, удостоивает внимания только определенных людей; живет в идеальном доме на Пятой авеню с дворецким и шеф-поваром.

Миранда как законодатель моды решает за высший свет, «во что они будут одеваться», и за средний класс, «во что бы они хотели одеваться», она «дирижер великой симфонии обольщения». Во время вечера в Метрополитен-Музее Андреа видит Миранду в красном шелковом платье от Шанель и называет ее произведением искусства. Но в то же время Андреа замечает, что «она пыталась произвести впечатление на окружающих, поэтому была лишена естественного обаяния» (с.265).

Таким образом, анализируя вышесказанное, мы можем сделать выводы, что:

- 1) Бренды представляют собой неотъемлемую часть роскошной и изысканной жизни, о которой люди среднего класса могут только мечтать;
- 2) Одетые в брендовые вещи люди выглядят дорого, статусно и притягивают внимание окружающих, словно произведение искусства;
- 3) Брендовые вещи эксклюзивны и часто сделаны вручную, на заказ;
- 4) Брендовые вещи выбирают люди, для которых важны детали;
- 5) Для людей из высшего общества брендовые вещи носят характер повседневности, в то время как люди среднего класса мечтают прикоснуться к богатой жизни через эти вещи;
- 6) Брендовые вещи выделяют человека, делая его уникальным и недостижимым;
- 7) Люди одеваются дорого и красиво, забывая о комфорте и практичности;

8) Бренд - это символ богатства, изыска и благородства.

Одна из основных идей романа в том, что есть две категории людей: первые обращают внимание на внешний вид и детали внешности, вторые же заботятся о том же самом, при этом у них отсутствует естественное обаяние, они хотят произвести впечатление, забывая о естественности. Именно на таких людей нацелено производство брендовых вещей. У них чаще всего нет реальной жизни, настоящей дружной семьи, друзей. Такие люди одиноки и живут искусственной жизнью, несмотря на свой статус и богатство.

Также есть люди, для которых превыше всего моральные ценности, они хотят жить полной жизнью, они естественны и для них не играет роли внешний вид свой или других, для них важны внутренние качества, отношения с семьей, друзьями. Поэтому выражение «О такой работе можно только мечтать» оказалось таким далеким для Андреа.

Список литературы

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267.
2. Болотнова Н.С. О вариативном потенциале художественного концепта в поэтических текстах // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 6 (159) С. 118.
3. Булгакова Н.О. Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 125–146.
4. Булыгина Е.Ю. Трипольская Т.А., Ференц П. Художественные концепты «зависть» и «ревность» в повести Ю. Олеши «Зависть» и ее переводе на польский язык // Русин. 2017. № 2 (48). С. 51–68
5. Енева М.В. Эмоциональный концепт восторг/delight в сочинениях К.Г. Паустовского и Д.Б. Пристли // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 20 (375). С. 36–40.
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. 2000. 1084 с.
7. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Нижний Новгород, 2001. 168 с.
8. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2003. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html> (дата обращения: 09.10.2012).
9. Костарева Е.В., Стринюк Е.А. Концепт «Североирландский конфликт» («The Troubles»): методика исследования и репрезентация на материале медийного и художественного дискурсов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 19–47.
10. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. М., 2000. № 4. С. 39-45.
11. Санжаревский И.И. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф пол наук Санжаревский И.И. 2010. 988 с

12. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org> Дата обращения: 01.11.2022
13. Carol-Ann Farkas. Chick Lit: The New Woman's Fiction. *The Journal of Popular Culture* 39(5):902 – 903. September 2006
14. Lucinda Rosenfeld. What Was Chick Lit? A Brief History From the Inside. Literary Hub. <https://lithub.com/what-was-chick-lit-a-brief-history-from-the-inside/> Дата обращения 01.11.22
15. Matthew Wilkinson. The Devil Wears Prada: Main Characters, Ranked By Likability. Screen Rant. <https://screenrant.com/the-devil-wears-prada-main-characters-ranked-by-likability/> Дата обращения 01.11.22

УДК 821.112.2

**Мельникова Л.А. Тема служения искусству в новелле
Т. Манна «Тяжелый час»**

Мельникова Любовь Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин
Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
lmechnikova5@mail.ru

The theme of service to art in T. Mann's novelle "Hard Hour"

Melnikova Lyubov Alexandrovna

Candidate of Philology, PhD, Department of Philological Disciplines, Balashov Institute
of the Saratov State University

Аннотация. Статья посвящена осмыслению особенностей раскрытия темы служения искусству в новелле Т. Манна «Тяжелый час». Автор использует методы целостного анализа произведения и описательной поэтики. В результате проведенного исследования установлено, что данная проблема в новелле раскрывается на примере воссоздания творческих исканий немецкого поэта и драматурга Ф. Шиллера. Установлено, что основными средствами раскрытия характера главного героя в новелле являются портрет, несобственно-прямая речь, выразительные художественные детали. Воссоздавая ключевые направления рефлексии своего персонажа в тяжелый ночной час творческих исканий, Т. Манн выражает собственную позицию относительно предназначения художника и роли искусства в жизни людей.

Ключевые слова: Т. Манн, Ф. Шиллер, И.В. Гете, новелла, искусство, несобственно-прямая речь, выразительная деталь, портрет, рефлексия, образ.

Abstract. The article is devoted to understanding the peculiarities of revealing the theme of serving art in T. Mann's short story "Hard Hour". The author uses methods of holistic analysis of the work and descriptive poetics. As a result of the study, it was established that this problem is revealed in the short story through the example of recreating the creative quests of the German poet and playwright F. Schiller. It has been established that the main means of revealing the character of the main character in the short story are a portrait, indirect speech, and expressive artistic details. Recreating the key directions of his character's reflection in the difficult night hour of creative quest, T. Mann expresses his own position regarding the purpose of the artist and the role of art in people's lives.

Keywords: T. Mann, F. Schiller, I.V. Goethe, short story, art, improperly direct speech, expressive detail, portrait, reflection, image.

Новелла Т. Манна «Тяжелый час» была написана в 1905 году и относится к числу ранних текстов данного автора. Ключевой в данном произведении является тема служения искусству, а центральным образом – образ великого немецкого поэта и драматурга Фридриха Шиллера (1759–1805). Т. Манн неоднократно поднимал в своих новеллах тему творчества и предназначения художника. Она присутствует в

таких его текстах, как «Тонио Крегер», «Gladius Dei», «У пророка», «Тристан». Поэтику указанных произведений в названном аспекте в своих работах анализировали С. К. Апт [1], М. И. Бент [2], Л. А. Мельникова [4], А. Е. Плохарский [5], В. М. Толмачёв [6] и другие.

В рассматриваемой в настоящей статье новелле «Тяжелый час» данная тема раскрывается посредством репрезентации размышлений ее главного героя Фридриха Шиллера. Отличительной особенностью поэтики новелл Т. Манна является то, что в них он не стремится к острым сюжетным коллизиям, запутанным ситуациям, к необычному и исключительному. Вместо этого писатель обстоятельно, с подчеркнутым эпическим спокойствием изображает тот или иной эпизод повседневной жизни [7, с. 4].

Фабуле рассматриваемой нами новеллы «Тяжелый час» не присуща событийная динамика в ее классическом понимании. На страницах произведения перед читателем предстает фигура создающего в ночное время свое очередное произведение Ф. Шиллера, являющегося, по сути, единственным активным действующим героем данного текста.

Символичным представляется то обстоятельство, что один из ведущих штюрмеров показан в новелле Т. Манна в момент ночного осеннего ненастья. Упоминание о «гнусной, ненавистной погоде, которую ощущаешь каждым нервом» [3, с. 172] усиливает возникающий уже в начале произведения мотив мучительных творческих исканий художника слова: «Он стоял у печи и бросал, мигая, мучительно напряженные взгляды туда, на этот труд, от которого он бежал, на это бремя, эту тяжесть, эту муку, терзавшую его совесть, это море, которое предстояло выпить, эту пугающую задачу – его гордость и его несчастье, его рай и его ад. Этот труд тянулся, застревал и теперь остановился – опять, опять остановился» [3, с. 173]. Вынужденная пауза воспринимается Шиллером как следствие плохой погоды, катара и его усталости, с одной стороны, с другой – становится поводом для усиленной рефлексии и попытки определить для себя значимые художественные и нравственные ориентиры.

В новелле нет активного событийного действия, поэтому основными средствами раскрытия характера Ф. Шиллера становятся портрет, несобственно-прямая речь, выразительные художественные детали.

Момент наивысшего напряжения, переживаемого героем в «тяжелый ночной час», накладывает свой отпечаток на его портрет, представленный в новелле: «Нос, большой, горбатый, белый, резко заострялся, а у переносицы густые брови, более

темного цвета, чем волосы срастались, и это придавало что-то трагическое взгляду его голубых воспаленных глаз. Вынужденный дышать через рот, он то и дело разжимал тонкие губы, и щеки его, веснушчатые и серожелтые от комнатного воздуха, становились дряблыми и проваливались» [3, с. 174]. Трагический взгляд, воспаленные глаза, дряблые и проваливающиеся щеки – все эти детали подчинены цели указать не только на физический дискомфорт, испытываемый в этот момент персонажем, но и подчеркнуть то состояние отчаяния, в котором пребывает герой во время ночного бдения.

Постепенно отчаяние сменяется унынием, сомнениями, сетованием на то, что подлинное вдохновение посещает его все реже: «Всякий раз, как бы глубоко он не был подавлен, дух его быстро взвивался ввысь, и после часы уныния наступали часы веры и внутреннего торжества. Их больше не бывает, почти не бывает» [3, с. 174]. Но последующий ход мыслей центрального героя убеждает читателя в обратном.

Т. Манн выделяет основные направления рефлексии Ф. Шиллера: взаимосвязь личного счастья и творческих неудач, влияние кропотливого многочасового литературного труда на состояние здоровья, природа добродетели, избавление от жалости к себе как путь к постижению сути искусства и расцвету собственного таланта. Размышляя о проблеме настоящего величия, герой вступает в воображаемый диалог с филистерской публикой, в котором предостерегает ее от поверхностных оценок ею феномена таланта.

Примечателен тот факт, что, воссоздавая психологический портрет Ф. Шиллера в своей новелле, описывая его душевные терзания, Т. Манн рассматривает его в контексте эпохи Просвещения, то есть как художника, сутью своего мировоззрения, сохраняющего приверженность течению «Бури и натиска» и демонстрирующего мятежную сущность своей натуры: «Не надо жалоб! Не надо хвастовства! С терпением, скромностью надо думать о том, что приходится выносить. И если ни один день в неделю не свободен от страданий – что из того? Тяготы и труды, требования, затруднения, усилия – не обращать на все это внимания, не придавать всему этому значения, – вот, что делает человека великим!» [Манн, 1956, с. 176].

Касаясь в своих размышлениях проблемы самоидентификации собственной личности, Ф. Шиллер не может, с точки зрения Т. Манна, миновать вопроса о своем сотрудничестве и соперничестве с И.В. Гете. Немецкий писатель показывает, что в сознании Шиллера, Гете, с одной стороны, обладает большим авторитетом, с другой – вызывает любовь с томительно-враждебным чувством. Для Шиллера Гете – «человек светлый, плотский, чувственный, божественно-бессознательный» [3, с. 177].

В то же время он стремится не потерять своей творческой индивидуальности, восхищаясь талантами «великого веймарца». Герой манновской новеллы особо выделяет умение Гете «мудрой и счастливой» рукой разделять талант и творчество. Квинтэссенцией его размышлений о «великом веймарце» становится определение: «Он, может быть, божество, но не герой. А божеством быть легче, чем героем!» [3, с. 177]. Осмысление своеобразия творческой личности Гете помогают персонажу Т. Манна сформулировать видение своей дальнейшей миссии: «Но если творчество божественно, то в познании – героизм, и тот, кто творит, познавая, – тот вместе и божество, и герой!» [3, с. 177].

Кульминацией рефлексии Ф. Шиллера в новелле становится его попытка приблизиться к пониманию истинной сущности феномена свободы. В сознании героя свобода начинает коррелировать с возможностью семейного счастья, что свидетельствует о его творческой эволюции. Финалом размышлений Ф. Шиллера становится определение своего авторского кредо: «Не умствовать! Трудиться! Разграничивать, отсекавать, придавать форму, завершать!» [3, с. 179].

В итоге размышления, посетившие Ф. Шиллера в тяжелый ночной час, становятся толчком для духовного просветления героя, приводят его к результативному творчеству и, как следствие этого, к чувству эстетического удовлетворения.

Ориентируясь на литературное наследие Ф. Шиллера, Т. Манн стремился воплощать в своих произведениях гуманистические традиции просветительской литературы. Творчество и личность Ф. Шиллера подвергались рецепции Т. Манном не только в его художественных текстах. В последний год своей жизни он написал две больших литературно-критических статьи, одну из которых он посвятил А.П. Чехову («Слово о Чехове»), вторую – Ф. Шиллеру («Слово о Шиллере»). Немецкий писатель был убежден, что искусство является важным связующим звеном между идеалом и жизнью. К такому же выводу он приводит в своей новелле и великого штюрмера.

Список литературы

1. Апт С. К. Томас Манн [Электронный ресурс]. Серия ЖЗЛ. М., 1972. 352 с. Режим доступа: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/123959-solomon-apt-tomas-mann.html> (дата обращения: 19.11.2023)
2. Бент М. И. Традиции Шиллера и Клейста в концепции культуры Т. Манна // Вестник Челябинского государственного университета. 1997. Т. 2. № 1. С. 132–137.
3. Манн Т. Тяжелый час // Собрание сочинений в десяти томах. Том седьмой. Рассказы. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 172–179.
4. Мельникова Л. А. Тема искусства в новелле Т. Манна «Gladius Dei» // Lingua-universum. 2022. № 5. С. 8–10.
5. Плохарский А. Е. Архетип писателя в неоромантической новелле Томаса Манна «Тристан» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 34. № 3. С. 21–30.
6. Толмачёв В. М. О символизме Томаса Манна // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 3. С. 118–137.
7. Тураев С. Томас Манн и его новеллы // Манн Т. Новеллы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 3–11.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

Янь Я. Анализ текущей ситуации с медийной критикой в новых медиа КНР

Янь Яогуан

магистр кафедры национальных и глобальных медиа
института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета, РФ, г. Казань
yanyg1997@gmail.com

The Current Situation of Online Media Criticism in China's New Media

Yan Yaoguang

Master of the Department of National and Global Media
at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Media Communications
of Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan

Аннотация. Появление Интернета открыло большие возможности для развития медиакритики. Свобода и открытость Интернета позволили выражать плюралистические мнения, и Интернет стал новой позицией для медиакритики. Сетевая медиакритика привлекает все большее внимание, но она также сталкивается со многими проблемами, и необходимо принять соответствующие меры по регулированию поведения сетевых медиакритиков, чтобы их критика имела социальную ценность. В последние годы медиакритика привлекает все большее внимание отечественных журналистских и коммуникационных академий. В данной статье на основе результатов предыдущих исследований предпринята попытка сформулировать предложения по проблеме процветания медийной критики в Интернете, ориентируясь на среду новых медиа, т.е. на повышение медиаграмотности нетизенов и совершенствование отраслевого саморегулирования и правового строительства.

Ключевые слова: Медиакритика, новые медиа, медиакритика в Интернете, КНР, медиаграмотность

Abstract. The emergence of the Internet has brought significant opportunities for the development of media criticism. The freedom and openness of the Internet have enabled the expression of pluralistic opinions, and the Internet has become a new position for media criticism. Internet media criticism is getting more and more attention, but it also faces many challenges, and it is necessary to take corresponding measures to regulate the behavior of Internet media criticism of Internet users, so that their criticism has social value. In recent years, media criticism has been paid more and more attention in the domestic journalism and communication academic circles. This paper tries to put forward suggestions for the prosperity of online media criticism based on the research results of the previous researchers, taking the environment of new media as a viewpoint, that is to say, the enhancement of the media literacy of the netizens, and the improvement of the industry's self-regulation and the construction of legal system.

Keywords: media criticism, new media, online media criticism, China, media literacy

В КНР освещение чрезвычайных ситуаций традиционными СМИ часто характеризуется сложностью, обусловленной особыми идеологическими характеристиками СМИ и их положением в общественно-политической системе. Традиционные СМИ унаследовали давние традиции регулирования, административные органы являются основным органом регулирования мониторинга традиционных СМИ, контроля за качеством новостной пропаганды и других факторов, поэтому общественность зачастую не может свободно выражать свое мнение через традиционные СМИ. Но с развитием новых медиатехнологий общественность получает возможность более свободно выражать свое мнение в сети. Чтобы понять, что такое медиакритика, необходимо сначала понять, что такое критика.

Слово "критика" имеет очень богатую семантическую историю. Слово критика происходит от *kritikos*, различать или судить, что само по себе является производным от *krisis*, разделения или разрыва – “критический момент, который решает судьбу человека или вещи” [1, с. 27-37].

Значение слова "критика" в китайском языке включает в себя: указание на достоинства и недостатки, комментирование хорошего и плохого; конкретное комментирование недостатков и ошибок [1]. "Понятие "критика" рано вошло в обиход литературной и художественной критики и имеет очень богатое значение с множеством контекстов, таких как анализ, суждение, размышление и рефлексия. Несомненно, что значение "критики" в медиакритике также эквивалентно значению критики в литературной и кинокритике. Более того, в традиции "философии критики" Канта, медиакритика также является разновидностью гуманистической рефлексии, с сильной позицией предельной гуманистической озабоченности. Мы также нашли значение слова "критика" в русском языке, Критика – «1) Обсуждение, разбор чего-нибудь с целью оценить, выявить недостатки. 2) Отрицательное суждение о чем-нибудь, указание на недостатки. 3) Разбор и оценка литературных, музыкальных, театральных и иных художественных произведений» [2, С.307].

Согласно 51-му статистическому отчету о развитии Интернета в Китае, опубликованному Китайским информационным центром Интернет-сети (CNNIC), по состоянию на декабрь 2022 г. число пользователей Интернета в Китае достигло 1,067 млрд. человек, а уровень проникновения Интернета - 75,6%. Рост числа пользователей Интернета свидетельствует о наступлении периода всеобщей медийной критики [2].

Особенности медийной критики в Интернете

Пользователи Интернета становятся главной силой критики СМИ

Основная часть критики СМИ состоит в основном из четырех частей: правительство, пресса, эксперты и ученые, общественность [3, с.273 - 274]. До появления новых медиа участие общественности в критике СМИ было слабым. В то же время даже для экспертов и ученых их критика представлена по одному каналу, что не способствует выполнению направляющей роли профессиональных "лидеров мнений". В условиях новой медиасреды социальная платформа, представленная Weibo, обеспечивает "свободный рынок мнений" по каждому вопросу. С одной стороны, профессиональная медийная критика может быть активно представлена перед аудиторией, что расширяет возможности для формирования научного мнения в качестве ориентира. С другой стороны, свободное выражение мнения большого количества обычных нетизенов также может повлиять на развитие событий. Более того, индивидуальные различия влияют на взгляды нетизенов на медиафеномены, реализуя популяризацию медиакритики".

Развитие Интернета разрушило монополию традиционных СМИ на право дискурса, предоставив рядовым пользователям Интернета возможность выражать свои личные мнения и взгляды, и стало наиболее активной позицией для критики СМИ. С одной стороны, Интернет предоставляет платформу для профессиональной и академической медиакритики, с другой стороны, нетизены также играют большую роль в медиакритике. Хотя критика СМИ со стороны нетизенов в основном исходит из субъективных ощущений и носит произвольный характер, она в определенной степени отражает процесс развития критики СМИ от академических кругов до общества в целом.

Высокая степень либерализации выражения мнений в сети

Опираясь на поддержку сетевых технологий, киберпространство ослабляет понятие иерархии, каждый может войти в сеть, чтобы выразить свое мнение, значительная часть людей получила право голоса, которое не могла получить в прошлом, разрушив монополию элитной толпы на медиадискурс и создав открытую и свободную среду общественного мнения для критики СМИ. Анонимность Интернета также позволяет нетизенам говорить максимально правдиво, они могут свободно и без всяких опасений высказывать свою критику в адрес Интернет-СМИ и непосредственно реагировать на поведение СМИ.

Традиционные СМИ в современном Китае вписаны в рамки определенной политической системы, что делает невозможным выражение некоторых мнений в

традиционных СМИ, в то время как развитие новых медиа предоставляет обществу платформу для выражения своего мнения. Китайские нетизены как "новый класс общественного мнения", обладающий силой общественного мнения, формируют группу, имеющую реальное влияние. Медийная критика со стороны общественности уже не игнорируется, как раньше, из-за отсутствия возможностей для ее выражения, а выражение мнений в Интернете позволяет им сближаться и играть контролируемую роль в общественном мнении в сети.

Проблемы сетевой медиакритики

Низкая медиаграмотность пользователей Интернета и отсутствие рациональности

По сравнению со строгим и логичным стилем традиционной критики СМИ, критика в Интернете носит весьма произвольный характер. Медиаграмотность сетевых пользователей в целом невысока, и они часто выносят суждения и оценки тех или иных медиафеноменов или медиаповедений на основе собственных субъективных стандартов, а их критика носит скорее эмоциональный характер, выражающийся в публикации острых речей, что придает сетевой медиакритике иррациональные черты.

Рациональность медийной критики проявляется в основном на двух важных уровнях: рациональность метода критики и рациональность ценности. Сеть снизила порог выражения общественного мнения, нетизены перестали считаться с теорией критики СМИ, нормами критики, стандартами критики, что напрямую приводит к отсутствию методологической рациональности сетевой медиакритики. Ценностная рациональность требует от субъекта критики социальной и гуманистической озабоченности, включающей три уровня: первый - озабоченность социальными проблемами и ответственность за их раскрытие. Второй - продвижение истины, добра и красоты. Третий - уважение к личностным ценностям. Выражение сетевой речи носит произвольный характер, лишено рационального мышления, в результате чего общий уровень критики сетевых СМИ оказывается низким, теряется значимость критики.

Чрезмерная концентрация дискурсивной власти приводит к серьезной гомогенизации

Интернет предоставляет широкой общественности и лидерам общественного мнения одинаковое право на высказывание, что удовлетворяет желание каждого высказаться. Однако из-за разного объема информации, которым владеет каждый

человек, существуют огромные различия в его дискурсивном пространстве в сети. На примере Weibo можно сказать, что расщепляющийся способ коммуникации в Weibo усилил концентрацию права на распространение информации, и несколько лидеров мнений возглавляют и контролируют поток мнений и информации в сети. Знаменитости из всех слоев общества обладают большим дискурсивным пространством, и их критика поведения СМИ в качестве лидеров сетевого мнения может привлекать больше внимания, чем критика обычных нетизенов.

Неравенство субъектов медийной критики в Интернете заставляет широкую общественность либо высказывать собственное мнение, либо соглашаться с мнением лидеров мнений. Медийная критика низов Интернета имеет ограниченный охват и малое влияние, а некоторые актуальные и даже жизненно важные критические замечания заслоняются критикой лидеров мнений. В условиях эффекта спирали молчания голос лидеров мнений усиливается, их критика принимается все большим числом нетизенов, и медийная критика в Интернете постепенно становится неоднородной и однородной по содержанию.

Предложения по повышению уровня медийной критики в сети

Сетевая медиакритика достигла больших успехов в процессе развития, но есть и очевидные проблемы. Осмысление теории и практики сетевой медиакритики имеет большое практическое значение.

Повышение медиаграмотности пользователей Интернета

Повышение медиаграмотности и коммуникативной грамотности пользователей Интернета является одним из основных путей повышения уровня критики сетевых СМИ. Необходимо обеспечить сетевым пользователям возможность и условия для получения образования в области медиаграмотности, добиться понимания ими особенностей, функций и правил сетевых СМИ. Необходимо воспитывать у аудитории умение расшифровывать информацию, глубоко понимать конструктивную природу медиаконтента, обладать способностью "демистифицировать" медиаинформацию и возвращаться к ее сути. С точки зрения коммуникативной грамотности необходимо воспитывать у нетизенов осознание ответственности за результаты своей речи. С точки зрения медиаграмотности, наблюдение за СМИ должно основываться на собственных ценностях и знании теории критики СМИ, поэтому нетизены должны сначала научиться самодисциплине и судить о хорошем и плохом, прежде чем выступать с критикой [4, с.63].

Содействие научному и профессиональному развитию критики СМИ

В условиях фрагментарности сетевой медиакритики необходимо усилить профессиональную подготовку сетевых "лидеров мнений" медиакритики, расширить влияние профессиональной медиакритики и иерархически играть направляющую роль. Например, в микроблогах при добавлении внимания к аккаунту автоматически появляется опция классификации, и текущие категории в основном включают знаменитостей, еду, моду и другие общие и развлекательные классификационные рекомендации. Исходя из этого, важно усилить сегментацию ярлыков и рекомендовать яркие ярлыки блогерам, специализирующимся в специализированных областях, причем критерии рекомендации должны основываться на классификации содержания их твитов, а не только на их самопрофилях. Для блогеров, которые часто склонны высказывать критику во всем, следует создать комплексную категорию рекомендаций по меткам.

Укрепление отраслевого саморегулирования и правовой системы

Многочисленные речевые успехи и потери в индустрии новых медиа связаны с отсутствием отлаженной правовой системы, что позволяет недобросовестным сетевикам действовать необдуманно. Положения на законодательном уровне могут напрямую влиять на формулирование и реализацию стандартов медиакритики, предполагающих профессиональное поведение журналиста, которое должно быть ограничено специальными законами, чтобы сетевая медиакритика могла развиваться в условиях хорошей медиаэкологии.

Развитие сетевой медиакритики в эпоху новых медиа предоставило обществу важное пространство для самовыражения, обеспечив свободное выражение множества мнений. Однако процветание этой сферы сопровождается и рядом проблем, в том числе нерегулируемым и безответственным поведением сетевой медиакритики. Для того чтобы критика сетевых СМИ имела социальную ценность, необходимо принять соответствующие меры.

В китайских научных кругах, занимающихся вопросами журналистики и коммуникации, критике СМИ уделяется все больше внимания, особенно в условиях новых медиа. Для дальнейшего развития сетевой медиакритики в данной работе предлагается сосредоточиться на двух ключевых аспектах. Во-первых, необходимо повышать медиаграмотность пользователей Интернета, развивать их способность определять достоверность информации и рациональную критику, чтобы критика сетевых СМИ была не только эмоциональным катарсисом, но и рациональной и конструктивной. Во-вторых, необходимо усилить отраслевое саморегулирование и

правовую систему, чтобы регулировать кодекс поведения критики в онлайн-СМИ путем создания соответствующих норм и правил, обеспечивающих ее позитивную роль в рамках законности.

Эти два шага помогут повысить качество медийной критики в Интернете, чтобы она могла лучше выполнять свою роль социального мониторинга и способствовать более ответственному поведению СМИ. В новой медиасреде поддержка конструктивной и глубокой критики в СМИ будет способствовать формированию более открытого и здорового информационного пространства.

Список литературы

1. Кретон, Л. "Критика и продвижение в кинематографе университетов : различия, союзы и дисфории". Entrelacs, Март (Маркетинг в кино). 2000. с. 27 – 37.
2. Китайский информационный центр Интернет-сети. 51-й статистический отчет о развитии Интернета в Китае. Электронный ресурс, URL: <https://www.cnnic.net.cn/n4/2023/0303/c88-10757.html>. (Дата обращения: 05.11.2023)
3. Чжао Сюхай. Исследование китайской сетевой медиакритики в условиях новой медиасреды // Farmers Staff. – 2018. – №3. С. 273 – 274.
4. Ван Синьлэй. Статус и отражение критики СМИ в новой медиасреде // Журнал "Журналистские исследования". – 2018. – Т. 6. – №11. С. 63.

Список источников

1. Современный словарь китайского языка (7-е изд.). Пекин // Коммерческое издательство, 2020. С. 1171.
2. Ожегов С.И., ТШведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С.307.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 37

Дзкуя В.Р. Технология позиционирования бренда в сфере телевидения

Дзкуя Валерия Раульевна

студент Института магистратуры, деловая журналистика и бизнес - коммуникации группы ЖУРЗ - 811, Ростовский государственный экономический университет

Научный руководитель Клеменова Елена Николаевна

д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой
Ростовский государственный экономический университет

Brand positioning technology in the field of television

Dzkuja Valerija Raul'evna

Student of the Master's Degree Institute, Business Journalism and Business Communications, ZHURB - 811 group, Rostov State University of Economics

Scientific adviser Klemenova Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
Rostov State University of Economics

Аннотация. В статье анализируется технология позиционирования бренда в сфере телевидения. Отмечается, что брендинг в сфере телевидения имеет свои особенности: ориентация на предпочтения зрительской аудитории; функционирование в условиях динамично меняющейся медийной среды; коммуникативная основа; системность; необходимость легкого запоминания бренда; эмоциональность восприятия зрителем.

Ключевые слова: бренд, брендинг, медиадизайн, технология, эксперимент.

Abstract. The article analyzes branding as a technology of brand positioning in the sphere of TV-design. The author notes that branding in the television sphere has its own characteristics. Among such features - orientation to the preferences of the audience; functioning under the conditions of a dynamically changing media environment; communicative basis; systemic; easy memorability of the brand; emotional perception of the audience.

Keywords: brand, branding, media design, technology, experiment.

В наше время значимость телевизионного брендинга постоянно усиливается. Эта тенденция обусловлена растущим соревнованием между телеканалами и появлением множества схожих телеформатов. Эффективный брендинг телеканала или программы способствует сохранению и увеличению аудитории, что в свою очередь положительно сказывается на репутации телекомпании. Брендинг, как методика улучшения позиционирования бренда, является ключевой стратегией повышения престижа и коммерческой успешности канала и телепрограммы. Поэтому

в этой статье основное внимание будет уделено брендингу как стратегической технологии.

Для эффективной работы с брендингом в телевизионной индустрии крайне важно понимать его уникальные характеристики и функции.

Цель данной статьи - осветить эти аспекты. В современном постмодернистском мире, где медиа стали неотъемлемой частью жизни, реклама на телеканалах стала важным элементом формирования предпочтений потребителей. Это, в свою очередь, подчеркивает одну из ключевых особенностей развития брендинга в телевизионном пространстве: его тесную связь с формированием предпочтений аудитории. Однако создание нового телевизионного бренда всегда сопряжено с неопределенностью восприятия зрителями.

В разработке нового бренда всегда существует риск его непопулярности. Важные аспекты медиа-брендинга были изучены Ли Хантом, который выделил несколько ключевых характеристик: его динамичность, что подразумевает ориентацию на актуальные запросы аудитории; коммуникативность, включая важность сообщения как текста и средства передачи; и системность, означающая формирование бренда на стыке различных компонентов, таких как имидж, инструкция, технические аспекты и внешний вид.

Эффективность брендинга обусловлена гармоничным сочетанием его различных аспектов. Имиджевый компонент бренда направлен на формирование представления у зрителя о том, как просмотр определенного канала или программы обогатит его опыт. Цель инструктивного элемента - объяснить потребителю, как бренд соотносится с его стилем жизни.

Технический аспект бренда задействует стратегии, способствующие укреплению образа бренда в сознании зрителя. В то время как внешний вид, или «упаковка» бренда, определяет его визуальное и концептуальное представление. Исследования подтверждают, что брендинг в значительной степени ориентирован на эмоциональный отклик потребителя.

Создание точного психологического профиля целевой аудитории является важным элементом брендинга. Брендинг в телевизионной области подразумевает активное взаимодействие с зрителем, формируя диалогичную природу этого процесса, что в итоге ведет к повышению доверия и предпочтений со стороны аудитории, как отмечает Ф.И. Шарков.

С учетом того, что телевидение функционирует в пространстве «зритель-экран», важностью обладает создание запоминающегося бренда. Одним из ключевых

инструментов здесь выступает логотип канала. Современные телеканалы широко применяют этот метод, превращая логотип в нечто большее, чем просто статичный символ, дополняя его динамикой, звуковым сопровождением и анимацией.

Динамизм логотипа отражает требования восприятия современной аудитории, живущей в эпоху постмодернизма. Взаимодействие между зрителем и экраном порождает уникальные подходы в брендинге, включая применение особых дизайнерских решений. Так, брендинг становится более мощным, когда он интегрирует последние достижения в области телевизионного дизайна.

Один из таких методов – телеграфика, которая организует информационные потоки, разделяя или объединяя их. Телеграфика преобразует восприятие бренда зрителем, воздействуя на его эмоциональное восприятие. Ещё один пример – использование особой цветовой палитры, которая создаёт узнаваемый образ бренда через различные его элементы.

Размышляя о брендинге в сфере телевидения, важно отметить различия между брендингом телеканала и телепрограммы, каждый из которых обладает своими специфическими характеристиками. Однако эти два аспекта тесно связаны: успешный бренд телеканала часто способствует популярности бренда отдельной передачи и наоборот. Нередко на телеканалах существуют ключевые передачи, которые формируют общий бренд канала. Примером может служить роль программы «Вести» в создании имиджа телеканала «Россия-24».

Изучив брендинг в контексте телевизионной индустрии, мы выявили его ключевые функции.

Первая функция – образовательная: она помогает аудитории понять сущность и роль нового бренда.

Вторая – функция идентификации: брендинг помогает создать уникальный и узнаваемый образ телеканала или программы, способствуя также формированию связи между зрителем и брендом, отражающей личные предпочтения и образ жизни зрителя.

Третья – функция выделения: она подчеркивает индивидуальность и особенности бренда.

Четвертая – функция материализации: здесь идея и концепция бренда получают воплощение в телевизионной реальности.

Эти функции брендинга в телевизионной области лежат в основе использования различных технологий брендинга, которые вписываются в модель британского эксперта Ли Ханга.

Согласно Ханту, успешный брендинг опирается на три основы: отличие от конкурентов (через взаимодействие с аудиторией и создание уникального образа проекта), верность корпоративным ценностям и доступность для зрителя. Мы добавляем к этому медиадизайн как ключевой элемент, поскольку он помогает визуализировать и конкретизировать идею бренда, что выделяет его среди других сфер.

В рамках нашего исследования мы анализировали успешные бренды различных типов телепередач (на основе зрительских предпочтений): новостные программы, развлекательные и социально-политические ток-шоу. Было выбрано по три передачи каждого типа, исходя из их популярности в апреле 2017 года. Мы исходили из предположения, что высокий рейтинг передачи коррелирует с её брендовой успешностью. Всего было проанализировано 51 выпуск, включая новостные программы («Время» (1 канал), «Вести недели» (Россия-1), «События» (ТВЦ)), развлекательные ток-шоу («Прямой эфир» (5 канал), «Пусть говорят» (1 канал), «Мужское-Женское» (1 канал)) и социально-политические ток-шоу (политические дебаты) («Место встречи» (НТВ), «60 минут» (Россия-1), «Поединок» (Россия-1)).

В ходе эксперимента был применен метод погружения, включавший фотографическую фиксацию элементов медиадизайна, последующую их классификацию, анализ и синтез полученных данных. Исследование показало, что в разных типах телепрограмм преобладают уникальные характеристики медиадизайна, используемые для брендинга.

Медиадизайн новостной программы ориентирован на подчеркивание ключевых моментов информационного потока, создавая впечатление актуальности, новаторства, динамизма и современности. Для этого используются такие элементы медиадизайна, как ассоциативный монтаж (например, ламинированные столешницы, создающие зеркальный и объемный эффект, подчеркивающий новизну и перспективность студии), дизайн студии (хайтек-стиль заднего фона, подчеркивающий связь с будущим) и стиль одежды ведущего (деловой костюм, создающий образ деловой атмосферы).

Медиадизайн ток-шоу, напротив, яркий и привлекательный, создающий более интимную связь между зрителем и участниками передачи, в отличие от более формального дизайна новостных программ. Характерный эффект медиадизайна для ток-шоу – это «динамика, трансформация, игра», достигаемая через эффекты движения по кругу или спирали и визуальных метаморфоз.

В исследовании особое внимание уделяется воздействию на эмоции зрителя, что достигается через разнообразные элементы медиадизайна. Эти элементы создают атмосферу театральности, праздничности и уюта, активно вовлекая зрителя в диалог с передачей. Это эффект достигается, например, за счет яркого освещения студии, клипового стиля оформления и создания атмосферы уютного домашнего пространства.

Медиадизайн политических дебатов ориентирован на создание агрессивной и эмоционально насыщенной атмосферы, подчеркивающей элементы конкуренции и соперничества. Это достигается через создание впечатления вовлеченности зрителя в дискуссию, использование эффектов магии и непредсказуемости, а также визуальное оформление студии, напоминающее боксерский ринг, с элементами световых эффектов и стеклянными деталями, а также подбором одежды и стилем ведущего, создающим образ «ведущего-судьи».

Таким образом, анализ успешных телевизионных брендов демонстрирует, что ключевым инструментом брендинга является медиадизайн. Медиадизайн эффективно использует и подчеркивает характеристики брендинга, описанные в первой части нашего исследования, стремясь визуализировать желаемый образ бренда через комбинацию различных дизайнерских решений. Этот подход способствует успешному брендингу, обеспечивая выполнение его ключевых функций в контексте телевизионной среды.

Список литературы

1. Белов И.А. Брендинг в киноиндустрии // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III Всероссийской научно-практической конференции 1-3 марта 2017 года / под ред. проф. А.Д.Кривоносова. - СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. - С. 159-160.
2. Епифанова М.А. Современный брендинг: сущность и принципы разработки // Социальногуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации: Сб. материалов Всероссийского научного форума молодых исследователей. 2021. - С128-131.
3. Зинкевич О.В. Брендинг в эпоху смены медиапарадигмы // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III Всероссийской научно-практической конференции 1–3 марта 2017 года / под ред. проф. А.Д.Кривоносова. - СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. - С. 21-24.
4. Кухаренко Е. Г. Исследование рынка услуг цифрового телевидения // Мобильный бизнес: перспективы развития и реализации систем радиосвязи в России и за рубежом: Сборник материалов (тезисов) 47-й Международной конференции, Москва, 05–07 апреля 2021 года. – М.: ЗАО «Национальный институт радио и инфокоммуникационных технологий», 2021. - С. 64-69.
5. Марченко М.Н. Особенности проектирования визуальных коммуникаций в телевизионной среде // Молодой ученый. 2019. № 8. - С. 1276-1278.
6. Хант Ли. Основы телевизионного брендинга и эфирного промоушен. - Нью-Йорк-Москва: Мир, 2003. - 144 с.
7. Цветкова П.И. Понятие и синтетическая сущность теледизайна // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. 2017. Т. 2. № 2. - С. 245-251.
8. Шарков Ф.И. Константы гудвилла: стиль, паблисити, репутация, имидж и бренд фирмы. - М.: МГУ, 2010. - 272 с.

УДК 811.512.153

**Кичеева К.В. Представления хакасов о времени и пространстве:
вербализация знаний в паремиях**

Кичеева Кристина Владимировна

исполнитель гранта, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
РФ, г. Абакан
kristi.tabakova@mail.ru

The Khakass' idea of time and space: verbalization of knowledge in proverbs

Kicheeva Kristina Vladimirovna

Grant executor, Khakass State University named after N.F. Katanova, RF, Abakan

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема мировосприятия о времени и пространстве в хакасских пословицах и поговорках (паремиях). В процессе анализа нами были выделены смысловые группы паремий, репрезентирующих представления хакасов о времени, в которых главным выступает концепт «всему свое время», а другие когнитивные темы тесно связаны с ним. Кроме того, выделяются и описываются пословицы, имеющие в своем составе лексемы с пространственной семантикой. Анализируемые лексемы с семой «пространство» через призму метафоры (*Хыстың хылығы хыр азыра* 'Характер девушки выше холма'), сравнения (*Чииттерге тағ – хузух кибегі осхас* 'Молодым гора, что скорлупа кедровых орешков'), синтаксического параллелизма (*Тас – тастаан чирде, хыс – парған чирде* 'Камень – там, где брошен, девушка – там, куда [замуж] выдана') и т.п. представляют собой как результат познавательной деятельности именно данного человеческого сообщества, данного этноса. Таким образом, материал хакасских паремий дает достаточно полное знание о том, как в целом хакасы представляют время и пространство.

Ключевые слова: время, пространство, хакасы, хакасские паремии, пословицы и поговорки, лингвокультурологический анализ.

Abstract. This article solves the problem of worldview about time and space in Khakass' idioms and folk sayings (proverbs). In the process of analysis, we identified semantic groups of proverbs representing the Khakass' ideas about time, in which the concept of "there is a time for everything" is the main one, and other cognitions are closely related to it. In addition, proverbs containing lexemes with spatial semantics are identified and described. Analyzed lexemes with the seme "space" through the prism of metaphor. ('The character of a girl is higher than a hill'), comparison ('For the young, a mountain is like the shell of pine nuts'), syntactic parallelism ('The stone is where it is thrown, the girl is where she was given [in marriage]') etc. represent as a result of the cognitive activity of a given human community, a given ethnic group. Thus, the material of Khakass' proverbs provides a fairly complete knowledge of how Khakass people in general represent time and space.

Keywords: time, space, Khakass, Khakass' proverbs, proverbs and sayings, linguocultural analysis.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Концепты «время», «пространство» являются универсальными для всех языков. Однако каждый язык имеет свои особенности их восприятия.

Культурные различия отчетливо отражаются в народных пословицах, поговорках, так называемых паремиях.

Проблеме хакасской паремиологии посвящено значительное число публикаций. У исследований к настоящему времени определились несколько направлений: культурологический, лингвистический, лингвокультурологический и др. В последние годы лингвокультурологический подход становится актуальным направлением в изучении паремий, которое нашло применение в работах А. Н. Чугунековой [1; 2], М. Д. Чертыковой [3; 4], А. Д. Каксина [5] и др.

Несмотря на кажущуюся многоаспектность, проблема представлений о времени и пространства требуют дополнительного рассмотрения.

Наш лингвокультурологический анализ хакасских пословиц и поговорок предполагает описание культурных смыслов, заложенных в них как своим содержанием в целом, так и отдельными словами, словосочетаниями.

С целью выявления специфики репрезентации времени и пространства в хакасском языке собран материал из сборников хакасских пословиц и поговорок «Хыйғаларның сөзі» = «Так сказали мудрецы» (1968), «Хыйға сөс» = «Мудрое слово» (1976), «Хыйға сөс» = «Мудрое слово» (2021).

Сначала рассмотрим паремии, принимающие участие в определении концепта «время».

Поскольку хакасских пословиц и поговорок с лексическими единицами, вербализующими темпоральность, не так много, анализу подвергаются паремии, характеризующие время своим общим содержанием, смыслом.

Семантическая структура концепта «время» представляет собой ядерно-периферийную модель, в центре которой находится когнитема «всеу свое время», переплетающаяся с другими когнитемами о времени.

Основополагающий смысл когнитемы «всеу свое время» заключается в том, что время идет своим чередом и ожидаемое событие может произойти только в определенное время. Примеры: *Таң атса, кўн сығадыр; көк тапсаза, көк от өзедір* (ХС76, с. 96) 'Когда рассвет, тогда и солнце выходит; когда кукушка кукует, тогда и

зеленая трава растет'; *Ўлүкүн күннің пола чоғыл* (ХС68, с. 54) 'Праздник не каждый день бывает'; *Өскіріп алза, мал полар* (ХС68, с. 59) 'Если вырастить, то будет скот'; *Таңдағызы таңда пілдірер, таң атса көрінер* (ХС68, с. 117) 'Завтрашнее завтра видно будет, с рассветом видно будет'; *Синніг нимені, сині читсе, тустығ нимені, тузы читсе* (ХС68, с. 118) 'То, что измеримо – когда достигнет определенного размера, то, что имеет время – когда время придет'; *Өкіс хулун ат өс парча, өкіс олған ир өс парча* (ХС68, с. 118) 'Осиротевший жеребенок становится конем, осиротевший ребенок вырастает мужчиной'; *Таң атса – күн сығадыр, сині читсе – ас пызадыр* (ХС68, с. 128) 'Если рассвет – солнце восходит, если время пришло – зерно созревает'.

Под этой когнитемой часто порицается самоуверенность человека в будущих событиях, поскольку судьбу не предугадаешь, она может решить по-своему. Примеры: *Чааға парчатсаң, махтанма, чаадаң нанчатсаң, махтан* (ХС76, с. 80) 'Отправляясь на войну, не хвались, хвались, когда возвращаешься с войны'; *Аңны өдіріп албаанда, теерізін сойбачаң* (ХС76, с. 81) 'Не убивши зверя, шкуру [его] не сдирают'; *Азынада ахсың азынма* (ХС76, с. 97) 'Рот свой раньше времени не открывай'; *Хонмастын теен ағаста хус таа хонадыр, іспеспін теен суғны ізерге киліс парадыр* (ХС68, с. 30) 'И птице приходится ночевать на дереве, на которое она зарекалась не садиться; и той воды приходится напиться, которую зареклись не пить'; *Кірбеспін теен ибге кірерге дее киліс парадыр* (ХС21, с. 71) 'Приходится бывать в доме, куда зареклись не заходить'; *Отты, уламда турза, махта* (ХС68, с. 32) 'Хвали сено, когда поставишь стог'; *Саайны сағыбачаң, киненні китебечең* (ХС21, с. 14) 'Несчастья не ждут, неудачу не выслеживают'; *Кізее хасхан оймах посха пол парадыр* (ХС68, с. 42) 'Вырытая яма другому – обычно получается себе'.

Эта когнитема также используется, когда от человека ожидается терпеливость, всякая спешка осуждается. Примеры: *Маңзыраан сеек сүтке түсчең* (ХС76, с. 77) 'Торопливая муха в молоко попадает'; *Суға кіргелекте, өдік суурба; таға сыххалахта, тайах тайанма* (ХС76, с. 76) 'Не разувайся, пока не дошел до реки; не поднявшись на гору, не опирайся на посох'; *Суғ кизер алнында маңзыраба* (ХС76, с. 82) 'Перед переправой не спеши'; *Ікі киректі пірге сағынзаң, пірсі дее киліспес* (ХС76, с. 100) 'Задумав два дела одновременно [выполнять], ни одного не получится выполнить'; *Игірлеен ікі хончаң, тоғырлаан тоғыс хончаң* (ХС68, с. 38) 'Идущий круглым путем – два [дня] ночует, идущий кратчайшим путем – девять [дней] ночует'; *Суғны көріп албин, өдігің суурба* (ХС68, с. 43) 'Не увидев реки, не снимай обувь'; *Пыспаан чистектің татхыны чоғыл, кічіг тайның чорығы чоғыл* (ХС68, с. 60) 'У неспелой ягоды вкуса нет, у маленького жеребца рыси нет'; *Хозан осхас*

хортых, сеек осхас маңзырос (ХС68, с. 69) ‘Трусливый как заяц, торопливый как муха’.

Кроме того, она может выражать своевременность. Примеры: *Час ағасты хураалахха эг, олғанны тузынаңоң үгрет* (ХС21, с. 73) ‘Сырое дерево гнут, пока оно не высохло, детей учат с малых лет’; *Малны хайди азыразаң, сүтті ідөк аларзың* (ХС76, с. 85) ‘Как будешь ухаживать за скотом, так же молоко будешь получать’; *Соона салдырған ниме сооп парчаң* (ХС76, с. 96) ‘То, что оставлено на потом, остывает’; *Ат полары – хулуннаң, ир полары – олғаннаң* (ХС68, с. 7) ‘Резвый жеребенок – будет добрым конем, хороший ребенок – будет настоящим мужчиной’; *Пүүңгі тоғысты таңдаға халдырба* (ХС68, с. 34) ‘Сегодняшнюю работу на завтра не оставляй’; *Ниме тузында тустығ полчаң* (ХС68, с. 32) ‘Всеми есть свое время (букв. что-либо в свое время имеет время)’; *Ас іскенче – маңзырабачаң, атха мүнзе – саадабачаң* (ХС68, с. 40) ‘Не спешат – угощение отпить, [а] сев на лошадь – не медлят’; *Чайғызын хатхыр чөредір, хысхызын сыхтап чөредір* (ХС21, с. 46) ‘Летом веселится, зимой слезы льет’.

Данная когнитивная тема часто переплетается с темой труда, когда вовремя сделанное дело приносит свои плоды или потраченное время на труд принесет свою пользу. Примеры: *Амды эрінмезең, соонда хомзынмасың* (ХС68, с. 21) ‘Если сейчас не будешь лениться, то потом не будешь огорчаться’; *Кізі күзі тик парбинча, кізі ханы тик халбинча* (ХС76, с. 94) ‘Старание человека не бывает напрасной, кровь человеческая не остается напрасной’; *Тирлеенче тоғынмазаң, тосханча азыранмасың* (ХС68, с. 18) ‘Если не будешь работать до пота, то досыта есть не будешь’; *Хамааң тирлезе – харның тох полар; холың хыймыраза – кибиң пүдін полар* (ХС76, с. 83) ‘Если лоб будет потеть – будешь сытым; если руки будут работать – одежда твоя будет целой’.

Если вышеприведенные паремии могут выражать темпоральную семантику и без лексических единиц времени, то представления о пространстве мы находим в пословицах, имеющих в своем составе слово с пространственным значением.

Так, лексема *тигір* ‘небо, небеса, небосвод’ ассоциируется с чем-то возвышенным или непреодолимой высотой: *Сыынның мүүзі түспечең полза, тигірге сіри өзерчік* (ХС21, с. 18) ‘Если рога у марала не выпадали, то достигли бы неба’; *Тигірге сығарға – тигір пөзік, чирге кірерге – чир хатығ* (ХС21, с. 34) ‘На небо залезть – небо высоко, в землю уйти – земля твердая’.

С преодолимым препятствием тесно связаны объемные виды природного пространства такие, как *тағ* ‘гора’, *хыр* ‘горный хребет, холм, возвышенность’, *хыраң* ‘холм’, *хайа* ‘скала, утес’: *Таға сыхсаң – тайааң полам, суға кірзең – чөлең поларбын* (ХС21, с. 51) ‘На гору взойдешь – посохом буду, в воду вступишь – опорой буду’;

Чуиттерге тағ – *хузух кибегі осхас* (ХС21, с. 106) ‘Молодым гора, что скорлупа кедровых орешков’; *Тамах салған кізі тағ асчаң, хыра тоғынған кізі хыраң асчаң* (ХС68, с. 43) ‘Кто сеял, тот гору преодолет, кто пахал, тот холм преодолет’; *Хыймыхтанған кізі хыр азар* (ХС21, с. 41) ‘Кто двигается, тот гору преодолет’; *Чалтанмаза, чалым хайа даа чарылчаң* (ХС21, с. 61) ‘Если не робеть, и отвесную скалу можно разрушить’.

Кроме того, интересным представляется метафоричное переосмысление их высоты, а также широты охвата, объема других типов пространств: *Хыстың хылығы хыр азыра* (ХС21, с.42) ‘Девушки непостоянны (букв. характер девушки выше холма)’; *Сағыс талайдаң даа чалбах, піліс тағдаң даа пөзік* (ХС21, с. 54) ‘Разум шире, чем морской простор, знания выше гор’; *Талайча суғ істім, тасхылча от оттадым* (ХС21, с. 109) ‘С море воду пил, с тасхыл траву щипал’; *Чазыда чортпаан ат чоғыл, чазыбин өскен ир чоғыл* (ХС21, с. 45) ‘Нет лошади, которая не мчалась по степи, нет мужчины, который не испытал тяготы жизни’.

Горное пространство играло важную роль в культуре хакасов. Как отмечают В.А. Бурнаков, Д.Ц. Цыденова, «символизация природно-географического ландшафта несет в себе полисемантический образ горы и идею неразрывной и тесной связи человека с ней» [7, с. 127]. О чем свидетельствуют следующие пословицы: *Тарынғанны таға тарадарға* (ХС21, с. 34) ‘Успокоиться (букв. злобу на гору распространить)’; *Ирінзең, ирге пар, тарынзаң, таға пар* (ХС21, с. 117) ‘Если скучаешь – выходи замуж; если ты рассержен, отправляйся в горы’.

У таежных хакасов, как и у любого другого народа, проживающего в таежной местности, есть множество суеверий, запретов, охотничьих обычаев, связанных с тайгой. Безусловно, они не могли не отразиться в пословицах: *Тайғадағы кізі хысхырбацаң* (ХС21, с. 32) ‘Человеку в тайге нельзя кричать’; *Тайғада тілнең аңнабацаң* (ХС21, с. 32) ‘В тайге языком не охотятся’; *Тайға чирче чөрерге аттың чахсызы кирек, чон пазына турарға ирнің чахсызы кирек* (ХС21, с. 33) ‘В тайге ездить – хорошего коня надо иметь, во главе народа стоять – лучший из мужчин нужен’; *Тайғада махтанма, үлүзіңнең халарзың* (ХС76, с. 80) ‘В тайге не хвались, без доли останешься’; *Тайғада ползаң – тарынма* (ХС21, с. 67) ‘Когда в тайге находишься, не сердись’; *Хортых кізі тайғаа чалғызан чөре чоғыл* (ХС21, с. 96) ‘Трусливому в тайге делать нечего’.

Кроме того, в пословицах репрезентируются и обычаи, традиционные занятия народа с помощью описания обыденного, места обитания того или иного вида зверей, рыб и т.п.: *Тас – тастаан чирде, хыс – парған чирде* (ХС21, с. 34) ‘Камень – там, где

брошен, девушка – там, куда [замуж] выдана»; *Кидеркі тағның киши тох* (ХС21, с. 102) 'Косуля, живущая на западной стороне, сыта'; *Табырғы чортпаан тағ чоғыл, тарыхпин өскен ир чоғыл* (ХС21, с. 88) 'Нет горы, по которой кабарга не бегала, нет мужчины, который бы не сердился'; *Пулан чортпаан тағ чоғыл, пузухпин өскен ир чоғыл* (ХС21, с. 88) 'Нет горы, по которой лось не бегал, нет мужчины, который бы не печалился'; *Чылығ суғда чылба полчаң* (ХС21, с. 53) 'В теплой воде обычно водятся ленки'; *Чылығ суғда палых полчаң, чымыйғанда хылых полчаң* (ХС21, с. 53) 'В теплой воде рыба бывает, у тихого [человека] характер бывает'.

Лексема *чир* 'земля' в хакасском языке многозначна, и в пословицах можно встретить в значении «родина», «мир», «определенный вид местности» и т.п.: *Пос чирі сигбін полчаң* (ХС21, с. 27) 'Своя земля – улада'; *Чылхаң читсе, чирні дее отирзің* (ХС21, с. 61) 'Будешь изворотлив, и всю землю обойдешь'; *Ойын сөстің сыны чох, оймах чирнің төңі чох* (ХС21, с. 20) 'В шутке правды нет, в низине пригорки нет'; *Састығ чирге наспа, чабал кізінең пірікпе* (ХС21, с. 22) 'По болоту не ходи, дружбу с подлым не води'.

Что касается водного пространства, лексема *талай* 'море; большая река', как уже отмечалось, ассоциируется с объемом, широтой, а лексема *суғ* 'вода, река' – с жизнью, нравственной чистотой и т.п. (подробнее см. [6]): *Хайда суғ, анда чурт* (ХС21, с. 52) 'Где вода, там и поселение'; *Хумы чох суғ полбас* (ХС21, с. 40) 'Без песка реки не бывает'; *Суғ пазынаң пуртахталча* (ХС21, с. 29) 'Река мутится с истоков'; *Аның уйады Уйбат кис парды* (ХС21, с. 37) 'Его совесть перешла [реку] Уйбат'. И, наоборот, вязкая, высыхающая протока в следующей пословице связана с отрицательными явлениями: *Чабал мал чілеңе кірерге наадах, чабал кізі харыларға наадах* (ХС21, с. 21) 'Худая скотина в высыхающей протоке вязнет, злой человек спотыкаться горазд'.

Таким образом, хакасские паремии убедительно свидетельствуют как хакасы представляют время и пространство. Так, восприятие времени связано с характером протекающих процессов и действий окружающей природы, а также то, что в хакасском языке для описания общего восприятия времени и пространства широко употребляются лексемы, связанные с традиционным укладом жизни хакасов.

Список литературы

1. Чугунекова А.Н. Вербализация категории пространства в языковой картине мира (на примере паремий хакасского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 354-356.
2. Чугунекова А.Н. Пословицы и поговорки как отражение народных представлений о времени в хакасском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-3 (43). С. 135-137.
3. Чертыкова М.Д. Образ трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 2 (32). С. 79-92.
4. Каксин А.Д. Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами 'собака' и 'лошадь' (на материале хантыйского и хакасского языков) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. С. 44-58. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-44-58.
5. Чертыкова М.Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы ат 'лошадь' (на материале хакасского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 78-84.
6. Чугунекова А.Н. Фразеологические и паремические единицы с компонентом суф 'вода' в хакасском и тувинском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8-1 (59). С. 142-146.
7. Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Гора Ызых таг в сакральном пространстве и обрядности хакасов (конец XIX – XX век) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 117-127.

Список источников

- ХС68 Хыйҕаларның сөзі = Так сказали мудрецы: хакасские пословицы, поговорки / сост. У.Н. Курбижекова. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1968. 132 с.
- ХС76 Хыйҕа сөс = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост. У.Н. Курбижекова, пер. Я. Козловского. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1976. 128 с.
- ХС21 Хыйҕа сөс = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У.Н. Курбижекова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021. 188 с.

УДК 81:008(075)

Семухина Е.А. Грех или прегрешение? Концепт французской культуры «чревоугодие» через призму медиадискурса

Семухина Елена Александровна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», СГТУ имени Гагарина Ю.А., РФ, г. Саратов
semuh@rambler.ru

Sin or transgression? The concept of French culture "gluttony" through the prism of media discourse

Semukhina Elena Aleksandrovna

Cand. Sci. (Philology), associate professor of the Department of translation studies and intercultural communication, Gagarin State Technical University, Russia, Saratov

Аннотация. В статье рассматривается концепт французской культуры «грех чревоугодия» как часть категории греховности. Исследование осуществляется через изучение медиадискурса, в котором находит актуализацию данный концепт. Отмечается, что с XIX века концепт чревоугодия претерпевает значительные изменения, все более отдаляясь от религиозной сферы, в которой он изначально бытовал. Данные изменения связаны с особенностями французской национальной культуры, в которой особое значение имеет вкусная и разнообразная пища.

Ключевые слова: грех, прегрешение, французская культура, медиадискурс, культурная категория, концепт

Abstract. The article deals with the French cultural concept "sin of gluttony" as part of the category of sinfulness. The research is carried out through the study of media discourse, in which this concept is actualised. It is noted that since the XIX century the concept of gluttony undergoes significant changes, becoming more and more distant from the religious sphere in which it was originally lived. These changes are associated with the peculiarities of French national culture, in which tasty and varied food is of special importance.

Keywords: sin, transgression, French culture, media discourse, cultural category, concept

Исследования медиадискурса сегодня являются одними из наиболее актуальных по ряду причин. Это связано в первую очередь с самим понятием медиадискурса, который, по мнению исследователей, представляет собой поликодовое образование, включающее медийный и вербальный компонент [2, с. 27], находящееся в состоянии постоянного обновления, использующее самые актуальные единицы языка и культуры или актуализирующее такие единицы из разных эпох [1, с. 189]. То есть речь идет о новом и постоянно развивающемся явлении, охватывающем всю жизнь современного общества, и проникающем в каждый ее аспект.

В сфере медиадискурса находят отражение актуальные для каждой культуры феномены и объективируются в том числе в языковой форме, что позволяет их успешно исследовать и оценивать [4, с. 76]. К таковым относятся и концепты религиозной культуры [3]. Рассмотрим подробнее языковую объективацию концепта французской культуры «чревоугодие».

Отметим, что данный концепт соотносится с категорией культуры «греховность», к которой относятся также и другие концепты, культурные смыслы, универсалии, образы и др., связанные с понятием греховности (или противопоставленные святости и добродетельности).

Традиционно во французской религиозной (католической) культуре грех чревоугодия относится к числу так называемых «смертных» или непрощительных грехов наряду с гордыней, завистью, гневом, похотью, ленью и алчностью. Однако, по сравнению с другими, именно грех чревоугодия во французской светской культуре активно обсуждается и сегодня, причем не только в религиозных общинах, что свидетельствует об актуальности для современного француза культурной категории греховности в целом и конкретно рассматриваемого греха в частности.

Как отмечают авторы современных публикаций (в частности, на таких французских сайтах, как 7-peches-capitaux.fr [9] и famillechretienne.fr [5]), с начала XIX века чревоугодие стало рассматриваться как наименьший из грехов, стоящий последним в списке непрощительных. Ср.: *«La gourmandise, c'est un «péché mignon», comme le filet du même nom. Un défaut enfantin... qu'on évoque avec indulgence et tendresse [5] / Чревоугодие – это «прегрешение» (милый грешок), как и одноименная вырезка (филе миньон) (зд. игра слов, говяжья вырезка, филе, характеризуется тем же определением «миньон» – «милый, вкусный», как и слово «грех»). Детская слабость... к которой относятся снисходительно и с нежностью».*

Ср. также: *«De toutes les passions, la seule vraiment respectable me paraît être la gourmandise [9] / Из всех страстей единственной уважительной мне представляется чревоугодие»*, – подчеркивает знаменитый писатель XIX века Ги де Мопассан.

Оноре де Бальзак также полагает, что человека вполне можно считать добродетельным, если у него всего лишь один порок – чревоугодие. *«La gourmandise, le péché des moines vertueux [9] / Чревоугодие – грех добродетельных монахов»*, – утверждает он.

Действительно, для культуры, славящейся своей разнообразной и вкусной кухней, утонченными винами и огромным разнообразием сыров, считать процесс

наслаждения этими национальными сокровищами греховным по меньшей мере нелогично. Французы спорят о том, что следует признать чревоугодием: избыточное количество поглощаемой пищи, или желание быть избирательным, есть только изысканную пищу: «*La gourmandise commence quand on n'a plus faim* [9] / Чревоугодие начинается, когда заканчивается голод», – подчеркивает Альфонс Доде, писатель XIX века. Ему вторит современный автор на сайте 7-peches-capitales.fr: «*la gourmandise ... s'attache plus à la qualité et se détache de la quantité / чревоугодие более сопряжено с качеством, и не связано с количеством*».

Французское общество задается вопросом о том, следует ли вообще причислять чревоугодие к порокам и грехам: «*La Gourmandise est-elle vraiment un vice?* [9] / Действительно ли чревоугодие является пороком?».

Французы признают, что этому пороку подвержены все за редким исключением: «*La gourmandise, un vilain défaut? Que celui qui n'a jamais péché jette la première bière!* [5] / Чревоугодие ужасный порок? Кто сам без греха, пусть бросит... первое пиво! (игра слов, где ЛЕ «камень / pierre» из выражения, использованного Христом в новозаветной истории «Христос и грешница», заменена на созвучное во французском языке слово «пиво / bière»).

Интересно, что в 2003 году группа французских рестораторов и известных шеф-поваров обратились с коллективным письмом к Папе римскому Иоанну Павлу II с просьбой исключить чревоугодие из списка смертных грехов, или, по крайней мере, использовать вместо слова *gourmandise* во французском варианте слово *gloutonnerie*, которое означает «обжорство» и имеет общий корень с названием этого же греха в английском (*gluttony*), испанском языках (*gula*) и итальянском (*gola*) языках. Ср.: «*Selon eux, pécher ne consiste pas à aimer la bonne chair, mais à trop manger. Ils souhaitaient donc que ce péché soit rebaptisé en gloutonnerie, intempérance ou goinfrerie* [9] / «По их мнению, грех заключается не в том, чтобы любить хорошую пищу, а в том, чтобы переедать. Поэтому они хотели, чтобы этот грех был переименован в обжорство, невоздержанность или ненасытность». Кроме того, в обращении было сказано, что хорошее и разнообразное питание не может повредить человеческой душе, а напротив, дарит человеку позитивный настрой и служит смягчению нравов. Несмотря на лингвистическую и теологическую аргументацию, просителям было отказано.

Вопреки серьезной религиозной подоплеке слово *gourmandise* постепенно утрачивает свою отрицательную коннотацию во французской культуре. Если на специальных порталах, содержащих электронные толковые словари, мы все еще

находим определение, в котором *gourmandise* описывается в терминах «недостаток обжоры», «ненасытность» (ср.: «*Avidité* [6, 7]. *Caractère, défaut de celui qui est gourmand* [7]. / *Ненасытность. Характер, недостаток чревоугодника*»), то на неспециальных сайтах слово употребляется только в значении «лакомство, сладость, деликатес».

И в связи с этим, *gourmandise* становится распространенным во Франции названием для кафе или кондитерской, а также идеей для мастер-классов по кулинарии, тематикой рукоделия и пр.

Так, например, в XIV округе Парижа, в знаменитом квартале Монпарнас, работает кондитерская «Le Péché De Gourmandise»; в XVI округе, недалеко от знаменитого Булонского леса, – кафе «Gourmandises» и пр. В других городах Франции тоже много подобных названий среди мест общественного питания: в Ла-Ривьер-Сен-Совёр в Нормандии – «La Gourmandise – Boulangerie Pâtisserie», в Ницце – «Boulangerie Patisserie «La Gourmandise», в Валь д'Ажоль в регионе Гранд-Эст с тем же названием, в Ле-Пале в Бретани – «Boulangerie «Gourmandises», в Ла-Талодьер в регионе Овернь-Рон-Альп – «L'atelier Des Gourmandises» и т.д. по всей территории страны.

На многочисленных сайтах по вышиванию крестом изобилуют схемы изображения с надписью «Gourmandise» и изображением продуктов питания, чаще всего сладостей или рецептов кондитерских изделий (см., например, «*Péché de gourmandise à broder / Грех чревоугодия в вышивке*» [8]). Подразумевается, что эти вышивки французские хозяйки разместят у себя на кухне, и, конечно, в этом случае слово, означающее грех чревоугодия, не несет в себе отрицательного или религиозного смысла, а фиксирует в первую очередь смысл «лакомство, вкусное блюдо».

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной французской культуре концепт «грех чревоугодия» постепенно теряет свои признаки религиозного феномена и переходит в светскую сферу. Этот процесс начался в XIX веке и продолжается поныне. Само имя концепта в сознании носителя французского языка связано в первую очередь с представлениями о лакомствах, а не о нарушении Закона Божия, в связи с чем слово *gourmandise* активно используется как название заведений общественного питания, является тематикой разнообразных проявлений творческой активности. В религиозной же сфере грех чревоугодия признается французами небольшим прегрешением, самым легким в ряду других грехов.

Список литературы

1. Генералова Е.В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии // Медиалингвистика. 2020. №8(2). – С. 180-192.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. – Москва: КДУ, Добросвет, 2020. – 178 с.
3. Козлова Е.А., Гремицкая М.В. Концепт «вера» и религиозный дискурс: влияние медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.16. №1. 2023. – С. 285-290.
4. Кудряшова А.П. К проблеме формирования межкультурной коммуникативной компетенции // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты. 2019.– С. 75-79.
5. Famille chretienne [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.famillechretienne.fr/29381/article/les-sept-peches-capitaux-quest-ce-la-gourmandise>. (Дата обращения: 15.11.2023)
6. L'internaute [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/definition/gourmandise/>. (Дата обращения: 22.11.2023)
7. Larousse [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/gourmandise/37656>. (Дата обращения: 22.11.2023)
8. P  ch   de gourmandise    broder [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/5117318/post392821311>. Дата обращения: 12.10.2023.
9. Sept pech  s capitaux [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://7-peches-capitaux.fr/la-gourmandise.htm>. (Дата обращения: 20.11.2023)

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 11 (103), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.12.2023
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 11,2. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru